

ISSN 1813-3274

**АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН:
экономика, политика, право**

**PACIFIC RIM:
Economics, Politics, Law**

№ 2/2021

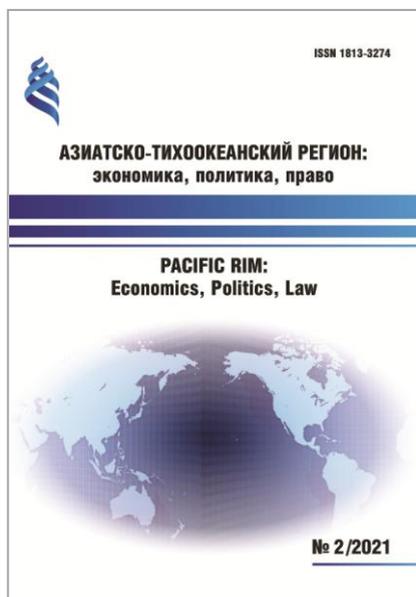
АЗИАТСКО- ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: экономика, политика, право

Научный
журнал

Основан в 1999 году

2021
№ 2

Учредитель:

- Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-65746 от 20.05.2016
- ISSN 1813-3274 (печатная версия)
- ISSN 2499-9474 (онлайн)
- Индекс 83612
- DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274>
- Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук.
- Журнал индексируется в базах данных РИНЦ, «Киберленинка», Google Scholar, Publons, Ulrich и др.

Адрес редакции:

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, кампус ДВФУ,
корп. А(24), к. А920–923

Дальневосточный федеральный университет

Тел.: +7 (423) 265-24-24 (* 2716)

© ФГАОУ ВО ДВФУ, 2021

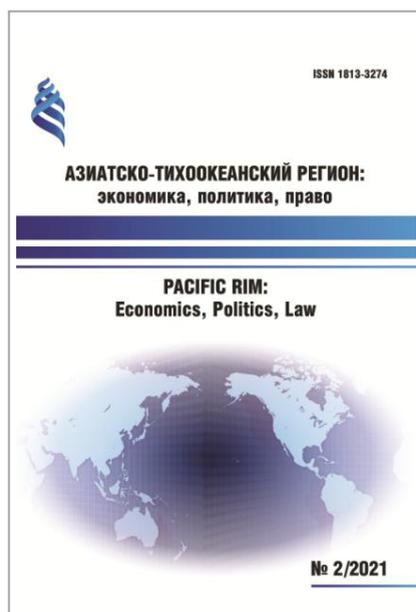
PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law

Research Journal

The Journal was established in 1999

2021
No 2

Founder:

- Registration certificate ПИ № ФС 77-65746 of May 20, 2016
- ISSN 1813-3274 (Print)
- ISSN 2499-9474 (Online)
- Index 83612
- DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274>
- The Journal has been recommended by the Higher Certification Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, for publication of major results of Candidate and Doctoral Dissertations.
- The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index, Cyberleninka, Google Scholar, Publons, Ulrich, & others.

Address:

690922, Vladivostok, Russky Island, 10 Ajax Bay, FEFU Campus,
Building A (24), office A920–923
Far Eastern Federal University
Phone: +7 (423) 265-24-24 (* 2716)

© FEFU, 2021

Председатель редакционного совета журнала

**КНЯЗЕВ
Сергей
Дмитриевич**   судья Конституционного Суда Российской Федерации, заведующий кафедрой конституционного и административного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, профессор кафедры административного права Юридического факультета СПбГУ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

Главный редактор журнала

**КОРОБЕЕВ
Александр
Иванович**   заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Россия

Заместители главного редактора

**ГАВРИЛОВ
Вячеслав
Вячеславович**   доктор юридических наук, доцент, директор Юридической школы, заведующий кафедрой международного публичного и частного права Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия

**КУЗНЕЦОВА
Наталья
Викторовна**   профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, Владивосток, Россия

**МАМЫЧЕВ
Алексей
Юрьевич**   профессор кафедры теории и истории государства и права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, доцент, Владивосток, Россия

Ответственный секретарь

**КОРОЧЕНЦЕВ
Владимир
Владимирович**   заведующий кафедрой общей и экспериментальной химии Школы естественных наук Дальневосточного федерального университета, кандидат химических наук, доцент, Владивосток, Россия

Редакционный совет журнала

- БАКЛАНОВ**
Пётр
Яковлевич академик Российской академии наук, научный руководитель Тихоокеанского института географии Дальневосточного отделения Российской академии наук, доктор географических наук, Владивосток, Россия
- БЕЛКИН**
Виктор
Григорьевич советник директора Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Россия
- ВАНДЕРХЗВААГ**
Дэвид директор Института морского и экологического права, Юридическая школа им. Шулиха, Университет Дэлхаузи, PhD, профессор, Галифакс, Новая Шотландия, Канада
- КАПУСТИН**
Анатолий
Яковлевич научный руководитель Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент Российской ассоциации международного права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Москва, Россия
- КОШЕЛЬ**
Алексей
Сергеевич проректор по общим вопросам Дальневосточного федерального университета, кандидат политических наук, доцент, Владивосток, Россия
- КУРИЛОВ**
Владимир
Иванович член международного экспертного совета при Верховном Суде Китайской Народной Республики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Владивосток, Россия
- ЛИ**
Ик Хён вице-президент Университета Моквон, Республика Корея
- ПАК**
Ноенг профессор права Юридической школы Университета Корё, директор Центра киберправа Университета Корё, президент Центра международных исследований киберправа в Корее, Сеул, Республика Корея; почётный доктор Юридической школы Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия
- ПАНОВА**
Инна
Викторовна профессор департамента публичных дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», судья Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке, доктор юридических наук, профессор, Москва, Россия
- РОГОВ**
Игорь
Иванович заместитель исполнительного директора Фонда первого президента Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель Республики Казахстан, Нур-Султан, Республика Казахстан

СЕВАСТЬЯНОВ Сергей Витальевич	профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доцент, доктор политических наук, Владивосток, Россия
ТРЕТЬЯК Ольга Анатольевна	заведующая кафедрой стратегического маркетинга факультета бизнеса и менеджмента Школы бизнеса и делового администрирования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор экономических наук, профессор, Москва, Россия
ФУ Куенчен	профессор Юридического института «Кайюань» Шанхайского транспортного университета, Шанхай, Китайская Народная Республика
ХУАН Даосю	председатель Научно-исследовательского центра по изучению российского права, профессор, Пекин, Китайская Народная Республика
<i>Редакционная коллегия журнала</i>	
АРАНОВСКИЙ Константин Викторович	судья Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
ВОТИНЦЕВА Людмила Ивановна	член-корреспондент Российской академии естественных наук, профессор кафедры современного банковского дела Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, Владивосток, Россия
ЖАРИКОВ Евгений Прокофьевич	профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, Владивосток, Россия
КОРОТКИХ Наталья Николаевна	профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Россия
НОМОКОНОВ Виталий Анатольевич	профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Россия
ПЕСЦОВ Сергей Константинович	профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, профессор, Владивосток, Россия

Chairman of Editorial Council

Sergey D. Knyazev Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Chair of Department of Constitutional and Administrative Law, Far Eastern Federal University, Professor of Department of Administrative Law, Faculty of Law, Saint Petersburg State University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia

Editor-in-Chief

Alexander I. Korobeev Chair of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Vladivostok, Russia

Deputy of Editor-in-Chief

Vyacheslav V. Gavrilov Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Law School, Chair of Department of International Public and Private Law of the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Natalia V. Kuznetsova Professor of Department of World Economy, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia

Alexey Yu. Mamychev Professor of Department of Theory and History of State and Law, School Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russia

Assistant editor

Vladimir V. Koroquentsev Chair of Department of General and Experimental Chemistry, School of Natural Sciences, Far Eastern Federal University, Candidate of Sciences (Chemistry), Associate Professor, Vladivostok, Russia

Members of Editorial Council

Petr Ya. Baklanov Academician of Russian Academy of Sciences, scientific director of Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of RAS, Doctor of Geographical Sciences, Vladivostok, Russia

Victor G. Belkin Advisor to the Director of School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia

David VanderZwaag Director of Institute of Marine and Environmental Law, Schulich School of Law, Dalhousie University, PhD, Professor, Halifax, Nova Scotia, Canada

- Anatoly Ya. Kapustin** Scientific Director of the Institute of Legislation and Comparative Law Research under the Government of the Russian Federation, President of Russian Association of International Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Russia
- Alexey S. Koshel** Vice-President for General Affairs, Far Eastern Federal University, Candidate in Political Science, Associate Professor, Vladivostok, Russia
- Vladimir I. Kurilov** Member of International Expert Committee within the Supreme Court of People's Republic of China, Honored Educationalist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
- Ik Hyeon Rhee** Vice President, Mokwon University, the Republic of Korea
- Park Nohyoung** Professor of Law of Korea University, Director of Cyber Law Center, Korea University, President of Center for International Cyber Law Studies in Korea, Seoul, Republic of Korea, Honorary Doctor of the Law School, Far Eastern Federal University
- Inna V. Panova** Professor of Department of Public Disciplines, Faculty of Law, National Research University, Higher School of Economics, Retired Judge of Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, Russia
- Igor I. Rogov** Deputy of Executive Director, Foundation of the First President of Kazakhstan, Doctor of Law, Professor, Honored Researcher of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, the Republic of Kazakhstan
- Sergey V. Sevastyanov** Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russia
- Olga A. Tretyak** Head of the Department of Strategic Marketing, Faculty of Business and Management, School of Business and Business Administration, National Research University Higher School of Economics, Doctor of Economics, Professor, Moscow, Russia
- Fu Kuen-chen** Professor, Ko Guan Law Institute of Shanghai Jiao Tong University, Shanghai, People's Republic of China
- Huang Daoxiu** Chairman of the Research Centre for the Study of Russian Law, Beijing, Professor, People's Republic of China

Members of Editorial board

- Konstantin V. Aranovsky** Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia
- Lyudmila I. Votintseva** Professor of Department of Modern Banking, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Honored Educationalist, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russia
- Evgeny P. Zharikov** Professor of Department of World Economy, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Professor, Vladivostok, Russia
- Natalia N. Korotkikh** Professor of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
- Vitaly A. Nomokonov** Professor of Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russia
- Sergey K. Pestsov** Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Professor, Vladivostok, Russia

Содержание

К читателям журнала	11
ЭКОНОМИКА	
<i>Филимонова И. В., Немов В. Ю., Проворная И. В., Ожогова Л. М.</i> Исследование динамики выбросов CO ₂ в странах АТР и постсоветского пространства	15
<i>Микитчук В. П.</i> Инвестиции в общественный сектор как возможность привлечения финансирования на реализацию социальных проектов в регионах и муниципалитетах	31
<i>Сохейли Могадам Сейед Махди.</i> Совершенствование аналитического инструмента PESTEL в системе стратегического управления промышленным предприятием	42
ПОЛИТИКА	
<i>Чжан Шуи.</i> Проблема беженцев в странах Индокитая: к истории вопроса	57
<i>Шумилов В. М., Салия М. Р.</i> Идея всеобъемлющего (большого) евразийского партнёрства в свете международного права (Часть 1)	66
<i>Хисамутдинов А. А., Чи Юйчао.</i> Юридическое образование на северо-востоке Китая (начало XX в.)	79
ПРАВО	
<i>Чурилов А. Ю.</i> Классификация коносаментов и её правовое значение	88
<i>Рабец А. П.</i> Компенсация за нарушение исключительного права на товарный знак: сравнительный анализ законодательства России и КНР	98
<i>Жмуров Д. В.</i> Кибервиктимность как новая категория виктимологии постмодерна	113
<i>Даниловская А. В.</i> Международные основы уголовно-правовой охраны конкуренции	123
<i>Надточий Ю. В.</i> Современные тенденции уголовно-правовой политики в сфере экологической безопасности: проблемы криминализации и декриминализации	139

Contents

To the Readers	11
ECONOMICS	
<i>Filimonova Irina V., Nemov Vasily Yu., Provornaya Irina V. , Ozhogova Lyubov M.</i> Study of the dynamics of CO ₂ emissions in the countries of the Asia-Pacific region and the post-Soviet space	15
<i>Mikitchuk V. P.</i> Investments in the public sector as an opportunity to attract financing for the implementation of social projects in regions and municipalities ..	31
<i>Soheili Mogadam Seyed Mahdi</i> Improving the pestel analytical tool in the strategic management of an industrial enterprise	42
POLITICS	
<i>Zhang Shui.</i> The problem of refugees in the countries of Indochina: to the history of the issue	57
<i>Shumilov V. M., Salia M. R.</i> The idea of the greater Eurasian partnership in the light of international law (Part 1).	66
<i>Khisamutdinov A. A., Chi Yuchao.</i> Legal education in northeast China (early 20th century)	79
LAW	
<i>Churilov A. Yu.</i> Classification of bills of lading and its legal meaning	88
<i>Rabets A. P.</i> Compensation for violation of the exclusive right to a trademark: a comparative analysis of the legislation of Russia and the PRC	98
<i>Zhmurov D. V.</i> Cyber-victimhood as a new category of postmodern victimology ...	113
<i>Danilovskaya Anna V.</i> International foundations of the criminal law protection of competition	123
<i>Nadtochiy Yu. V.</i> Modern trends in criminal law policy in the field of environmental safety: problems of criminalization and decriminalization	139

К читателям журнала

Издаваемый Дальневосточным федеральным университетом с 1999 года журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» является рецензируемым научным журналом и публикует материалы, связанные с научным осмыслением динамичного развития Азиатско-Тихоокеанского региона как российскими, так и зарубежными авторами.

Цель журнала – нести знания и информацию, предоставляя возможность российским и зарубежным учёным, представителям органов власти и крупного бизнеса, непосредственно участвующим в политической и социально-экономической жизни региона, высказывать собственные мнения и суждения относительно проблем развития АТР и Дальнего Востока России.

Материалы журнала адресуются руководителям организаций, учёным, преподавателям и студентам. В журнале глубоко и профессионально освещаются проблемы в экономической, политической и правовой сферах через их интерпретацию в практической плоскости.

Журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» имеет широкий охват как по авторам публикаций, привлекая исследователей из большого количества регионов Российской Федерации и стран Азиатско-Тихоокеанского региона, так и по членам Редакционной коллегии и Редакционного совета, в которых представлены ведущие университеты России и мира.

В своей публикационной активности журнал имеет широкий охват предметных областей, что позволяет ему аккумулировать экспертизу по самому широкому спектру научной проблематики развития АТР и Дальнего Востока России.

По состоянию на 25 декабря 2020 года журнал *включён в Перечень ВАК* по следующим научным специальностям:

Экономические науки:

08.00.01 – Экономическая теория.

08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности).

08.00.14 – Мировая экономика.

Юридические науки:

12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право.

12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

12.00.05 – Трудовое право; право социального обеспечения.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

12.00.10 – Международное право; Европейское право.

12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность.

Политические науки:

23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии.

23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.

Содержание журнала предполагает размещение следующих типов публикаций:

- статьи по экономике, внешнеэкономической деятельности, политике, праву, международному сотрудничеству стран АТР, Дальнего Востока, Приморского края;
- архивные материалы и комментарии к ним по истории сотрудничества России со странами АТР, политическим взаимоотношениям;
- материалы социологических исследований по важнейшим экономическим, общественно-политическим и правовым вопросам;
- справочные и законодательные материалы по регулированию национальных экономик, межстрановому взаимодействию в АТР;
- материалы сравнительно-правовых исследований особенностей законодательства России и стран АТР по различным отраслям права;
- обзоры деятельности региональных организаций;
- сообщения, официальная информация по материалам региональных совещаний, конференций, дипломатических встреч.

Помимо указанных проблем в журнале освещаются и иные региональные аспекты развития – демографические, экологические и пр. Учитывая важность затрагиваемых проблем, редколлегия приглашает к сотрудничеству специалистов из разных сфер деятельности, имеющих отношение к тематике журнала, в том числе сотрудников ДВФУ и других вузов России и стран АТР, научных институтов и аналитических центров, специалистов, знающих на практике проблемы АТР и Дальнего Востока России.

Для публикации статьи в журнале необходимо прислать:

- материалы, согласно указанной рубрике, объёмом не более 20 страниц машинописного текста, включая список литературы, шрифт Times New Roman, кегль 14;
- УДК; Ф.И.О. (полностью), учёную степень и учёное звание, должность, место работы на русском и англ. яз.;
- E-mail для связи с читателями;
- Название статьи; аннотацию (250–300 слов); ключевые слова (не менее 20) – всё на русском и англ. яз.;
- Ссылки внутритекстовые помещать в квадратных скобках, например: «Согласно работе [5]» или, при цитируемой ссылке: [5, с. 18];
- Список литературы (на русском яз.) и References (транслитерация BSI, пер. на англ. яз.) – в конце статьи; обязательно указывать общее количество страниц в печатном источнике.

Авторский оригинал статьи необходимо оформлять по образцу, приведённому на сайте журнала dvfu.ru/apr-magazine/ в разделе «Правила для авторов», и присылать главному редактору журнала по электронной почте: akorobeev@rambler.ru

Надеемся, что журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» сыграет важную роль в обмене опытом между учёными и практиками Дальнего Востока и будет способствовать эффективному решению проблем региона.

Предложения, пожелания, заявки на участие в издательской деятельности журнала и его приобретение направлять по адресу: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, профессору А. И. Коробееву. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Информация о журнале в Интернете: dvfu.ru/apr-magazine/

Тел.: +7 (423) 265-24-24 (*2716).

To the Readers

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law – is a research journal published by Far Eastern Federal University since the year 1999. This peer-reviewed journal offers science-based insights into the dynamic development of the Asia-Pacific Region (APR) suggested by Russian and foreign authors.

The purpose of the journal is to provide knowledge and information to Russian and foreign researchers, authorities and business people who are directly involved in the political, social and economic life of the region, and give them an opportunity to express their own views and opinions on the problems of APR and Russian Far East (RFE) development.

Materials of the Journal are addressed to the heads of companies, researchers, teachers and students. The Journal provides for a deep and professional insight into the economic, political and legal issues based on their practical interpretation.

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law includes a wide range of articles by researchers from many regions of the Russian Federation and countries of the Asia-Pacific Region. Among the members of the Editorial Board of the Journal there are representatives of the leading Russian and foreign universities.

The Journal also covers a wide range of academic areas that allows accumulating the knowledge and expertise on various challenges of APR and RFE development.

As of December 25, 2020 the Journal was included into the list of journals indexed by the Higher Attestation Commission (VAK) on the following academic fields:

Economic science:

08.00.01 – Economic Theory.

08.00.05 – Economics and management of the national economy (by industry and areas of activity).

08.00.14 – Global Economics.

Science of Law:

12.00.02 – Constitutional law; constitutional litigation; municipal law.

12.00.03 – Civil law; entrepreneurial law; family law; international private law.

12.00.05 – Labor law; social security law.

12.00.08 – Criminal law and criminology; criminal and penal law.

12.00.10 – International law; European Law.

12.00.12 – Forensics; forensic expertise; criminal intelligence.

Political Science:

23.00.02 – Political institutions, processes and technologies.

23.00.04 – Political problems of international relations, global and regional development.

The Journal accepts for publication the following types of works:

– articles on the economy, foreign economic activity, politics, law, international cooperation of the APR countries, RFE and Primorye;

– archive materials and comments on the history of cooperation between Russia and APR countries, as well as their political relations;

– sociological research materials on the most relevant economic, social, political and legislative questions;

– legislative reference materials on regulating national economies, inter-country cooperation in the APR;

- materials of comparative legal studies of legislations in Russia and APR countries on different areas of law;
- reviews of the work of regional organizations;
- messages and official information on the materials of regional meetings, conferences and diplomatic events.

In addition to the abovementioned questions, the Journal also covers other aspects of regional development, such as demography, environment, etc. Given the significance of the questions discussed in the Journal, the Editorial Board is looking to cooperate with experts working in different areas included into the Journal's agenda. Among them there are researchers from FEFU and other Russian and APR universities, employees of research facilities and analytical organizations, and any professionals who have expertise in the challenges faced by APR and RFE.

For participation in publication, it is necessary to send:

- Materials according to the specified category, formatted in accordance with the journal's standards, with a volume of no more than 20 pages of text, including references;
- UDC, name (in full), academic degree and academic title, position, place of work – in Russian and English languages;
- E-mail address for communication with readers;
- Article title; abstract (250–300 words); keywords (at least 20) – all in Russian and English languages;
- In-text references should be placed in square brackets, for example: "According to the work [5]" or, in case of a citation: [5, p. 18];
- References (in Russian) and References (BSI transliteration, translated into English) – at the end of the article; be sure to indicate the total number of pages in the printed source.

The author's manuscript of the article must be drawn up according to the format given on the website of the journal dvfu.ru/apr-magazine/ and sent to the editor-in-chief of the journal by e-mail: akorobeev@rambler.ru

We hope that the journal the PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law will play an important role in experience exchange between the scientists and experts of the Far East, and will promote effective solution of the problems of the region.

Proposals, applications for participation in publishing the journal and its acquisition should be directed to: 10, Ajax village, Russky Island, Vladivostok, Primorsky Territory, 690922, RUSSIA, prof. A. I. Korobeev. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Use the following internet link to access the journal's website: dvfu.ru/apr-magazine/
Tel.: +7 (423) 265-24-24 (*2716).

УДК 06.61.33

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/15-30>

И. В. Филимонова¹, ИНГГ СО РАН, г. Новосибирск, Россия
E-mail: FilimonovaIV@list.ru

В. Ю. Немов², ИНГГ СО РАН, г. Новосибирск, Россия
E-mail: Void-pilgrim@mail.ru

И. В. Проворная³, ИНГГ СО РАН, г. Новосибирск, Россия
E-mail: ProvornayaIV@gmail.com

Л. М. Ожогова⁴, ИНГГ СО РАН, г. Новосибирск, Россия
E-mail: ozhogovalm@ipgg.sbras.com

ИССЛЕДОВАНИЕ ДИНАМИКИ ВЫБРОСОВ CO₂ В СТРАНАХ АТР И ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА *

Аннотация. Глобальной целью мирового сообщества является переход к «зелёной» экономике, характеризующийся рациональным использованием электроэнергии, сокращением вредных выбросов и потреблением возобновляемых источ-

---

¹ Ирина Викторовна Филимонова, доктор экономических наук, профессор, заведующая центром экономики недропользования нефти и газа Института нефтегазовой геологии и геофизики им. А. А. Трофимука СО РАН, заведующая кафедрой политической экономии экономического факультета Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск.

² Василий Юрьевич Немов, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра экономики недропользования нефти и газа Института нефтегазовой геологии и геофизики им. А. А. Трофимука СО РАН, доцент кафедры политической экономии экономического факультета Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск.

³ Ирина Викторовна Проворная, кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра экономики недропользования нефти и газа Института нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН, доцент кафедры политической экономии экономического факультета Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск.

⁴ Любовь Михайловна Ожогова, инженер Центра экономики недропользования нефти и газа Института нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН, г. Новосибирск.

Для цитирования: Филимонова И. В., Немов В. Ю., Проворная И. В., Ожогова Л. М. Исследование динамики выбросов CO₂ в странах АТР и постсоветского пространства // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 2. С. 15–30. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/15-30>.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ № МК-1819.2020.6 и государственной программы «Выполнение фундаментальных научных исследований» в рамках научного проекта № 0331-2019-0028.

ников энергии. Целью исследования было изучение сближения объёмов выбросов в развивающихся странах с уровнем европейских стран. Согласно результатам, страны стремятся к достижению более низкого уровня выбросоёмкости, но значительно отличаются по динамике и интенсивности сближения. В европейских странах, не входящих в ОЭСР, рост ВВП на душу населения приводит к снижению интенсивности выбросов на 0,26 %, что свидетельствует о том, что экономический рост создаёт дополнительные ресурсы, которые можно использовать для разработки энергоэффективных технологий. В то время как на постсоветском пространстве и в Азиатско-Тихоокеанском регионе значительное влияние на снижение выбросов оказывает эффективность экологической политики.

Ключевые слова: выбросы CO₂, эмиссии углекислого газа, выбросоёмкость экономики, энергоэффективность, энергопотребление, углеводородное сырьё, АТР, ОЭСР, конвергенция, сходимость, индекс Тейла, эластичность, панельные данные, экологические проблемы, климатическая политика.

Irina V. Filimonova¹, IPGG SB RAS, Novosibirsk, Russia
E-mail: FilimonovaIV@list.ru

Vasiliy Yu. Nemov², IPGG SB RAS, Novosibirsk, Russia
E-mail: Void-pilgrim@mail.ru

Irina V. Provornaya³, IPGG SB RAS, Novosibirsk, Russia
E-mail: ProvornayaIV@gmail.com

Lyubov M. Ozhogova⁴, IPGG SB RAS, Novosibirsk, Russia
E-mail: ozhogovalm@ipgg.sbras.com

STUDY OF THE DYNAMICS OF CO₂ EMISSIONS IN THE COUNTRIES OF THE APR AND THE POST-SOVIET SPACE

Abstract. The global goal of the world community is transition to a "green" economy, characterized by rational use of electricity, reduction of harmful emissions and consumption of renewable energy sources. The aim of the research was to study the convergence of emissions in developing countries with the level of European countries. According to the results, countries are striving to achieve lower emission levels, but differ significantly in the dynamics and intensity of convergence. In non-OECD European countries, per capita GDP growth translates into a 0,26% reduction in emission intensity, indicating that economic growth is creating additional resources that can be used to develop energy-efficient technologies. At the same time, in the post-Soviet space and in the Asia-Pacific region, the effectiveness of environmental policy has a significant effect on reducing emissions.

Key words: CO₂ emissions, carbon dioxide emissions, emission intensity of the economy, energy efficiency, energy consumption, hydrocarbons, Asia-Pacific, OECD, convergence, convergence, Theil index, elasticity, panel data, environmental problems, climate policy.

---

¹ Irina V. Filimonova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Economics of Subsoil Use of Oil and Gas, Trofimuk Institute of Petroleum Geology and Geophysics of SB RAS, Head of the Department of Political Economy, Faculty of Economics, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia.

² Vasily Yu. Nemov, Candidate of Economics, Senior researcher at the Center for Economics of Subsoil Use of Oil and Gas, Trofimuk Institute of Petroleum Geology and Geophysics of SB RAS, Associate professor, Department of Political Economy, Faculty of Economics, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia.

³ Irina V. Provornaya, Candidate of Economics, Associate professor, Senior researcher, Center for Economics of Subsoil Use of Oil and Gas, Trofimuk Institute of Petroleum Geology and Geophysics of SB RAS, Associate professor, Department of Political Economy, Faculty of Economics, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia.

⁴ Lyubov M. Ozhogova Engineer, Center for Economics of Subsoil Use of Oil and Gas, Trofimuk Institute of Petroleum Geology and Geophysics of SB RAS, Novosibirsk, Russia.

For citing: Filimonova I. V., Nemov V. Yu., Provornaya I. V., Ozhogova L. M. Study of the dynamics of CO₂ emissions in the countries of the APR and the post-soviet space // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2021. No. 2. P. 15–30. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/15-30>.

Введение

Одной из важнейших целей современной мировой энергетической политики является усиление «зелёного» фактора в экономике, характеризующейся рациональным использованием электроэнергии, сокращением вредных выбросов и потреблением возобновляемых источников энергии. Достижение данной цели позволит регулировать и существенно сократить эмиссию углекислого газа, повышенное содержание которого является причиной роста среднегодовых температур или потепления климата, что может привести к разрушению экосистем и, соответственно, к ущербу экономической деятельности на пострадавших территориях. В 2019 г. объём выбросов составил 34,2 млрд тонн, их число возросло на 4,2% за последние пять лет. Сохранение такого высокого темпа роста может привести к негативным последствиям в будущем.

Поскольку основной причиной увеличения эмиссии углекислого газа является сжигание нефти, угля и природного газа, то для регулирования выбросов происходит трансформация принципов работы энергетического комплекса. К таким принципам относятся повышение энергоэффективности, развитие возобновляемой и атомной энергетик, замещение использования угля на природный газ. Повышение энергоэффективности подразумевает использование технологий по улавливанию и переработке углекислого газа, сокращение потерь энергии при передаче, а также внедрение энергетического менеджмента и мониторинг показателей, оценивающих содержание выбросов. Одним из таких показателей является выбросоёмкость, т. е. отношение выбросов углекислого газа к ВВП.

На данный момент 83% потребления первичной энергии приходится на ископаемое топливо – нефть, природный газ и уголь, поэтому экономический рост, стимулирующий энергопотребление, приводит к увеличению эмиссии углекислого газа. Поскольку рост выбросов является серьезной проблемой для мирового сообщества, многие страны стремятся модернизировать свои энергетические системы и сделать их более эффективными. Первыми внедрять политику энергоэффективности стали развитые страны Европы, которые и являются основоположниками развития международных экологических норм. Развивающиеся же страны, у которых высокие темпы роста экономики и, соответственно, энергопотребления, при разработке энергетических стратегий ориентируются на применяемые в Европе технологии и методы. Поэтому целью исследования стало исследование конвергенции выбросоёмкости в развивающихся странах к европейскому уровню.

Направления исследования конвергенции в мировой литературе

Идея исследования сходимости развивающихся стран к развитым появилась после анализа неоклассических моделей роста в XX веке. Так на их основе были выявлены две основные концепции конвергенции: σ -конвергенции и β -конвер-

генции. Они были представлены в работах Варго и Salo-i-Martin в конце XX в. [5, 11]. Концепция σ -конвергенции подразумевает, что разброс изучаемого показателя в рассматриваемой группе стран сокращается [2]. Для проверки на наличие данного типа сходимости используются различные показатели: среднеквадратическое отклонение, коэффициент вариации, Индекс Тейла, Индекс Джини, с помощью которых оценивается плотность распределения. Концепция β -конвергенции предполагает, что рассматриваемый показатель в странах, где он первоначально ниже, изменяется быстрее, чем в тех, где он первоначально выше. Стоит отметить, что существование β -конвергенции не означает наличие σ -конвергенции, поэтому нельзя отождествлять эти понятия и для их проверки необходимо использовать соответствующие методики [2]. Ещё одной популярной концепцией конвергенции является метод «Distribution dynamics», предложенный в 1996 г. учёным Danny T. Quah. Данный методический подход подразумевает моделирование функции распределения изучаемого показателя для определения его устойчивого состояния. Если же в рамках традиционных подходов (σ - и β -конвергенции) исследуется сходимость стран к некоему усредненному уровню, то в этом методе рассматриваются индивидуальные уровни устойчивости [10].

Первоначально учёные исследовали конвергенции доходов, однако затем сфера применения расширилась: сейчас методы применяются для анализа производительности труда, процентных ставок, энергоёмкости и т. д. Обострение экологических проблем, вызванных увеличением количества парниковых газов, заставило исследователей задуматься о существовании устойчивого уровня загрязнения. Первым учёным был J. A. List, опубликовавший свою работу «Have air pollutant emissions converged among US regions? Evidence from unit root tests» в 1999 г. С помощью тестов на единичный корень автор проверил существование конвергенции выбросов оксида азота и диоксида серы в США в 1929–1994 гг. В результате исследования сходимость была найдена во всех 10 регионах США, разделённых по классификации EPA [7].

Методика, предложенная в работе J. A. List, была усовершенствована им в исследовании «Are CO₂ emissions levels converging among industrial countries» [12] и применена для исследований конвергенции в развитых странах Европы, в США, в Канаде, в Австралии, в Новой Зеландии и в Японии. В статье авторы оценили две модели: уравнение β -конвергенции и зависимость прироста относительных выбросов (отношение текущего значения к среднему по группе) от времени. В результате полученные коэффициенты β оказались значимыми на уровне 1% и подтвердили существование условной конвергенции. Однако вторая модель отвергает гипотезу о дивергенции лишь на уровне 11%.

В 2017 г. вышла работа «Stochastic and club convergence of sectoral CO₂ emissions in the European Union» [9], посвящённая исследованию конвергенции вы-

бросов углекислого газа. Авторы воспользовались несколькими методическими подходами для изучения сходимости: анализ уровня интегрированности разности значений переменных и анализ клубной конвергенции. Для получения более точных результатов они рассмотрели выбросы от трех секторов экономики: энергетика, промышленность и сельское хозяйство. Результаты тестов на стохастическую конвергенцию отвергли её существование. Также авторы выявили, что нет сходимости выбросов в полной выборке стран Европейского Союза. Однако разделение на группы стран позволило выделить клубы, где существование конвергенции к среднему уровню подтвердилось.

Еще одной работой, рассматривающей конвергенцию углекислых газов, является статья К. Е. Kounetas «Energy consumption and CO₂ emissions convergence in European Union member countries» [6]. Для исследования автор использует регрессионный метод и метод *distribution dynamics*. В рамках регрессионного метода автор оценивает уравнение безусловной β -конвергенции, а в методе *distribution dynamics* – функции распределения выбросов диоксида углерода. В результате исследования не была обнаружена конвергенция в 25 европейских странах с 1970 г. по 2010 г. Автор объясняет это тем, что углеводородное топливо играет важную роль в регионе. Также это может быть связано с различиями в национальной политике, в уровне технологий и в регулировании энергетического сектора.

В работе О. А. Подкорытовой и Ю. В. Раскиной «Постсоветское пространство и Европейский Союз: преодоление разрыва в энергоэффективности» была изучена энергоёмкость стран СНГ. В ходе исследования постсоветского пространства были разделены на три клуба с помощью $\log t$ теста, разработанного зарубежными учеными Phillips и Sul. В результате тестирования моделей была найдена сходимость энергоёмкости рассматриваемых клубов к европейскому уровню за исключением Армении, Молдовы и Российской Федерации. Также авторы выявили, что на снижение энергоёмкости сильное влияние оказывает рост душевого ВВП и степень его снижения в богатых природными ресурсами странами (Россия, Казахстан) более низкая по сравнению с остальными [4].

В статье И. А. Забелиной и Е. А. Клевакиной «Потенциальное воздействие экономики на эмиссию парниковых взглядов: оценка межрегиональной дифференциации» проведен анализ соотношения ВВП к энергопотреблению и удельных выбросов с помощью таких коэффициентов неравенства, как индекс Джини, индекс Тейла и индекс Аткинсона. Авторы выявили, что у половины регионов низкая продуктивность энергии, т. е. единица энергии создает небольшую добавленную стоимость [3]. Исследование выбросов углекислого газа также подтвердило высокую межрегиональную дифференциацию, вызванную существенными отличиями в уровнях доходов регионов.

Методическая основа исследования конвергенции выбросоёмкости экономики

Одной из основных целей энергетических политик стран во всем мире является снижение выбросов углекислого газа, которые выделяются при сжигании традиционных видов топлива. Развитые страны стремятся к снижению эмиссии в абсолютном выражении, а развивающиеся страны – удельного количества. Анализ динамики соотношения выбросов диоксида углерода к реальному ВВП в различных странах мира показал, что происходит устойчивое снижение уровня выбросоёмкости экономики и его стабилизация на определённом уровне (рис. 1). Также было замечено, что в развивающихся странах удельное число выбросов выше, чем в развитых странах Европы.

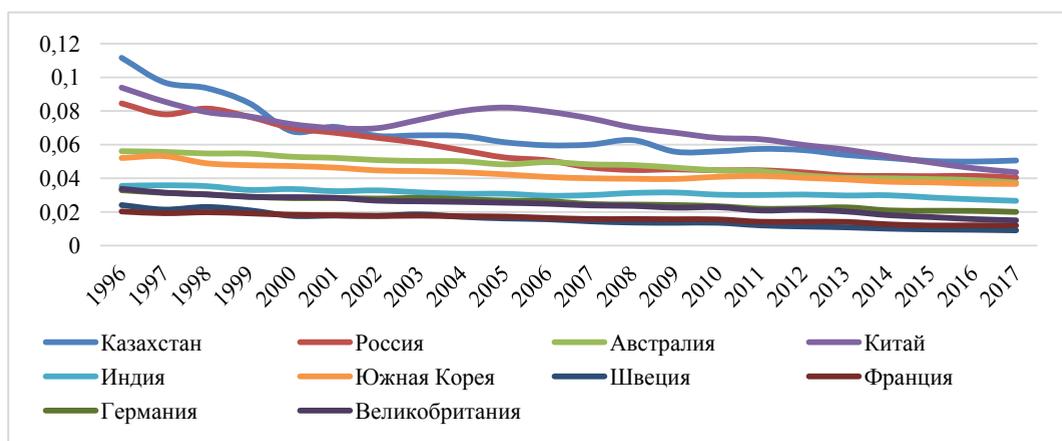

Рис. 1. Соотношение выбросов углекислого газа к реальному ВВП в странах мира, %
Источник: рассчитано авторами

Более того, с течением времени различия в уровнях выбросоёмкости снижаются, т. е. происходит некое сближение этого показателя не только в макрорегионах, но и по странам. Это обусловило интерес к исследованию конвергенции выбросоёмкости в развивающихся странах к европейскому уровню. Страны Европы активно разрабатывают инициативы и внедряют проекты для улучшения экологии, а также развивают возобновляемую энергетику. На данный момент именно развитые страны Европы обладают низким уровнем выбросоёмкости, при этом они обладают сильной экономикой и их ВВП ежегодно растёт.

Для исследования данного тренда выбрана методика, представленная в статье Markandaya «Energy intensity in transition economies: Is there convergence towards the EU average» [8]. Благодаря этому подходу можно рассмотреть существование сходимости выбросоёмкости в развивающихся странах к европейскому уровню. В рамках методики предполагается, что текущее значение удельных выбросов ϕ_{it} зависит от значения в предыдущем периоде и от ожидаемого значения. Однако не

всегда удастся достичь желаемого уровня, поэтому в модель вводится параметр временного лага μ :

$$\varphi_{it} = \varphi_{i,t-1} \left(\frac{\varphi_{it}^*}{\varphi_{i,t-1}} \right)^\mu. \quad (1)$$

По предположению данной методики развивающиеся страны при выборе целевых показателей энергетической и экологической политик ориентируются на их уровень в развитых странах. Следовательно, φ_{it}^* зависит от удельных выбросов в европейских странах φ_{ut} и от уровня различий в доходах (y_{ut}). В качестве φ_{ut} выберем среднее значение по 10 европейским странам, у которых наименьшее удельное количество выбросов диоксида углерода. Соответственно, ожидаемое удельное число выбросов углекислого газа может быть описано следующей формулой:

$$\varphi_{it}^* = A \left(\frac{y_{ut}}{y_{it}} \right)^\eta \varphi_{ut}, \quad (2)$$

где A – константа,

η – эластичность по отставанию душевого ВВП.

Соединив и прологарифмировав оба выражения, приведем модель к следующему виду:

$$\ln \left(\frac{\varphi_{it}}{\varphi_{i,t-1}} \right) = B + D \ln \left(\frac{y_{ut}}{y_{it}} \right) + C \ln \left(\frac{\varphi_{ut}}{\varphi_{i,t-1}} \right), \quad (3)$$

где $B = \mu \ln(A)$, $D = \mu \eta$, $C = \mu$.

Таким образом, зависимой переменной будет рост удельных выбросов углекислого газа, а независимыми переменными – уровень разрыва доходов (отношение душевых ВВП) и уровень разрыва удельных выбросов CO_2 европейских стран и рассматриваемой страны. Коэффициент C показывает скорость сближения удельных выбросов в рассматриваемой стране к европейскому уровню. Если коэффициент $C > 0$, то динамики двух переменных совпадают и существует конвергенция. Коэффициент D отвечает за влияние разрыва в благосостояниях стран, поэтому его положительное значение свидетельствует о том, что сближение уровней доходов сокращает рост удельных выбросов.

Важным этапом в работе является формирование выборок стран. Для исследования сходимости выбросоёмкости к европейскому уровню сформированы следующие группы: страны постсоветского пространства; страны АТР; страны Европы, не входящие в ОЭСР (табл. 1). Информационной базой исследования являются данные Всемирного Банка и British Petroleum. Выбросоёмкость была рассчитана как отношение выбросов углекислого газа к реальному ВВП, рассчитанному по ППС в ценах 2011 г.

Для определения уровня выбросоёмкости экономики, который мог бы выступить асимптотическим уровнем при исследовании конвергенции, был составлен

рейтинг 10 европейских стран с наименьшим значением этого показателя – Швеция, Франция, Ирландия, Великобритания, Люксембург, Испания, Германия, Португалия, Бельгия, Чехия. Среднее значение выбросоёмкости в этой группе составило 0,018 и использовано в качестве целевого ориентира, а также в расчётах.

Таблица 1

Страны, вошедшие в выборки

Страны Европы, не входящие в ОЭСР	Страны постсоветского пространства	Страны АТР
Болгария, Кипр, Македония, Румыния, Словения, Турция	Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Латвия, Литва, Россия, Узбекистан, Украина, Эстония	Австралия, Китай, Индия, Индонезия, Япония, Малайзия, Новая Зеландия, Южная Корея, Таиланд

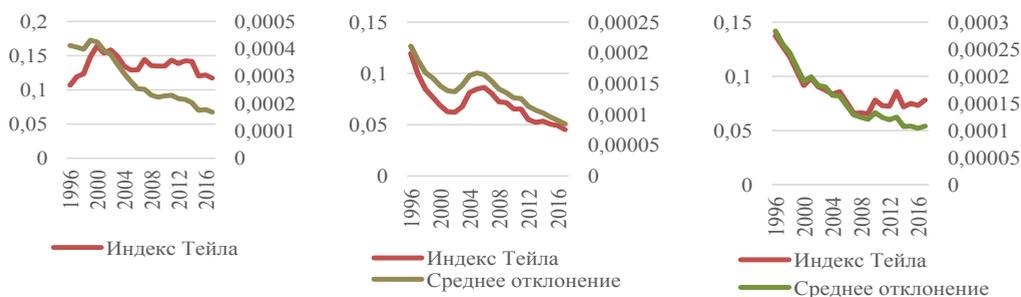
Структура энергопотребления в рассматриваемых регионах похожа на структуру в развитых европейских странах, а также они подвержены общим тенденциям: снижение доли угля, увеличение использования природного газа и развитие альтернативных источников энергии. Выбросоёмкость в рассматриваемых регионах с течением времени снижается, однако ее уровень выше, чем в европейских странах. Это связано с низкой доступностью технологий по улавливанию углекислого газа и их дороговизной, высокой зависимостью от углеводородного сырья и институциональными барьерами при развитии ВИЭ.

Сформированные выборки стран будут проверены на наличие σ -конвергенции, что поможет статистически проверить существование сближения выбросоёмкости в рассматриваемых регионах с европейскими странами. Для этого к выборке добавим новый объект (условную страну), значение выбросоёмкости которого равно среднеевропейскому уровню. Затем для расширенной группы рассчитаем среднее отклонение и индекс Тейла. В работе используется индекс Тейла, поскольку он удовлетворяет аксиомам Шоррокса-Уана (симметричность, принцип Пигу-Далтона, независимость от шкалы измерения, инвариантность репликации и нормализация по нулю) и, соответственно, является универсальным. Если рассчитанные показатели снижаются с течением времени, то существование σ -конвергенции подтверждается. Кроме того, данный анализ поможет выбрать соответственные временные промежутки, когда происходило сближение выбросоёмкостей.

Следующим шагом будет оценка коэффициентов регрессий, построенных на панельных данных, и проведение соответствующих тестов для сравнения моделей (тесты Фишера, Бройша-Пагана и Хаусмана). Тестирование позволит выбрать наиболее статистически значимую модель среди трёх моделей: модель с фиксированными эффектами, модель со случайными эффектами и модель с МНК-регрессией.

Результаты оценки сходимости динамики выбросоёмкости экономики стран АТР и постсоветского пространства к европейскому уровню

Перед началом определения сходимости регионов к европейскому уровню нужно определить наличие σ -конвергенции, чтобы проверить снижение вариации исследуемого показателя. Для этого рассчитаем в каждой выборке среднеквадратическое отклонение и индекс Тейла удельных выбросов углекислого газа с учетом среднего уровня в 10 европейских странах. Кроме того, данная процедура позволит корректно выбрать период для моделирования, поскольку рассчитываемые показатели должны уменьшаться на протяжении нескольких лет. На рис. 2 представлена динамика среднеквадратичного отклонения и индекса Тейла для стран постсоветского пространства, АТР и стран Европы, не состоящих в ОЭСР. σ -конвергенция была обнаружена во всех рассматриваемых регионах, однако в бывших союзных республиках она возникла в 2000 г., в то время как в АТР и странах Европы, не входящих в ОЭСР, – в 1996 г.

А) Страны постсоветского пространства

В) Страны АТР

С) Страны Европы, не входящие в ОЭСР

Рис. 2. Проверка на существование σ -конвергенции по макрорегионам

Следующим шагом оценим модель сходимости удельных выбросов углекислого газа для двух регионов и построим три регрессионные модели, чтобы выбрать наиболее статистически значимую с помощью тестирования.

Для стран постсоветского пространства были получены следующие результаты, представленные в табл. 2. В исследовании были использованы данные 9 стран с 2000 г. по 2017 г. Результаты статистических тестов показали, что для анализа региона следует работать с моделью с фиксированными эффектами. Простая МНК-регрессия и модель со случайными эффектами оказались менее предпочтительными по результатам тестирования.

Таблица 2

**Коэффициенты модели с фиксированными эффектами
для стран постсоветского пространства**

Показатель	Значение
D	0,039 (0,277)
C	0,150 (0,000)
μ	0,150
η	0,259
F-статистика	9,568 (0,000)
Тест Хаусмана	0,0003
R ²	0,10

Коэффициенты D и C оказались положительными, что свидетельствует о наличии конвергенции между 10 европейскими странами и странами постсоветского пространства. Сокращение разрыва в значениях удельных выбросов углекислого газа между европейскими странами и исследуемым регионом на 1% приводит к снижению темпа роста данного показателя на 0,15%. Кроме того, сближение благосостояния экономик двух регионов на 1% обеспечит снижение темпов роста удельных выбросов на 0,259%.

Результаты исследования сходимости удельных выбросов углекислого газа в странах АТР представлены в табл. 3. Поскольку σ -конвергенция была найдена в 1996 г., для моделирования были использованы данные 15 стран за период 1996–2017 гг. Для выявления наиболее предпочтительной модели проведены все необходимые статистические тесты, и такой оказалась панельная регрессия с фиксированными эффектами. Сходимость к европейскому уровню была подтверждена, поскольку все коэффициенты уравнения (C и D) оказались положительными. Снижение темпов роста удельных выбросов обеспечивается в странах АТР как за счет сближения экономик регионов, так и за счет сближения экологического состояния. Если разрыв в благосостояниях между европейскими странами и странами АТР сократится на 1%, то темп роста удельных выбросов уменьшится на 0,008%.

Таблица 3

Коэффициенты модели с фиксированными эффектами для стран АТР

Показатель	Значение
D	0,008 (0,516)
C	0,124 (0,000)
μ	0,124
η	0,065
F-статистика	9,568 (0,000)
Тест Хаусмана	0,000
R ²	0,20

В странах Европы также была обнаружена конвергенция выбросоёмкости экономики к уровню развитых европейских стран с помощью панельной регрессии с фиксированными эффектами, которая по результатам тестирования оказалась наиболее статистически значимой (табл. 4). Коэффициенты С и D уравнения регрессии оказались положительными, что подтверждает сходимостью удельных выбросов региона к рассматриваемому уровню. Сокращение в разрыве доходов с развитыми европейскими странами приводит к сокращению темпов роста выбросоёмкости на 0,542%, т. е. с ростом экономики регион становится более энергоэффективным и экологичным. Сближение в уровне выбросоёмкости с развитыми странами Европы вызывает уменьшение роста удельной эмиссии диоксида углерода на 0,16%.

Таблица 4

**Коэффициенты модели с фиксированными эффектами
для стран Европы, не входящих в ОЭСР**

Показатель	Значение
D	0,090 (0,022)
C	0,166 (0,000)
μ	0,166
η	0,542
F-статистика	8,496 (0,000)
Тест Хаусмана	0,001
R ²	0,11

Оценки коэффициентов η для стран просоветского пространства, стран Европы, не входящих в ОЭСР, и стран АТР составили 0,259, 0,542 и 0,065 соответственно. Это означает, что в странах Европы, не состоящих в ОЭСР, темп сближения экономик к европейскому уровню выше, чем в других странах. Кроме того, на сокращение темпов выбросоёмкости в странах Европы и СНГ большее влияние оказывает разрыв в уровне благосостояний. В странах АТР, наоборот, сокращение значения удельных выбросов происходит быстрее, чем сокращение разрыва в ВВП на душу населения. Это можно объяснить тем, что в странах АТР потребность в энергоресурсах изначально выше, чем в странах постсоветского пространства, поэтому использование экологичных технологий и возобновляемых источников энергии приводит к более существенному падению роста выбросов.

Дискуссия о причинах и следствии снижения выбросоёмкости экономики

В ходе исследования подтверждено существование σ -конвергенции уровня выбросоёмкости в странах постсоветского пространства, странах АТР и странах Европы, не входящих в ОЭСР, с уровнем 10 наиболее энергоэффективных стран Ев-

ропы. Это является ожидаемым результатом, поскольку с 90-х гг. XX в. возросла международная активность в области экологии и «зелёной» энергетики. Одним из катализаторов снижения выбросов углекислого газа стал Киотский протокол, принятый в 1997 г [1]. Благодаря ему проблема глобального потепления была популяризована, а многие страны стали более лояльными к сокращению выбросов углекислого газа. В 2015 г. были приняты Парижские соглашения, которые обозначили новый курс на декарбонизацию экономики. Это подтверждает готовность стран к значительному сокращению эмиссии диоксида углерода и трансформации энергетики в направлении низкоуглеродного развития.

В отличие от других рассматриваемых регионов, в странах постсоветского пространства сближение с европейским уровнем началось с 2000 г., а не с 90-х гг. XX в. Это может быть связано с тем, что экономика региона тяжело переживала распад СССР, который вызвал упадок производства и разрушение многих экономических связей. Кроме того, использование экологических технологий в тот период широко не применялись. В странах АТР в 2002–2005 гг. наблюдалась дивергенция с европейским уровнем, вызванная ростом выбросоёмкости в Китае. В странах же Европы, не входящих в ОЭСР, наблюдалась конвергенция выбросоёмкостей с наиболее энергоэффективными европейскими странами, и разброс с течением времени существенно снизился, что обосновано прочными экономическими и политическими связями.

Протестировав модель для стран Европы, не входящих в ОЭСР, была выявлена сходимости их выбросоёмкости к уровню 10 наиболее энергоэффективных стран Европы. На сокращение разрыва удельного количества углекислого газа влияют сближение стран по уровню благосостояния и по экологическому развитию. Значение эластичности η больше, чем значение μ , это означает, что на процесс сходимости выбросоёмкости сильное воздействие оказывает сближение доходов в рассматриваемом регионе и 10 наиболее энергоэффективных странах. Действительно, внедрение технологий по уменьшению выбросов и по очистке являются дорогостоящими, что тормозит внедрение различных мер экологических политик. Однако рост дохода страны создает дополнительные средства, которые могут быть использованы для улучшения экологии. Также известно, что с ростом доходов население проявляет больший интерес к охране окружающей среды, стремится снизить загрязнение природы, разрабатывает способы устранения экологических проблем, а также становится более лояльным к проведению экологической политики (введение квот, налогов и т.д.). Кроме того, сближение данного макрорегиона к уровню 10 наиболее энергоэффективных стран происходит быстрее, чем в странах постсоветского пространства и АТР. Географическая близость к странам-инициаторам международных экологических проектов заставляет регион переосмысливать свою политику в области экологии и энергетики, своевременно принимать необходимые

меры и перенимать технологии. Это в дальнейшем влияет на скорость снижения выбросоёмкости.

В странах постсоветского пространства сближение энергетического развития с европейскими странами оказалось значимым, а сокращение разрыва в доходах – незначимым. Такая же зависимость прослеживается и в странах АТР. Это может быть вызвано тем, что в рассматриваемый период активно развивалось международное сотрудничество в рамках борьбы с изменением климата, и страны внедряли политику сокращения выбросов. Конечно, реальный доход в странах постсоветского пространства и АТР вырос с 1996 г. до 2017 г., однако его разрыв с европейскими странами остаётся существенным. Более того, в некоторых странах значение в разрыве дохода с европейским регионом практически не меняется в рассматриваемый период. Тем не менее, рассматриваемые страны постсоветского пространства и АТР не оставались в стороне от политики борьбы с загрязнением и сокращали эмиссию углекислого газа. Соответственно, на снижение выбросоёмкости больше влияли политические решения в области экологии и общее осознание серьёзности проблемы изменения климата, а не рост благосостояния.

Заключение

Широкое освещение экологических проблем во многом обосновано ужесточением законодательства в области природопользования и постановкой новых целевых ориентиров в энергетической политике и выборе инструментов по сохранению окружающей среды, сокращению выбросов.

Согласно полученным результатам исследования сходимости выбросов установлено, что страны в разной степени стремятся к более низкому уровню выбросоёмкости. В странах Европы, не входящих в ОЭСР, рост душевого дохода ведёт к сокращению темпов выбросоёмкости на 0,259%. Это значит, что экономический рост создает дополнительные ресурсы, которые могут быть использованы для развития энергоэффективных технологий. В странах постсоветского пространства и АТР значимый эффект на сокращение выбросоёмкости оказывает результативность экологической политики, направленной на минимизацию эмиссии углекислого газа.

Таким образом, выбросоёмкость рассматриваемых регионов стремится к европейскому уровню, что является следствием роста международного сотрудничества в области экологии.

Практическим выводом для экономики России по результатам исследования могут стать рекомендации о корректировке энергетической стратегии в направлении диверсификации экспортных поставок и продолжении курса на укрепление сотрудничества со странами АТР. Однако в долгосрочной перспективе стремление стран АТР к более низкому уровню выбросоёмкости экономики может привести к сокращению доходности экспортных поставок нефти и газа из России. Поэтому целесооб-

разно расширять сотрудничество не только в сырьевом секторе экономики, но и в области энергосберегающих и минимизирующих выбросы технологий, повышающих эффективность использования ресурсов и улавливающих эмиссию вредных компонентов от использования, переработки и транспортировки углеводородов.

Список литературы

1. Акаев, А. А. От Рио до Парижа: достижения, проблемы и перспективы в борьбе с изменением климата // Вестник Российской академии наук. – 2017. – Т. 87, № 7. – С. 587–598.
2. Глущенко, К. П. Мифы о бета-конвергенции // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2012. – Т. 4, № 16. – С. 26–44.
3. Забелина, И. А. Потенциальное воздействие экономики на эмиссию парниковых газов: оценка межрегиональной дифференциации / И. А. Забелина, Е. А. Клевакина // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2013. – № 12. – С. 124–132.
4. Подкорытова, О. А. Постсоветское пространство и Европейский Союз: преодоление разрыва в энергоэффективности / О. А. Подкорытова, Ю. В. Раскина // Вестник СПбГУ. Сер. 5, Экономика. – 2014. – № 2. – С. 106–121.
5. Barro, R. J. Convergence / R. J. Barro, X. Sala-i-Martin // Journal of political Economy. – 1992. – Vol. 100, № 2. – P. 223–251.
6. Kounetas, K. E. Energy consumption and CO₂ emissions convergence in European Union member countries. A tonneau des Danaïdes? // Energy Economics. – 2018. – Vol. 69. – P. 111–127.
7. List, J. A. Have air pollutant emissions converged among US regions? Evidence from unit root tests // Southern Economic Journal. – 1999. – Vol. 66, № 1. – P. 144–155.
8. Markandya, A. Energy intensity in transition economies: is there convergence towards the EU average? / A. Markandya, S. Pedroso-Galinato, D. Streimikiene // Energy Economics. – 2006. – Vol. 28, № 1. – P. 121–145.
9. Stochastic and club convergence of sectoral CO₂ emissions in the European Union / R. Morales-Lage, A. Bengochea-Morancho, M. Camarero, I. Martinez-Zarzoso. – Castellón, 2017. – № 01. – 49 p.
10. Quah, D. T. Twin peaks: growth and convergence in models of distribution dynamics // The Economic Journal. – 1996. – Vol. 106, № 437. – P. 1045–1055.
11. Sala-i-Martin, X. X. The classical approach to convergence analysis // The Economic Journal. – 1996. – Vol. 106, № 437. – P. 1019–1036.
12. Strazicich, M. C. Are CO₂ emission levels converging among industrial countries? / M. C. Strazicich, J. A. List // Environmental and Resource Economics. – 2003. – Vol. 24, № 3. – P. 263–271.

References

1. Akaev A. A. Ot Rio do Parizha: dostizheniya, problemy i perspektivy v bor'be s izmeneniem klimata [From Rio to Paris: Achievements, Problems and Prospects in Combating Climate Change]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, 2017, vol. 87, no. 7, pp. 587–598.
2. Glushchenko K. P. Mify o beta-konvergensii [Myths about beta convergence]. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii*, 2012, vol. 4, no. 16, pp. 26–44.
3. Zabelina I. A., Klevakina E. A. Potentsial'noe vozdeistvie ekonomiki na emissiyu parnikovyykh gazov: otsenka mezhhregional'noi differentsiatsii [Potential impact of the economy on greenhouse gas emissions: an assessment of interregional differentiation]. *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 12, pp. 124–132.
4. Podkorytova O. A., Raskina Yu. V. Postsovetskoe prostranstvo i Evropeiskii So-yuz: preodolenie razryva v energoeffektivnosti / [Post-Soviet space and the European Union: bridging the gap in energy efficiency]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Series 5, Ekonomika*, 2014, no. 2, pp. 106–121.
5. Barro R. J., Sala-i-Martin X. Convergence // *Journal of political Economy*. – 1992. – T. 100. – No. 2. – pp. 223–251.
6. Kounetas K. E. Energy consumption and CO₂ emissions convergence in European Union member countries. A tonneau des Danaïdes? *Energy Economics*, 2018, vol. 69, pp. 111–127.
7. List J. A. Have air pollutant emissions converged among US regions? Evidence from unit root tests. *Southern Economic Journal*, 1999, vol. 66, no. 1, pp. 144–155.
8. Markandya A., Pedroso-Galinato S., Streimikiene D. Energy intensity in transition economies: is there convergence towards the EU average? *Energy Economics*, 2006, vol. 28, no. 1, pp. 121–145.
9. Morales-Lage R., Bengochea-Morancho A., Camarero M., Martinez-Zarzoso I. *Stochastic and club convergence of sectoral CO₂ emissions in the European Union*. Castellón, 2017. № 01. 49 c.
10. Quah D. T. Twin peaks: growth and convergence in models of distribution dynamics. *The Economic Journal*, 1996, vol. 106, no. 437, pp. 1045–1055.
11. Sala-i-Martin X. X. The classical approach to convergence analysis. *The Economic Journal*, 1996, vol. 106, no. 437, pp. 1019–1036.
12. Strazicich M. C., List J. A. Are CO₂ emission levels converging among industrial countries? *Environmental and Resource Economics*, 2003, vol. 24, no. 3, pp. 263–271.

УДК 338.23

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/31-41>

В. П. Микитчук¹, Северо-Восточный государственный университет,

г. Магадан, Россия

E-mail: mikitchuk72@mail.ru

Orcid:0000-0002-6783-1824

ИНВЕСТИЦИИ В ОБЩЕСТВЕННЫЙ СЕКТОР КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ФИНАНСИРОВАНИЯ НА РЕАЛИЗАЦИЮ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В РЕГИОНАХ И МУНИЦИПАЛИТЕТАХ

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые особенности становления общественного сектора как элемента публичного управления в стране. Подчёркивается, что в настоящее время процесс поддержки общественного сектора носит диссипативный и диверсифицированный характер. Осуществлён авторский сравнительный анализ показателей привлечения грантового финансирования в два региона Российской Федерации – Белгородскую область, где инвестиции в инфраструктуру общественного сектора осуществляются уже долгие годы, и Магаданскую, где этот процесс находится на начальном этапе. Период проведения исследования составил 2017–2020 гг., а именно 9 конкурсов Грантов президента, при этом учитывались только проекты-победители. Автором разработаны индикаторы развития общественного сектора, позволяющие определить приоритеты инвестиционной стратегии для привлечения финансирования в социальную сферу региона и муниципалитета. К числу данных показателей были отнесены индекс включённости в грантовые программы, индекс социальной доходности, активность деятельности ресурсного центра для *некоммерческих организаций* (НКО), уровень проектных компетенций у представителей НКО, доля НКО муниципалитетов, участвующих в конкурсах грантов. На основе вышеизложенного предложены рекомендации, которые в разной степени могут быть скомбинированы в инвестиционных стратегиях регионов и муниципалитетов.

---

¹ *Виталий Павлович Микитчук*, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет» (СВГУ), г. Магадан, Россия. Orcid:0000-0002-6783-1824.

Для цитирования: Микитчук В. П. Инвестиции в общественный сектор как возможность привлечения финансирования на реализацию социальных проектов в регионах и муниципалитетах // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 2. С. 31–41. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/31-41>.

Ключевые слова: инвестиции в общественный сектор, социальная сфера, социальное проектирование, экономика, гранты, государственное управление, инвестиционные ресурсы, *некоммерческие организации (НКО)*, Белгородская область, Магаданская область, публичное управление, грантодатель, индекс социальной доходности.

V. P. Mikitchuk¹, North-Eastern State University, Magadan, Russia
E-mail: mikitchuk72@mail.ru

INVESTMENTS IN THE PUBLIC SECTOR AS AN OPPORTUNITY TO ATTRACT FINANCING FOR THE IMPLEMENTATION OF SOCIAL PROJECTS IN REGIONS AND MUNICIPALITIES

Abstract. The article examines the key features of the formation of the public sector as an element of the country's public administration. It is emphasized that the process of supporting the public sector is currently dissipative and diversified. The author's comparative analysis of the indicators of attracting grant financing in two regions of the Russian Federation – the Belgorod region, where investments in the infrastructure of the public sector have been carried out for many years; and Magadan, where this process is at its initial stage. The period of the study included 2017–2020, namely 9 presidential grants competitions, while only winning projects were taken into account. The author has developed indicators of the development of the public sector, allowing determining the priorities of the investment strategy to attract funding to the social sphere of the region and the municipality. These indicators included the index of involvement in grant programs, the index of social profitability, the activity of the resource centre for non-profit organizations (NPO), the level of project competencies among NPO representatives, the share of NPO of municipalities participating in grant competitions. Based on the aforesaid, recommendations are proposed that can be combined to varying degrees in investment strategies of regions and municipalities.

Keywords: investments, public sector, social sphere, social engineering, economics, grants, public administration, investment resources, non-profit organizations (NPO), Belgorod region, Magadan region, public administration, grantor, social profitability index.

---

¹ *Vitaly Pavlovich Mikitchuk*, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics, North-Eastern State University (SVSU), Magadan, Russia.

For citing: Mikitchuk V. P. Investments in the public sector as an opportunity to attract financing for the implementation of social projects in regions and municipalities // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2021. No 2. P. 31–41. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/31-41>.

Введение. В последние годы в России всё большее распространение получает концепция «публичного управления» или «публичной власти». Так, в 2020 г. термин «Публичная власть» даже был закреплён в поправках в Конституцию РФ. Постепенный переход от институционализированной и нормализованной системы государственного и муниципального управления к новой форме кооперации определён многочисленными социальными трансформациями: ростом роли новых субъектов, повсеместной дигитализацией, преобразованием структуры общественных интересов.

По мнению Г. Л. Купряшина, в этих условиях возникает необходимость в консолидации и коммуникации всех структур, направленных на решение социальных проблем. В общем виде **публичное управление** он определяет как систему кооперации государственных, муниципальных, некоммерческих и смешанных структур, призванную обеспечить удовлетворение общественных интересов и решение социальных проблем [4].

В свою очередь, В. Б. Слатина и И. А. Ботанина отмечают, что современные тренды совершенствования государственного управления ориентированы на повышение его эффективности и гибкости в ответ на новые вызовы, возникающие вследствие глобализации, децентрализации и менеджериализации [6].

Ключевым в данной тенденции является расширение числа субъектов публичного управления – структур, способных не только перенимать отдельные функции государственной политики, в первую очередь социальные, но и эффективно реализовывать их.

Таким образом, в систему публичного управления также включаются общественные некоммерческие организации, которые путём реализации социальных проектов обеспечивают исполнение отдельных государственных функций. Особенно важно подчеркнуть, что процесс налаживания диалога между общественным сектором и органами власти сопровождался активным внедрением инструментария социального проектирования в деятельность общественных организаций.

Однако данный процесс носит, во-первых, диссипативный характер деятельности общественного сектора. Различные НКО, участвуя в развитии социальной сферы, ориентируется прежде всего на собственные накопленные практики и экзистенциальный опыт. Во-вторых, существует высокая дифференцированность между регионами, как по уровню развития региона, так и по механизмам его поддержки.

Таким образом, основная цель данной статьи заключается в исследовании наиболее эффективных инструментов инвестирования в региональный и муниципальный общественный сектор, которые позволят привлечь ресурсы для проектов НКО, направленных на развитие социальной сферы.

Результаты исследования. С 2006 г. для российских общественных организаций на конкурсной основе распределяются финансовые средства для реализации

социальных проектов. Однако только с 2017 г. действует единый оператор – Фонд президентских грантов, распределяющий финансирование между общественными организациями из всех субъектов РФ. В 2020 г. Фонд поддержал свыше 5000 социальных проектов на сумму более чем 10 млрд руб. а также выделил 3 млрд руб. на субсидирование региональных конкурсов социальных проектов [8].

Для проведения анализа эффективности развития общественного сектора было выбрано 2 региона. Белгородская область – как регион, регулярно входящий в топы рейтингов развития инфраструктуры НКО и общественного сектора. А также Магаданская область, где на некоторые конкурсы президентских грантов вообще не было зарегистрировано ни одной заявки-победителя.

Период исследования составил 2017–2020 гг., а именно 9 конкурсов Грантов президента (учитывались только проекты-победители). По итогам анализа победу в конкурсе за исследуемый период одержали 234 социальных проекта в Белгородской области и 48 проектов в Магаданской области. Стоит отметить, что в Белгородский регион в общей сложности за 4 года на развитие социальной сферы было привлечено 262 873 829,5 руб., а в Магаданский почти в 6 раз меньше – 44 430 631,74. Однако помимо статичных показателей гораздо больший интерес представляет анализ динамики развития инфраструктуры общественного сектора, представленный в табл. 1.

Таблица 1

Динамика основных показателей финансовой поддержки общественного сектора [8]

Регион	2017	2018	2019	2020
Число заявок-победителей (шт.)				
Белгородская область	14	33	39	148
Магаданская область	12	11	12	13
Общая сумма привлечённых средств (тыс. руб.)				
Белгородская область	30655,23	50017,91	54381,34	127819,35
Магаданская область	12352,85	8561,401	13030,46	10485,92
Средняя сумма полученного гранта (тыс. руб.)				
Белгородская область	2189,66	1515,70	1394,39	863,64
Магаданская область	1029,40	778,31	1085,87	806,61

В построенной табл. 1 приведены три показателя за период с 2017 г. по 2020 г. А именно: число заявок, получивших поддержку в рамках конкурса грантов Президента; общая сумма средств, выделенная на грантовую поддержку проектов в данном регионе; средняя сумма гранта, которая рассчитывается как частное между общей выделенной суммой и числом поддержанных проектов по данной области.

Приведённый массив данных позволяет сделать несколько выводов по каждому из субъектов. Относительно Магаданской области целесообразно отметить почти полное отсутствие позитивной динамики, как в числе проектов-победителей, так и в объёмах привлечённых средств. С одной стороны, это может быть вызвано тем фактом, что потенциал социального проектирования НКО Магаданской области на данном этапе уже исчерпан и общественный сектор региона приложил все возможные усилия для участия в конкурсах. С другой стороны, за отсутствием позитивной динамики может скрываться целый ряд причин объективного и субъективного характера: недостаток у менеджеров профессиональных компетенций в области проектного управления; отсутствие социальных проблем, которые можно решить методом социального проектирования; низкий уровень поддержки ресурсных центров НКО и региональных структур.

Белгородская область демонстрирует более позитивные тенденции. Так, значительно возросло число проектов-победителей, поданных от НКО региона. За последние 4 года практически увеличилась сумма средств, привлечённых на реализацию социальных проектов.

Вместе с тем, существенно снизилась сумма гранта, которая стала меньше даже аналогичного показателя Магаданской области. Результатом этого явились несколько специфичных решений, которые были использованы органами государственной и муниципальной власти региона. Во-первых, если ранее подготовку и подачу инициативных заявок осуществляли прежде всего «организации-мастодонты», которые на протяжении многих лет ведут активную работу, то в последние годы органы государственной власти и муниципального управления стали привлекать малые НКО к реализации небольших социальных проектов. Целесообразно отметить, что проходной балл для проектов финансированием до 500 тыс. руб. составляет всего 60 баллов, что для малых НКО не представляется неодолимым препятствием. Так, согласно данным Фонда президентских грантов, в 2018 и 2019 гг. от Белгородской области более половины организаций участвовали в подобных инициативах впервые. Это подтверждается и статистическими данными: если в 2017 г. от региона подали всего 40 заявок, то в 2018 г. их было уже 238, а в 2019 г. – 411. Налицо кратное увеличение числа организаций, участвующих в конкурсе [8].

Во-вторых, был создан ресурсный центр НКО, на постоянной основе обеспечивающий проведение методических семинаров для общественного сектора, по проблематике подготовки заявки, написания календарного плана, составления бюджета и т. д. [7].

Ещё одним преимуществом выступает привлечение к проведению таких семинаров как профессиональных проект-менеджеров и управленцев (Департамент внутренней и кадровой политики Белгородской области и Высшая школа управле-

ния Белгородского государственного национального исследовательского университета), так и представителей НКО, презентующих свой успешный опыт реализации президентских проектов (Центр социальных инициатив «Вера»).

Наконец, в-третьих, серьёзный акцент был сделан на НКО муниципальных образований региона. В своих исследованиях В. П. Бабинцев акцентирует внимание на том, что до настоящего времени общественный сектор муниципалитетов рассматривался, скорее, как неинституционализируемая самоорганизация населения, не ограниченная такими категориями, как некоммерческое объединение или автономная некоммерческая организация [1].

Вместе с тем, в Белгородской области большое внимание уделялось именно НКО муниципальных образований, где при содействии местных администраций регулярно проходили методические встречи с представителями общественного сектора [2]. И именно в муниципальных образованиях заинтересованы в реализации небольших социальных проектов, направленных на решение локальных проблем территорий.

Именно этими факторами и причинами обусловлено как общее увеличение числа заявок, в т.ч. и победителей, так и снижение средней суммы грантов, т.к. на первый план в регионе стало выходить решение локальных проблем.

В Магаданской области также функционирует региональный центр поддержки НКО – Ресурсный центр поддержки общественных инициатив. Однако методические семинары проходят недостаточно часто, и их проведение наладилось только в последние месяцы. Говорить о привлечении общественного сектора из муниципальных районов вообще пока не приходится. Не хватает и передачи успешного опыта теми НКО, которые уже являлись победителями Конкурса президентских грантов.

В данном контексте целесообразно подчеркнуть, что прямое сравнение двух совершенно разных регионов, с серьёзными диспропорциями как в составе населения, так и в количестве НКО, не может дать полной картины успешности инвестиций в общественный сектор. В этой связи, необходима разработка системы индексов показателей, отражающих эффективность общественного сектора в каждом конкретном регионе или муниципалитете.

Обсуждение результатов. Согласно данным Министерства юстиции РФ, в Белгородской области на данный момент зарегистрировано 1843 НКО, а в Магаданской области их число составляет 384 [3]. По нашему мнению, именно исходя из численности НКО необходимо осуществлять расчёт эффективности общественного сектора.

Первым показателем является индекс числа НКО – победителей конкурса от общего количества организаций общественного сектора в регионе, который может быть рассчитан по следующей формуле:

$$I_{\text{включённости}} = \frac{\text{число заявок – победителей}}{\text{общее число НКО региона}}$$

Вторым показателем может стать индекс средней социальной доходности НКО, исходя из объёма привлеченных грантовых средств на одну общественную организацию региона:

$$I_{\text{социальной доходности}} = \frac{\text{годовая сумма привлеченных средств}}{\text{общее число НКО региона}}$$

Два этих показателя уже могут в полной мере отражать, насколько НКО региона включены в процессы социального проектирования и грантовой поддержки, и, что ещё немаловажно, определить приоритеты дальнейшего инвестирования в общественный сектор. Расчёты индексов для двух рассматриваемых регионов представлены в табл. 2.

Таблица 2

Динамика основных индексов развития общественного сектора [8]

Регион	2017	2018	2019	2020
<i>I</i> _{включённости}				
Белгородская область	0,0076	0,0179	0,0212	0,0803
Магаданская область	0,0313	0,0286	0,0313	0,0339
<i>I</i> _{социальной доходности}				
Белгородская область	16633,33	27139,4	29506,97	69353,96
Магаданская область	32168,89	22295,32	33933,48	27307,09

Как видно из табл. 2, отставание Магаданской области по всем позициям составляет в 2-3 раза. Расчётные показатели уже не дают возможности сделать скидку на небольшое число общественных организаций в регионе и несоразмерный объём финансовых средств, привлекаемых в рамках проектов-победителей.

В этой связи, для каждого из регионов необходимы уникальные стратегии и механизмы инвестирования в общественный сектор, несмотря на то, что, по мнению С. В. Наумова, «в современной России достаточно длительное время не приживаются механизмы эффективной мобилизации и применения инвестиционных ресурсов в общественном секторе экономики, с успехом оправдавшие себя во многих других частях света» [5].

Тем менее, именно на современном этапе есть все возможности создать эффективную систему инвестирования в инфраструктуру общественного сектора, достаточно гибкую для изменения от региона к региону.

Безусловно, недостаточно только повышать компетентность сотрудников, социально-ориентированных НКО в области проектного управления. Необходимо выстраивать комплексную стратегию инвестирования в общественный сектор, основанную на оценке множества элементов [9].

Таким образом стратегия инвестирования в развитие общественного сектора региона или муниципалитета должна строиться на следующих элементах (табл. 3).

Таблица 3

**Показатели для выбора стратегии инвестирования
в общественный сектор региона/муниципалитета**

№	Показатель	Описание
1	I _{включённости}	Отражает, насколько общественные организации включены в процессы участия в грантовых конкурсах
2	I _{социальной доходности}	Демонстрирует средний объём финансирования, который привлекают НКО в рамках грантовых конкурсов
3	Активность деятельности ресурсного центра для НКО	Определяется наличием ресурсного центра для НКО, объёмами консультационной, информационной, организационной и иной поддержки, числом реализуемых методических семинаров и т. д.
4	Уровень проектных компетенций у представителей НКО	Определяется уровнем умений, навыков и знаний представителей НКО в области социального проектирования и подготовки грантовых заявок
5	Доля НКО муниципалитетов, участвующих в конкурсе	Демонстрирует, насколько общественный сектор территорий включён в процессы получения грантов, социального проектирования и т. д.

Нами осознанно не включён такой показатель, как доля НКО, подавших заявки на конкурс. Уже сейчас, в условиях формализма и обязательности достижения зачастую завышенных показателей, на конкурс подаются заведомо проигрышные или пустые заявки, только для того, чтобы достигнуть запланированного значения – общего числа заявок от региона.

Заключение. Выбор конкретной стратегии должен быть основан на совокупности различных методов и инструментов, некоторые из которых подойдут тем регионам, где общественный сектор находится на начальном этапе своего развития, а другие путём разностороннего развития достигли значимых результатов. Нами разработан и предлагается к реализации набор методов и форм, которые могут изменяться в совершенно различных стратегиях:

1. Составление чёткого реестра НКО, доступ к которому будет иметь не только Министерство юстиции РФ, но и субъекты региональной администрации. Это позволит отслеживать неэффективные «НКО-нулёвки», значительно снижающие общую статистику участия в конкурсах, а также проводить массовую рассылку о грантовых конкурсах, формах поддержки и методических мероприятиях.

2. Создание регионального ресурсного центра поддержки НКО, который должен оказывать юридическую, информационную, экспертную, консультационную и иную помощь НКО при разработке заявок. Вызывает интерес опыт Белгородской области, где местный ресурсный центр на безвозмездной основе создаёт простейшие веб-сайты для НКО, поскольку информационная открытость является одним из важнейших критериев оценки грантовых заявок.

3. Регулярное проведение методических семинаров, где представители НКО смогут познакомиться с особенностями подготовки заявки, составления календарного плана, разработки бюджета и, что не маловажно, отчётности по проекту.

4. Привлечение муниципальных НКО к реализации локальных социально-значимых проектов. В последние годы основным приоритетом Фонда президентских грантов является поддержка социальных проектов именно сельских территорий, где местные проблемы имеют особое значение для жителей.

5. Активизация сотрудничества с региональными вузами. Так, например, видится целесообразным включение в вариативную часть образовательных программ специальностей «Государственное и муниципальное управление» и «Менеджмент» дисциплины «Социальное проектирование», открытие программ дополнительного образования и повышения квалификации для представителей НКО по направлению «Социальное проектирование», а также открытие образовательной программы магистратуры «Управление социальными проектами».

6. Большое значение имеет привлечение к реализации проектов социальной сферы неясных субъектов, например, территориальных общественных самоуправлений (ТОС). Только за первый конкурс 2021 г. 61 территориальное общественное самоуправление, зарегистрированное как юридическое лицо, получило поддержку Фонда президентских грантов. Активная политика властей по официальной регистрации ТОС может стать подспорьем данному направлению.

7. Малое внимание уделяется православным храмам и приходам, которые также могут являться объектами получения государственной поддержки. Так 52 прихода в 2021 г. уже получили поддержку. При этом особое внимание грантодатели уделяют сельским храмам, которые могут стать своеобразным центром духовного и социального возрождения сельской территории.

Таким образом, инвестирование в общественный сектор является одним из долгосрочных механизмов привлечения финансовых средств в социальную сферу региона. Государственным и муниципальным органам власти необходимо уже сейчас, исходя из текущей ситуации, выбирать наиболее перспективные стратегии инвестирования в развития НКО.

Вместе с тем, в последние месяцы появляется всё больше «профессиональных» организаций, предлагающих обеспечение доработки заявки до её победы в конкурсе. Подобным тенденциям должна противодействовать слаженная и эффективная

работа органов власти. В ином случае, реализация общественным сектором проектов в социальной сфере превратится в ещё один источник коммерциализации.

Список источников и литературы

1. Бабинцев, В. П. Консолидационный потенциал муниципальных образований: проблемы оценки и формирования // *Управление в XXI веке : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции.* – Белгород : Издательский Дом «Белгород», 2016. – С. 192–196.

2. В округе состоялся межкрупной семинар «Разработка социально значимых проектов в приграничных муниципалитетах». – URL: <https://www.graivoron.ru/publications/2-iyunya-2019-goda-v-gorode-grajvorone-sostoyalsya/> (дата обращения: 01.02.2021).

3. Информационный портал деятельности некоммерческих организаций Министерства юстиции РФ. Информация о зарегистрированных некоммерческих организациях. – URL: <http://nro.minjust.ru/NKOs.aspx> (дата обращения: 01.02.2021).

4. Купряшин, Г. Л. Публичное управление // *Политическая наука.* – 2016. – № 2. – С. 101–129.

5. Наумов, С. В. Инвестиции в общественном секторе экономики и дефицит определенности на пути освоения Россией современных экономических механизмов // *Тетра Economicus.* – 2015. – № 13. – С. 55–66.

6. Слатинов, В. Б. Публичное управление в глобализирующемся мире: в поисках эффективной бюрократии / В. Б. Слатинов, И. А. Батанина // *Среднерусский вестник общественных наук.* – 2016. – № 11. – С. 97–103.

7. Состоялся семинар для социально ориентированных некоммерческих организаций Белгородской области. – URL: <http://www.csi-vera.ru/press-centr/30-noyabrya-2016-goda-sostoyalsya-seminar-dlya-soc/> (дата обращения: 01.02.2021).

8. Фонд президентских грантов. – URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--plai/> (дата обращения: 01.02.2021).

9. Competencies of project managers in international NGOs: Perceptions of practitioners / S. Briyere, D. Proulx, F. Navaro, L. Laporte // *International Journal of Project Management.* – 2015. – № 33. – P. 116–125.

References

1. Babintsev V. P. Konsolidatsionnyi potentsial munitsipal'nykh obrazovaniy: problema otsenki i formirovaniya [Consolidation potential of municipalities: problems of assessment and formation]. In: *Upravlenie v XXI veke: sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Management in the XXI century: a collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference]. Belgorod: Izdatel'skii Dom «Belgorod», 2016, pp. 192–196.

2. *An interdistrict seminar «Development of socially significant projects in border municipalities»*. Available at: <https://www.graivoron.ru/publications/2-iyunya-2019-goda-v-gorode-grajvorone-sostoyalsya/> (accessed 01 February 2021). (In Russian).

3. *Information portal of the activities of non-profit organizations of the Ministry of Justice of the Russian Federation. Information about registered non-profit organizations*. Available at: <http://unro.minjust.ru/NKO.aspx> (accessed 01 February 2021). (In Russian).

4. Kupryashin G. L. Publichnoe upravlenie [Public administration]. *Politicheskaya nauka*, 2016, no. 2, pp. 101–129.

5. Naumov S. V. Investitsii v obshchestvennom sektore ekonomiki i defitsit opredelennosti na puti osvoeniya Rossiei sovremennykh ekonomicheskikh mekhanizmov [Investments in the public sector of the economy and the lack of certainty on the way of Russia's development of modern economic mechanisms]. *Terra Economicus*, 2015, no. 13, pp. 55–66.

6. Slatinov V. B., Batanina I. A. Publichnoe upravlenie v globaliziruyushchemsya mire: v poiskakh effektivnoi byurokratii [Public administration in a globalizing world: in search of an effective bureaucracy]. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*, 2016, no. 11, pp. 97–103.

7. *A seminar for socially oriented non-profit organizations of the Belgorod region was held*. Available at: <http://www.csi-vera.ru/press-centr/30-noyabrya-2016-goda-sostoyalsya-seminar-dlya-soc/> (accessed 01 February 2021). (In Russian).

8. *Presidential Grants Fund*. Available at: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/> (accessed 01 February 2021). (In Russian).

9. Briyere S., Proulx D., Navaro F., Laporte L. Competencies of project managers in international NGOs: Perceptions of practitioners. *International Journal of Project Management*, 2015, no. 33, pp. 116–125.

УДК 004.832.28

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/42-56>

Сейед Махди Сохейли Могадам¹, Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия
E-mail: soh@sfedu.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ АНАЛИТИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТА PESTEL В СИСТЕМЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫМ ПРЕДПРИЯТИЕМ

Аннотация. Характер решений в области стратегического управления, как правило, сложный и неструктурированный. Соответственно, одной из наиболее важных проблем руководителей стратегического уровня является повышение качества и обоснованности принятия решений. В данном исследовании предпринята попытка решить данные вопросы с помощью нейронных сетей, которые являются одним из наиболее важных методов решения проблем с применением новых вычислительных методов машинного обучения, позволяющих максимизировать выход реакции сложных систем. В рамках исследования осуществляется использование PESTEL в качестве одного из инструментов и фреймворков для анализа внешних факторов, влияющих на промышленные предприятия. Факторы PESTEL обычно выходят за рамки того, на что организация может напрямую влиять. Эти факторы определяют тенденции развития окружающей среды и предоставляют важную информацию для проведения SWOT-анализа промышленных предприятий; дают обоснованные гипотезы для разработки стратегии предприятий. Для определения степени и серьезности воздействия факторов, индикаторов и критериев в работе использовался процесс иерархического анализа и, исходя из количества и серьезности неопределённостей, в расчётах учитывалось понятие риска. Одним из факторов рассмотренного инструмента стратегического анализа является политический фактор, выступающий одним из самых сложных и неструктурированных в рамках изучаемого метода. Результаты исследования показали, что использование искусственной нейронной сети позволяет провести оценку политического фактора в рамках инструмента

¹ Сейед Махди Сохейли Могадам, аспирант 3-го года обучения, кафедра информационной экономики, экономический факультет, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия.

Для цитирования: Сохейли Могадам Сейед Махди. Совершенствование аналитического инструмента PESTEL в системе стратегического управления промышленным предприятием // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. №. 2. С. 42–56. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/42-56>.

стратегического анализа PESTEL и даёт возможность вырабатывать более обоснованные управленческие решения. Среди двух рассмотренных моделей оптимизатор SGD демонстрирует лучшие результаты по сравнению с оптимизатором ADAM.

Ключевые слова: управление промышленным предприятием, инструменты стратегического управления, PEST-анализ, PESTEL, внешняя среда, анализ политических факторов, система поддержки принятия решений, искусственная нейронная сеть.

Seyed Mahdi Soheili Mogadam¹, Southern Federal University, Russia
E-mail: soh@sfedu.ru

IMPROVING THE ANALYTICAL TOOL PESTEL IN THE SYSTEM OF STRATEGIC MANAGEMENT OF AN INDUSTRIAL ENTERPRISE

Abstract. The nature of strategic management decisions is usually complex and unstructured. Accordingly, one of the most important challenges for strategic leaders is improving the quality and soundness of decision-making. In this study, an attempt is made to solve these issues using neural networks, which are one of the most important methods for solving problems using new computational machine learning methods that maximize the response yield of complex systems. The study uses PESTEL as one of the tools and frameworks for analyzing external factors affecting industrial enterprises. PESTEL factors usually go beyond what the organization can directly influence. These factors determine trends in the development of the environment and provide important information for conducting a SWOT analysis of industrial enterprises. To determine the degree and severity of impact factors, indicators and criteria used in the hierarchical analysis process, and, based on the number and severity of uncertainties, the concept of risk was taken into account in the calculations. One of the factors of the considered tool of strategic analysis is the political factor, which is one of the most complex and unstructured within the framework of the studied method. The results of the study showed that the use of a neural network makes it possible to assess the political factor within the framework of the PESTEL strategic analysis tool and makes it possible to develop more informed management decisions. Among the two models reviewed, the SGD optimizer performs better than the ADAM optimizer.

---

¹ *Seyed Mahdi Soheili Mogadam*, 3rd year post-graduate student, Department of Information Economics, Faculty of Economics, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

For citing: Soheili Mogadam Seyed Mahdi. Improving the analytical tool PESTEL in the system of strategic management of an industrial enterprise // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2021. No. 2. P. 42–56. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/42-56>.

Keywords: industrial enterprise management, strategic management tools, PEST analysis, PESTEL, external environment, analysis of political factors, decision support system, artificial neural network.

Введение

Анализ внешней среды в современных условиях должен выступать объективной оценкой меняющегося мира, в котором функционирует промышленное предприятие, с целью создания «системы раннего предупреждения» для выявления потенциальных угроз и стратегических возможностей. Другими словами, актуальность анализа внешней среды хозяйствующего субъекта в промышленности определяется чрезвычайно высокой степенью её динамизма, сложности и неопределенности. Так, главным условием успешного функционирования промышленного предприятия в новой нормальности является способность адаптироваться к изменениям, происходящим во внешней среде, сохраняя при этом устойчивость и жизнеспособность. Организации должны эффективно и своевременно реагировать на новые изменения, происходящие в деловой экосистеме, и выстраивать в соответствии с такими изменениями свои стратегии развития.

Исследователи отмечают, что использование стратегических инструментов в организациях следует рассматривать с точки зрения практики [1]. Это определяется тем, что существует разрыв между теорией относительно того, как следует использовать инструменты и методы стратегического управления, и их реальным применением (со стороны менеджмента промышленных предприятий). Поэтому несколько авторов ввели в научный дискурс новый подход, известный как «стратегия как практика» [2]. В целом, инструменты и методы стратегического управления могут принести много преимуществ организациям при условии, что менеджеры имеют чёткое понимание возможностей и ограничений существующих инструментов и методов [3].

По мнению Ганна и Уильямса, стратегические инструменты могут использоваться для анализа организации и её среды или в качестве механизма улучшения коммуникаций, контроля и координации [1]. Вебстер и др. утверждают, что использование стратегических инструментов и методов управления стратегиями позволяет увеличить аналитические и диагностические навыки менеджеров [4], в то время как Пасанен подчёркивает, что эффективность является наиболее важным преимуществом использования инструментов и методов стратегического управления [5]. Кроме того, согласно Frost: аналитические «методы могут также помочь в представлении сложных проблем и могут рассматриваться как ценные коммуникационные устройства в дополнение к их аналитической роли ... часто становится возможным свести много страниц плана повествования к одной или двум диаграммам, которые являются результатом использования некоторых методов» [6].

Отдельно нужно говорить о разном влиянии факторов внешнего окружения на деятельность промышленных предприятий. Так, Ячменева и Вольска [7] в своём исследовании показывают, что политический фактор влияет на инновации промышленных предприятий во всех категориях, таких как рыночная стоимость, устойчивость, надёжность, активность, социальность. Козубикова и др. [8] также доказывают с помощью регрессионного анализа прямое влияние политического фактора на деятельность предприятий в Чехии и Словакии. В обеих странах промышленные предприятия и субъекты малого и среднего предпринимательства больше всего зависят от государственного регулирования и поддержки. Текущее состояние промышленной среды Словакии связано с фундаментальными изменениями в политической и экономической системе, сопровождающими процесс трансформации [8].

Как было отмечено ранее, учёт факторов внешнего окружения становится особенно важным на уровне стратегического управления. Стратегические управленческие решения обычно сложны и неструктурированы [9]. Это определяет важность применения интеллектуальных технологий для обработки больших массивов неструктурированной или слабоструктурированной информации, реализованного в единой среде – системе поддержки принятия решений. Система поддержки принятия решений (СППР) представляет собой совокупность связанных данных и программ, предназначенных для оказания помощи в анализе и принятии решений. Эти системы более эффективны при принятии решений, чем системы управления информацией [10], и сами по себе имеют базу данных, состоящую из существующих знаний о предмете, языка для формулирования вопросов и программ моделирования для проверки возможных решений. Особенности применения СППР в стратегическом управлении промышленным предприятием [11]:

- 1 – Помощь менеджеру в решении слабо структурированных вопросов;
- 2 – СППР осуществляется менеджером, эта система не может заменять его;
- 3 – Повышение эффективности и обоснованности принятия решений.

СППР была разработана для решения проблем информационной системы управления (ИСУ) и также сочетает человеческие ресурсы (знания) с компьютерными возможностями для повышения качества решений, особенно по слабоструктурированным вопросам с использованием данных и моделей. На самом деле, СППР – это двусторонняя компьютерная информационная система, которая является гибкой и адаптивной, используется специально для поддержки решения неструктурированных вопросов управления [12].

Стратегические решения не могут основываться исключительно на субъективных оценках, но должны базироваться на научных исследованиях, статистике и неоспоримой информации. В данном исследовании предпринята попытка использовать систему поддержки для принятия решений стратегическими менеджерами промышленных предприятий при выборе наилучшего решения в рамках инстру-

ментов управления PESTLE. Содержание принятия стратегических решений реализуется с использованием нейронной сети для соответствующего выбора в среде принятия решений. PESTLE – один из инструментов стратегического управления, предназначенный для анализа факторов внешней макросреды (External macro environment analysis), влияющих на предприятие. В этом анализе внешняя среда организации исследуется в шести различных измерениях: политика, экономика, социокультурная сфера, технологии, экологические и правовые факторы. Факторы PESTLE обычно выходят за рамки того, на что организация может напрямую влиять [13]. Соответственно, речь в данном исследовании идёт о решении актуальной задачи формализации и интеллектуального анализа слабоструктурированной информации о факторах, оказывающих существенное влияние на деятельность промышленной организации.

Методология

Для проведения исследования первоначально был использован процесс группового иерархического анализа. Процесс иерархического анализа – один из многоцелевых методов принятия решений [14]. Этот метод используется, когда действие по принятию решения сталкивается с несколькими конкурирующими вариантами и критериями принятия решения. Предлагаемые критерии могут быть количественными и качественными. В основе этого метода принятия решений лежит попарное сравнение, определяющее вес каждого фактора с точки зрения конкурирующих вариантов. Логика процесса иерархического анализа объединяет матрицы парных сравнений для принятия оптимального решения. Использование процесса иерархического анализа в групповых решениях позволяет не только сохранить преимущества методов группового принятия решений, но и устранить их недостатки (такие как скорость, стоимость и монотонность). И это поможет руководителю, принимающему решения, принять лучшее решение с учётом мнения всех участников.

Предлагаемый к реализации подход поддерживает принятие многокритериальных решений (Multi Criteria Decision Making) [15] в системах поддержки принятия решений с использованием методов оптимизации, математического планирования. В отличие от математических подходов, экспертные системы включают теории перцептивных решений в рабочую модель больше, чем математическую модель. При таком подходе проблема не обязательно должна быть смоделирована математически. Предпринимается попытка прийти к серии умных выводов в отсутствие полной информации и в отсутствие полной структуры проблемы. Экспертные системы в их продвинутой форме обладают способностью учиться и использовать прошлые ошибки, чтобы принимать более правильные решения на будущее. Экспертные системы основаны на хранении и выводе знаний, поэтому их также называют системами, основанными на знаниях [16].

Для определения степени и серьёзности воздействия факторов, индикаторов и критериев использовался процесс иерархического анализа, и, исходя из количества и серьёзности неопределённостей, в расчётах учитывалось принятие риска. В качестве объекта рассмотрения в данной работе выступал один из факторов инструмента стратегического управления PESTEL – политический фактор. В этой части основные использованные методы исследования – статистические и описательные. Затем с помощью метода нейронной сети существующие индикаторы были сгруппированы, что позволило оценить потенциал предложенного подхода в повышении качества принятия стратегических решений по развитию промышленных предприятий.

Результаты

В данном исследовании и анализе рассматривается только модуль «Политика» обозначенного инструмента стратегического управления, его цель состоит в том, чтобы предсказать, насколько успешно экономическая производственная система будет действовать с политической точки зрения на основе показателей эффективности за предыдущие годы. Для решения данной задачи требуется сформировать как можно более полный информационный массив по странам. В целом, за основу принимается предположение о том, что чем более благоприятным является политический фактор, тем более подходящим выступает окружающее пространство для деятельности промышленных предприятий. Для исследования использовались только общедоступные источники данных. Следующие описанные ниже источники данных содержали диапазон исторических данных с 2013 г. по 2017 г. для 108 стран (табл. 1).

Важно отметить, что перечисленные факторы могут меняться, оказывая влияние на функционирование промышленных предприятий, но при этом изменения носят в рассматриваемой сфере не радикальный характер в большинстве случаев, так как учитываются сводные данные, а не отдельные составляющие политического фактора.

Обработка данных – это важный шаг при разработке любого алгоритма машинного обучения [17], особенно для того, чтобы избежать действия правила «мусор на входе – мусор на выходе» (это понятие в информатике заключается в том, что ошибочные или бессмысленные входные данные производят бессмысленный вывод или «мусор») [18]. Если используются неверные или некачественные данные для изучения любой модели машинного обучения, это окажет прямое влияние на качество прогнозов.

Во-первых, как показано на рис. 1, для каждого источника было рассчитано среднее значение всех факторов, учитываемых этим источником данных за год. Например, для мировых показателей управления (WGI) – среднее значение таких индексов, как Участие общественности и подотчётность (Voice and Accountability); Политическая стабильность; Отсутствие насилия; Эффективность правительства; Качество регулирования и другие данные должны ежегодно фигурировать в базе данных WGI.

Политические факторы в PESTEL анализе

PESTEL ФАКТОРЫ	Источники данных	Описание
Политические условия	Показатели государственного управления в мире	<p>В проекте Worldwide Governance Indicators (WGI) представлены агрегированные и индивидуальные показатели управления для более чем 200 стран и территорий по шести измерениям управления:</p> <ul style="list-style-type: none"> -Участие общественности и подотчётность -Политическая стабильность и отсутствие насилия -Эффективность правительства -Нормативное качество -Верховенство закона -Контроль коррупции
	Индекс экономической свободы	<p>Wall Street Journal и The Heritage Foundation измеряют десять переменных и оценивают более 180 стран. Индекс оценивает государственную политику и экономические условия в 186 странах. С момента его создания в 1995 г. Индекс, ежегодный межстрановой анализ, проводимый The Heritage Foundation, отслеживает прогресс экономической свободы во всём мире и измеряет реальное влияние продвижения экономической свободы.</p>
	Прозрачность международная	<p>Международная Прозрачность (Transparency International) ежегодно публикует «Глобальный отчёт о коррупции», «Индекс плательщиков взяток» и «Индекс восприятия коррупции», в которых страны ранжируются по степени распространённости коррупции среди государственных служащих.</p>
Закон и политика	Ведение юридической библиотеки	<p>Онлайн-сборник законов и постановлений о промышленных редприятиях. Ссылки на официальные правительственные источники законов о труде, налогах, торговле, собственности, банковском деле, предприятиях, гражданском процессе и банкротстве. Часть проекта «Doing Business» Всемирного банка.</p>

Источник: составлено автором

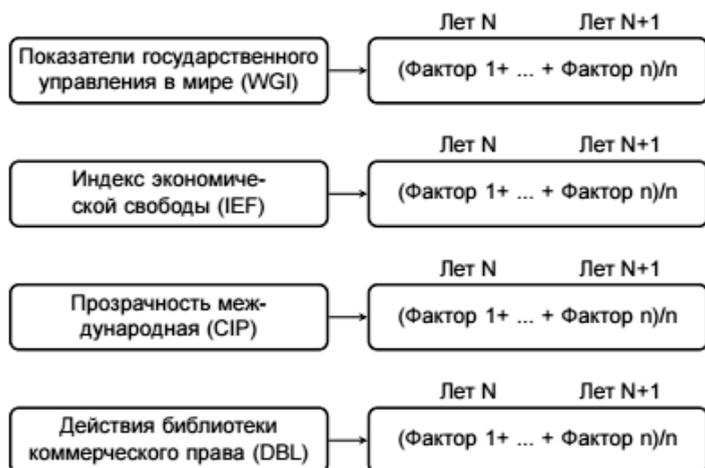

Рис. 1. Схема управления данными
Источник: составлено автором

Во-вторых, как показано на рис. 2, среднее значение индексов, полученных из четырёх различных баз данных за соответствующий год, использовалось в качестве входных данных, а среднее значение индексов, полученных в следующем году, использовалось в качестве целевого показателя, являющегося результатом, который следует прогнозировать.

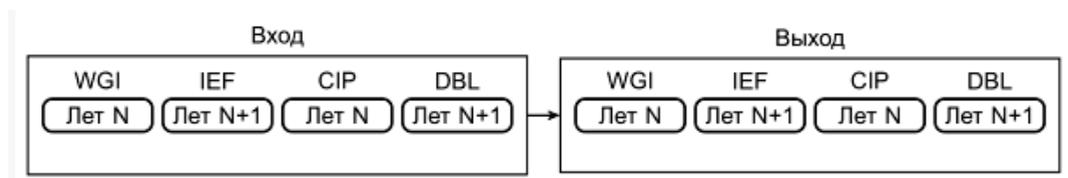

Рис. 2. Входная и целевая схемы
Источник: составлено автором

Для построения нейронной сети использовалась библиотека Python для глубокой нейронной сети KERAS. Эта открытая нейросетевая библиотека предоставляет различные модули для создания и изучения нейронных сетей. Такие модули, как нейронные уровни, функции стоимости, оптимизаторы, схемы инициализации, функции активации и другие можно комбинировать для создания новых моделей. Следовательно, модель нейронной сети может быть построена в соответствии с шагами, обозначенными на рис. 3.

Для обучения модели данные необходимо разделить на две разные категории: предикторы X и цели Y. В разделе DML были произведены все манипуляции для достижения нужной структуры (рис. 4).

```

import keras
from keras.models import Sequential
from keras.layers import Dense

#Create Sequential model with Dense layers, using the add method
model = Sequential()

#Dense implements the operation:
#     output = activation(dot(input, kernel) + bias)
#Units are the dimensionality of the output space for the layer,
#     which equals the number of hidden units
#Activation and loss functions may be specified by strings or classes
model.add(Dense(units=64, activation='relu', input_dim=100))
model.add(Dense(units=10, activation='softmax'))

#The compile method configures the model's Learning process
model.compile(loss='categorical_crossentropy',
              optimizer='sgd',
              metrics=['accuracy'])

#The fit method does the training in batches
# x_train and y_train are Numpy arrays --just like in the Scikit-Learn API.
model.fit(x_train, y_train, epochs=5, batch_size=32)

#The evaluate method calculates the losses and metrics
#     for the trained model
loss_and_metrics = model.evaluate(x_test, y_test, batch_size=128)

#The predict method applies the trained model to inputs
#     to generate outputs
classes = model.predict(x_test, batch_size=128)

```

Рис. 3. Построение нейронной сети с помощью KERAS

Источник: составлено автором на основе материалов исследования

In [50]: `political.head()`

Out[50]:

	wgi_x	index_x	cpi_x	dbll_x	Y
0	45.038530	65.2	31	90.19	60.043712
1	25.663619	49.6	36	73.74	45.703716
2	15.442524	47.3	23	53.82	34.471750
3	39.831935	46.7	34	72.58	46.611185
4	46.092087	69.4	36	93.39	60.450627

Рис. 4. Окончательная структура данных

Источник: составлено автором на основе результатов исследования

Как было отмечено ранее, индексы года (YEAR N) использовались в качестве предикторов, а индексы года после (YEAR N + 1) использовались в качестве цели (табл. 2).

Таблица 2

Годы прогнозирования и целей

Предикторы (X)	Цель (Y)
2013	2014
2014	2015
2015	2016
2016	2017

Источник: составлено автором

Пример на рис. 3 взят из задачи классификации, и эта разработка носит описательный характер. Следовательно, при компиляции функции потерь, которая будет использоваться, будет среднеквадратичная ошибка, и оптимизатор весов будет выбран путём оценки производительности SGD, стохастического градиентного спуска, в сравнении с оценкой адаптивного момента Адама, которая является расширением стохастического градиентного спуска.

Сравнение производительности проводилось в ходе исследования для проверки того, какой оптимизатор является лучшим для решения поставленной задачи. В связи с этим были использованы две модели: модель 1 была обучена с использованием оптимизатора ADAM; модель 2 – использующая оптимизатор SGD. Несответствие диапазона валидации между моделью 1 (красный) и моделью 2 (синий) (рис. 5) даёт неправильное представление о том, что вторая модель начинается с потерь, близких к нулю, когда действительно он начинается примерно с 13 и заканчивается потерей валидации: 1.9023.

Использование модели 2 для прогнозирования показателей показало, что эта модель имеет самый низкий балл проверки, именно он используется для прогнозирования индексов 2018 г. с использованием индексов 2017 г. в качестве предикторов (рис. 6).

Учитывая величину потерь, полученную в модели, использованной для прогнозирования, которая составляла 1,9023, полученные прогнозы далеки от достоверности. Согласно прогнозам, полученным с помощью модели 2, в первую десятку входят страны, перечисленные в таблице ниже. Если сравнивать с данными за 2017 год, динамика топ-10 стран практически такая же (табл. 3).

Чтобы сделать визуализацию данных более простой и быстрой для восприятия, в PowerBI было импортировано прогнозирование политической ситуации. Визуализация отфильтрована по карте для 10 стран с лучшими индексами, в результате чего получено изображение ниже (рис. 7).

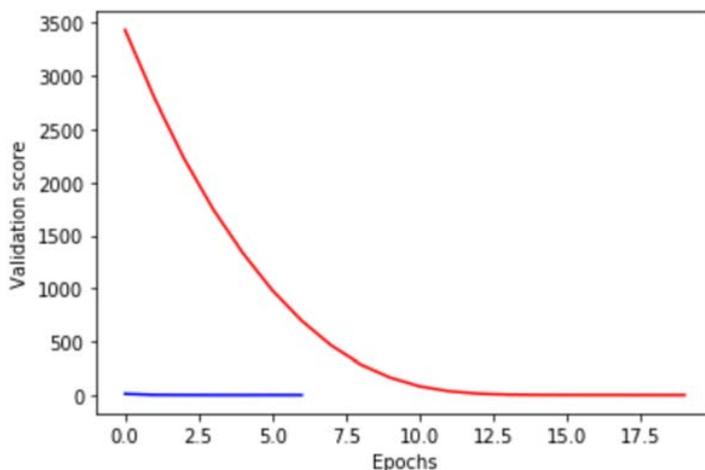

Рис. 5. График сравнения оценок валидации модели 1 и модели 2
 Источник: составлено автором

```
In [95]: path='/users/Elson/Desktop/TESE/PEST/01P/p_2017.xlsx'
p_2017= pd.read_excel(path)

In [105]: p_2017=p_2017.loc[:,['2017_wg1', '2017_index', '2017', '2017_db11']]

In [106]: predictor_2018=np.array(p_2017)

In [109]: prediction=model_2.predict(predictor_2018)

In [111]: prediction=pd.DataFrame(prediction)

In [112]: prediction.to_excel("/users/Elson/Desktop/TESE/PEST/01P/prediction.xlsx")
```

Рис. 6. Реализации прогноза политической ситуации в python
 Источник: составлено автором

Таблица 3

**Сравнение реальных значений политической ситуации 2017 г.
 с прогнозами на 2018 г.**

Страна	2017 – Реальный	2018 – Прогнозный
Новая Зеландия	92.75463086	91.63370514
Сингапур	89.50503246	88.39645386
Канада	88.46305147	87.66313171
Швейцария	87.99027132	87.02622986
Норвегия	87.66101293	86.59942627
Швеция	87.1332298	86.07897949
Финляндия	86.96527822	85.85818481
Нидерланды	86.60231473	85.72468567
Австралия	86.48155923	85.94795227

Источник: составлено автором

Рис. 7. Карта Power BI с топ-10 прогнозов политической ситуации
Источник: составлено автором

Заключение

Таким образом, эффективность нейронной сети прямо пропорциональна набору данных, который использовался для её построения. Принимая во внимание диапазон лет, используемых для обучения этой модели, с 2013 г. по 2016 г., и высокие значения потерь при проверке, полученные с помощью этой модели, прогнозы далеки от правильности. Однако, учитывая полученные результаты, любое предприятие, имеющее средства для приобретения подходящих наборов данных по экономическим, политическим, социальным, правовым и экологическим вопросам из надежных источников и инвестируя в построение модели с более сложной социальной математикой для машинного обучения, несомненно, выиграет от наличия такого актива в своих информационных системах.

Прямой поток входных данных, определённых аналитиками, может дать точную картину политической ситуации в каждой стране во всём мире в режиме реального времени, что позволит лицам, принимающим решения, предпринять любые необходимые действия. К числу таких действий может относиться корректировка содержания стратегий на промышленном предприятии в случае каких-либо внезапных изменений в любой из стран. Благодаря новым знаниям промышленные предприятия могут получить конкурентное преимущество, укрепить свои стратегические позиции и обеспечить адаптивность и качество системы стратегического управления.

Список литературы

1. Gunn, R. Strategic tools: an empirical investigation into strategy in practice in the UK / R. Gunn, W. Williams // Strategic Change. – 2007. – Vol. 16, no. 5. – P. 201–216.
2. Cambridge Handbook of strategy as practice / D. Golsorkhi, L. Rouleau, D. Seidl, E. Vaara. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – 20 p.

3. Afonina, A. Investigation of strategic management tools and techniques / A. Afonina, V. Chalupský // *Acta Universitatis Agriculturae et Silviculturae Mendelianae Brunensis*. – 2013. – Vol. 61, no. 4. – P. 833–840.
4. Reif, W. E. The Manager's guide to strategic planning tools and techniques / W. O.E. Reif, J. L. Webster, J. S. Bracker // *Planning Review*. – 1989. – Vol. 17, no. 6. – P. 4–48.
5. Pasanen, M. Strategic management tools and techniques in SMEs // *SSRN Electronic Journal*. – 2011. – P. 1–8. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1867897 (дата обращения: 30.05.2021).
6. Frost, F. A. The use of strategic tools by small and medium-sized enterprises: an Australasian study / F. A. Frost // *Strategic Change*. – 2003. – Vol. 12, no. 1. – P. 49–62.
7. Yachmeneva, V. Factors influencing the enterprise innovation // *Econtechmod an International Quarterly Journal*. – 2014. – Vol. 1, no. 1. – P. 133–138.
8. The impact of political factors' perception on suitability of international business environment: The case of startups / L. Kozubikova, A. Kotaskova, J. Dvorsky, A. Kljucnikov // *Economics & Sociology*. – 2019. – Vol. 12, no. 1. – P. 61–79.
9. Tonelli, M. Unstructured strategic decision-making processes : CRE decision-making in the Italian consulting industry : thesis dis. ... PhD / M. Tonelli. – Queensland, 2009. – 370 p. URL: file:///C:/Users/youhi/Downloads/Marcello_Tonelli_Thesis.pdf (дата обращения: 30.05.2021).
10. Moore, F. A comparison of information systems – EISs, DSS, and MISs. – 2017. – URL: file:///C:/Users/youhi/Downloads/MooreFMIS7003-7_FinalPDF_FahmenaOdettaMoore.pdf (дата обращения: 30.05.2021).
11. Eom, S. A survey of decision support system applications (1995–2001) / S. Eom, E. A. Kim // *Journal of the Operational Research Society*. – 2006. – Vol. 57. – P. 1264–1278.
12. Beemer, B. A. Advisory systems to support decision making / B. A. Beemer, D. G. Gregg // *Handbook on Decision Support Systems 1*. – Springer, 2008. – P. 511–527.
13. Thompson J. L., Scott J. M., Martin F. Strategic management: awareness and change – 2019. – 9th edition. – Published 13 December 2019. – URL: https://www.researchgate.net/publication/337465389_Strategic_Management_Awareness_and_Change_9th_Edition_-_Published_13_December_2019.
14. Khan, A. Analytical hierarchy process (ahp) and analytic network process methods and their applications: a twenty year review from 2000–2019 / A. Khan, Y. Ali // *International Journal of the Analytic Hierarchy Process*. – 2020. – Vol. 12, iss. 3. – P. 2020–1936.
15. Yüksel, İ. Developing a multi-criteria decision making model for PESTEL analysis // *International Journal of Business and Management*. – 2012. – Vol. 7, iss. 24. – P. 52–66.
16. Power, D. J. Decision support systems: concepts and resources for managers / D. J. Power. – [S. l.] : Greenwood Publishing Group, 2002. – 284 p.

17. Li, S. Research on data mining technology based on machine learning algorithm // *Journal of Physics: Conference Series*. – 2019. – Vol. 1168. – Art. no. 032132.
18. Artificial Intelligence in Automated Sorting in Trash Recycling / B. S. Costa, A. C. S. Bernardes, J. V. A. Pereira, V. H. Zampa [et al.]. – DOI 0.5753/eniac.2018.4416 // XV Encontro Nacional de Inteligência Artificial e Computacional (ENIAC). – São Paulo, 2018. – URL: file:///C:/Users/youhi/Downloads/sbc-template-v2%20(1).pdf (дата обращения: 30.05.2021).

References

1. Gunn R., Williams W. Strategic tools: an empirical investigation into strategy in practice in the UK / R. Gunn, W. Williams. *Strategic Change*, 2007, vol. 16, no. 5, pp. 201–216.
2. Golsorkhi D., Rouleau L., Seidl D., Vaara E. *Cambridge Handbook of Strategy as Practice*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 20 p.
3. Afonina A., Chalupský V. Investigation of strategic management tools and techniques. *Acta Universitatis Agriculturae et Silviculturae Mendelianae Brunensis*, 2013, vol. 61, no. 4, pp. 833–840.
4. Reif W. E., Webster J. L., Bracker J. S. The Manager's guide to strategic planning tools and techniques. *Planning Review*, 1989, vol. 17, no. 6, pp. 4–48.
5. Pasanen M. Strategic Management Tools and Techniques in Smes. *SSRN Electronic Journal*, 2011, pp. 1–8. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1867897 (accessed 30 May 2021).
6. Frost F. A. The use of strategic tools by small and medium-sized enterprises: an Australasian study. *Strategic Change*, 2003, vol. 12, no. 1, pp. 49–62.
7. Yachmeneva V. Factors influencing the enterprise innovation. *Econtechmod. an International Quarterly Journal*, 2014, vol. 1, no. 1, pp. 133–138.
8. Kozubikova L., Kotaskova A., Dvorsky J., Kljucnikov A. The impact of political factors' perception on suitability of international business environment: The case of startups. *Economics & Sociology*, 2019, vol. 12, no. 1, pp. 61–79.
9. Tonelli M. *Unstructured strategic decision-making processes : CRE decision-making in the Italian consulting industry*. Thesis dis. PhD. Queensland, 2009. 370 p. Available at: file:///C:/Users/youhi/Downloads/Marcello_Tonelli_Thesis.pdf (accessed 30 May 2021).
10. Moore F. *A comparison of information systems – EISs, DSS, and MISs*. 2017. Available at: file:///C:/Users/youhi/Downloads/MooreFMIS7003-7_FinalPDF_FahmeenaOdettaMoore.pdf (accessed 30 May 2021).
11. Eom S., Kim E. A Survey of decision support system applications (1995–2001). *Journal of the Operational Research Society*, 2006, vol. 57, pp. 1264–1278.
12. Beemer B.A., Gregg D.G. Advisory systems to support decision making. *Handbook on Decision Support Systems I*. Springer, 2008, pp. 511–527.

13. Thompson J. L., Scott J. M., Martin F. Strategic management: awareness and change. *Strategic management*. – 2019.
14. Khan A., Ali Y. Analytical hierarchy process (AHP) and analytic network process methods and their applications: a twenty year review from 2000–2019. *International Journal of the Analytic Hierarchy Process*, 2020, vol. 12, iss. 3, pp. 2020–1936.
15. Yüksel İ. Developing a multi-criteria decision making model for PESTEL analysis. *International Journal of Business and Management*, 2012, vol. 7, iss. 24, pp. 52–66.
16. Power D. J. *Decision Support Systems: Concepts and Resources for Managers*. Greenwood Publishing Group, 2002. 284 p.
17. Li S. Research on data mining technology based on machine learning algorithm. *Journal of Physics: Conference Series*, 2019, vol. 1168, art. no. 032132.
18. Costa B. S., Bernardes A. C. S., Pereira J. V. A., Zampa V. H. et al. Artificial Intelligence in Automated Sorting in Trash Recycling. *XV Encontro Nacional de Inteligência Artificial e Computacional (ENIAC)*. São Paulo, 2018. Available at: [file:///C:/Users/youhi/Downloads/sbc-template-v2%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/youhi/Downloads/sbc-template-v2%20(1).pdf) (дата обращения: 30 May 2021). DOI 0.5753/eniac.2018.4416.

УДК 325.254.4(59) (091)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/57-65>

Чжан Шуи¹ (КНР), Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: yiyaelaine@yeah.net
ORCID: 0000-0002-4228-6962

ПРОБЛЕМА БЕЖЕНЦЕВ В СТРАНАХ ИНДОКИТАЯ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Аннотация. Успешное разрешение кризиса беженцев в странах Индокитая является важным примером для других регионов мира. Политика стран региона в отношении беженцев представляет пример эффективного международного сотрудничества. Автор использует методологию неолиберального институционализма в качестве теоретической основы для исследования данной проблемы. В статье рассмотрены исторические причины возникновения кризиса индокитайских беженцев, обобщены характеристики кризиса, оценена реакция международного сообщества на кризис. Сделан вывод о необходимости создания эффективного механизма раннего предупреждения конфликтных ситуаций в тех или иных регионах мира, что в дипломатическом словаре ООН называется превентивной дипломатией.

Ключевые слова: страны Индокитая, беженцы, кризис индокитайских беженцев, перемещённые внутри страны, реакция международного сообщества, ООН, UNHCR, международные организации, гуманитарная помощь, урегулирование проблем беженцев.

---

¹ Чжан Шуи (КНР), аспирантка Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия.

Для цитирования: Чжан Шуи. Проблема беженцев в странах Индокитая: к истории вопроса // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 2. С. 57–65. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/57-65>.

Zhang Shuyi¹, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

E-mail: yiyaelaine@yeah.net

ORCID: 0000-0002-4228-6962

THE PROBLEM OF REFUGEES IN INDOCHINA: TOWARDS A HISTORICAL BACKGROUND

Abstract. The successful resolution of the refugee crisis in Indochina is an important example for other regions of the world. Refugee policy in the region is an example of effective international cooperation. The author uses the methodology of neoliberal institutionalism as a theoretical basis for the study of the problem. The article examines the historical causes of the Indochinese refugee crisis, summarizes the characteristics of the crisis and assesses the international community's response to the crisis. The conclusion is made about the necessity to create an effective mechanism of early warning of conflict situations in certain regions of the world, which is called preventive diplomacy in the UN diplomatic vocabulary.

Keywords: Indochina, refugees, Indochinese refugee crisis, internally displaced, international community's response, UN, UNHCR, international organizations, humanitarian aid, refugee settlement.

В современных условиях проблема беженцев является одной из наиболее сложных для её решения. В основном мировые СМИ пишут о беженцах с Ближнего Востока и из стран Африки, однако данная проблема является важной и для стран Азии. Только в 2018 г. число людей, вынужденных покинуть свои дома в странах АТР, достигло отметки в 7,7 млн человек [1]. Однако этот кризис беженцев имеет давнюю историю.

Предпосылки и причины появления кризиса индокитайских беженцев

После Второй мировой войны народы Индокитая пережили две крупномасштабные региональные войны, что привело к уничтожению пахотных земель, голоду и нищете. В этих условиях большое количество людей стали уходить из родных мест в поисках средств к существованию, однако широкомасштабного кризиса сразу после обретения странами Индокитая независимости не возникло. Кризис беженцев начался в конце 60-х годов, когда гражданские войны достигли наивысшего

---

¹ Zhang Shuyi (China), post-graduate student of the International Relations Department, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

For citing: Zhang Shuyi. The Problem of Refugees in Indochina: Towards a Historical Background // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2021. No. 2. P. 57–65. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/57-65>.

накала. За период с 1975 г. по 1995 г. из этих стран бежало около 3 млн человек. Причём эти цифры неточные, потому что статистического учёта практически не было [2]. Например, примерно половина из 20-миллионного населения Южного Вьетнама была изгнана, многие люди оказались в лагерях беженцев в Таиланде и Китае после победы коммунистических сил Вьетнама [3, р. 39]. Необходимо подчеркнуть, что и сейчас всё ещё остаётся большое количество граждан, перемещённых внутри страны (Internally displaced people – IDPs). В конце 60-х гг. война достигла наивысшего накала, именно поэтому примерно половина населения Южного Вьетнама была изгнана и многие оказались в лагерях беженцев [4, р. 163]. Как только накопление проблем с IDP после войны претерпит качественные изменения, это быстро вызовет массовую волну беженцев.

Среди экспертов по данной проблеме нет единства в определении понятия «индокитайские беженцы». Часто употребляется термин «люди в лодках», однако этим термином обозначаются беженцы, сбежавшие из Вьетнама по воде в поисках убежища в третьей стране. Само же понятие «индокитайские беженцы» значительно шире, поскольку включает всех бежавших из Вьетнама, Лаоса и Камбоджи, как по воде, так и по суше. Люди в лодках являются лишь частью индокитайских беженцев.

В мае 1978 г., то есть на третий год после падения Сайгона, началось стремительное увеличение беженцев, и к началу 1979 г. количество беженцев достигло пика. С 1975 г. по май 1978 г. число вьетнамских беженцев составляло 30 000, а с мая 1978 г. по июнь 1979 г. их стало 204 тыс. человек. В 1979 г. из Лаоса в Таиланд в общей сложности бежали 96 000 представителей этноса «хмонгов», 60 000 из которых были размещены в лагерях беженцев на границе с Таиландом, а остальные оказались в крайне бедственном положении. За первые пять месяцев 1979 г. лагерь беженцев в Таиланде приняли около 40 000 беженцев из Камбоджи [3, р. 42–53]. Таким образом, в конце 80-х гг. XX в. в странах Индокитая возник серьёзный кризис беженцев, что было следствием внутренней политики стран исхода беженцев.

Вьетнам, Камбоджа и Лаос в период 1975–1979 гг. почти одновременно проводили жёсткую социально-экономическую политику, в результате которой большие ограничения в гражданских и экономических отношениях коснулись определённых групп населения. Падение Сайгона 30 апреля 1975 г. положило конец войне во Вьетнаме. Коммунистическая партия Вьетнама одержала победу и объединила страну. В то время можно было предвидеть, что идеологические конфликты будут негативно сказываться на процессе воссоединения Северного и Южного Вьетнама. С 1975 г. по 1977 г. коммунистические лидеры чётко обозначили цель построения социализма в стране, что привело к «социальной трансформации» во многих сферах жизни населения южных районов страны. Первоначальный рынок капитала, товарно-денежное обращение не только под-

верглись серьёзным изменениям или реорганизации, но и были прямо запрещены в марте 1978 г. На Юге была создана «новая особая экономическая зона» для реализации политики коллективизации сельского хозяйства, что затронуло традиционные формы ведения хозяйства китайским этническим сообществом. Вьетнамские китайцы (их ещё называют хоа) – это одно из этнических меньшинств Вьетнама. Согласно статистическим данным, количество этнических китайцев во Вьетнаме в 1976 году составляло 1 236 000 человек (2,57% от общей численности населения) [5, р. 18]. В 1975 г. этнические китайцы контролировали большую часть обрабатывающей промышленности, оптовой торговли и импортно-экспортной торговли, а также половину розничной торговли, банковского и финансового секторов. Эти отрасли рассматривались как препятствия на пути политики коллективизации сельского хозяйства.

С 1976 г. вьетнамские власти начали закрывать газеты на китайском языке и все школы, где обучались дети этнических китайцев. Будь то на юге или севере Вьетнама, вьетнамские китайцы были вынуждены платить высокие налоги, и им было запрещено заниматься многими видами экономической деятельности. В апреле 1977 г. в результате столкновения на вьетнамско-китайской границе вьетнамские власти провели «очистку приграничного региона» от этнических китайцев. Автономный район Вьет Вак был упразднён. Значительное количество китайцев и представителей национальных меньшинств были перемещены в другие сельские районы [7, р. 75–77]. В мае 1978 г. власти приняли новую экономическую политику, в результате которой собственность вьетнамских китайских бизнесменов была конфискована. С самого начала этой экономической политики возникло сильное противодействие со стороны вьетнамского китайского сообщества, особенно на юге Вьетнама. По имеющимся данным, в марте и августе 1978 г. в Хошимине прошли две демонстрации [8, р. 54]. Погромы в Чолоне (община вьетнамских китайских в Хошимине) и в других этнических китайских общинах привели к началу массового исхода беженцев.

Руководство Вьетнама утверждало, что это экономическая политика, которую необходимо проводить в переходный период социалистической экономики, не нацелена против этнической китайской общины во Вьетнаме. Однако эти социально-экономические меры за короткий период привели к тому, что (по данным переписи населения Вьетнама) за период с 1976 г. по октябрь 1979 г. китайское население Вьетнама сократилось на 24,35% [6, р. 104]. Причём число этнических китайцев на севере Вьетнама (бывшая Демократическая Республика Вьетнам) в октябре 1979 г. уменьшилось почти на 80% по сравнению с 1974 г. [6, р. 105–115]. Основная масса беженцев (204 000 человек) с июня 1978 г. по июль 1979 г. уплыли на лодках в страны Восточной и Юго-Восточной Азии [3, р. 45]. Именно тогда появился специальный термин, обозначающий беженцев из Вьетнама – «люди в лодках». Но были и иные пути бегства – через северную границу с Китаем.

Хотя внимание международного сообщества к проблеме беженцев было в основном сосредоточено на Вьетнаме, однако Вьетнам был не единственной причиной кризиса индокитайских беженцев. Беженцы, покидавшие Камбоджу и Лаос в этот же период, также стали серьезной проблемой для соседних стран, особенно для Таиланда. Появление камбоджийских беженцев в основном связано с жестокой кампанией, инициированной режимом Пол Пота в 1975–1979 гг. Во время правления Пол Пота была инициирована политика аграрного социализма, что означало ликвидацию «буржуазных» городов, товарно-денежных экономических отношений и частной собственности. Были уничтожены буддистские монастыри, а все инакомыслящие граждане были отправлены «на перевоспитание» в сельские районы, где многие были жестоко убиты.

Власть красных кхмеров стала причиной гибели 1 миллиона человек, сотни тысяч людей стали внутренне перемещёнными лицами. В период с 1975 г. по январь 1979 г. в общей сложности из страны бежало около 321 000 человек, причем примерно половина из них были вьетнамцами. Около 170 000 из них бежали во Вьетнам, власти которого организовали вторжение в Кампучию (Камбоджу) в январе 1979 г., положив конец жестокому правлению Пол Пота. Однако это не остановило поток беженцев. За пять месяцев после падения режима Пол Пота 40 000 беженцев перешли в приграничные районы Таиланда [9, с. 82].

Проблема беженцев из Лаоса так же, как и во Вьетнаме, имела очевидные этнические особенности. 70% беженцев, ушедших из Лаоса с 1975 года, были представителями народности хмонги. Негативное отношение к этой народности со стороны лаосских властей объяснялось тем, что лаосские хмонги выступали на стороне прозападных сил и даже после создания Лаосской Народно-Демократической Республики в 1975 г. продолжали тайно противодействовать власти. Большое количество хмонгов бежало в Таиланд, опасаясь возмездия коммунистического режима [10, с. 23–40]. В 1975 г. 60 000 человек бежали с севера в пограничные лагеря беженцев в Таиланде, причем ежемесячно около 3 000 беженцев пересекали реку Меконг в поисках убежища. Это число продолжало расти и достигло своего пика в 1979 г.: около 96 000 человек оказались в Таиланде, из которых 36 000 не смогли получить никакой помощи или убежища [11, с. 30–33].

Реакция международного сообщества на кризис

Кризис беженцев сформировался на фоне сложных международных отношений великих держав. Во-первых, это было время резкого ухудшения отношений СССР и КНР, что повлияло на расклад сил в странах Индокитая. Прежде всего, прочные политико-экономические отношения между Вьетнамом и Советским Союзом повлияли на негативное отношение Вьетнама к китайской политике поддержки маоистских режимов в Кампучии и Лаосе. На этом этапе внутри региона время от

времени возникали вооруженные конфликты, которые даже приводили к войнам между странами. Как уже отмечалось, в 1979 г. Вьетнам военным путём свергнул режим Пол Пота, что в итоге привело в том же году к войне Китая и Вьетнама в приграничных районах.

Как результат, поток беженцев только усилился. В этих условиях в наибольшей степени пострадали Таиланд и ряд стран Юго-Восточной Азии, которые стали принимать жёсткие меры, направленные на то, чтобы временные беженцы не стали постоянными поселенцами.

Летом 1979 г. Малайзия и Таиланд, как крупнейшие принимающие страны для индокитайских беженцев, объявили о закрытии границ для приема беженцев, отметив, что кризис беженцев достиг уровня выхода из-под контроля властей. По инициативе ASEAN в 1979 г. была проведена в рамках ООН Женевская конференция, которая стала поворотным моментом в кризисе беженцев Индокитая. По результатам конференции все заинтересованные страны согласились на компромиссные решения:

- Вьетнам согласился принять ряд мер по контролю за количеством незаконных пересечений границы, что фактически означало признание властями страны проблемы беженцев как результата проблем во внутренней политике. Согласие на контроль границы является необходимым шагом для фундаментального разрешения кризиса.

- Страны региона, принимающие беженцев, смягчили политику в отношении беженцев, согласившись создать временные лагеря для беженцев. С учётом национальных условий каждой страны, большинство лагерей беженцев были развернуты вдали от крупных городов и поселений. Например, Малайзия и Индонезия создали лагеря беженцев на островах, вдали от береговых линий. Хотя условия жизни беженцев и их требования в области прав человека не могли быть полностью удовлетворены, принцип невозвращения беженцев был гарантирован.

- Значительно увеличилась скорость расселения беженцев. Это достижение в основном связано с активным участием западных стран. США, Австралия, Франция и Канада переселили около 623 800 индокитайских беженцев (ООН) с июля 1979 г. по июль 1982 г. [13, p. 128].

- Китай оказал большую поддержку этническим китайцам, что выразилось в обустройстве на своей территории в общей сложности 250 000 – 300 000 вьетнамских китайских беженцев [14].

Международное сообщество не уделяло достаточного внимания развитию потока индокитайских беженцев. Международные организации, включая УВКБ ООН, сделали неверные суждения о развитии волны беженцев. В то время многие страны и международные организации полагали, что появление индокитайских беженцев было неизбежным результатом войн и установления новой власти, и не понимали, что это перерастет в серьёзный кризис. Однако после Женевской конференции

(1979 г.) большую роль сыграли международные неправительственные организации. Согласно отчёту ООН (март 1980 г.), только в Таиланде в лагерях беженцев действовало 37 МНПО наряду со структурами ООН – Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), Детским фондом ООН (ЮНИСЕФ) (*англ.* United Nations International Children's Emergency Fund), ЮНБРО (Операция Организации Объединенных Наций по оказанию помощи на границе) и т. д. Ряд международных организаций, например Красный Крест, координировали свою помощь с УВКБ ООН, чтобы оперативно реагировать на многочисленные бытовые проблемы в лагерях беженцев. Кроме того, УВКБ ООН оказывало посильную помощь в налаживании жизни в тех районах стран Индокитая, которые особенно пострадали от военных действий, чтобы были условия для возвращения населения из лагерей беженцев. Большую работу провело Управление Верховного комиссара и с руководителями государств региона, чтобы были ратифицированы «Конвенция о статусе беженца» и «Протокол о статусе беженцев». В итоге дипломатические усилия увенчались успехом, и в 1975 г. Таиланд ратифицировал эти документы, а Китай согласился открыть в Пекине отделение УВКБ ООН для проработки проекта переселения беженцев. В 1982 г. КНР ратифицировала Конвенцию и Протокол по беженцам.

Выводы

Из истории постепенного урегулирования кризиса беженцев в странах Индокитая в конце 80-х гг. XX века можно сделать ряд важных выводов. Во-первых, кризис беженцев возник в Камбодже и Лаосе как результат авантюрной псевдосоциалистической внутренней политики руководителей стран. Во-вторых, кризис был во многом связан с последствиями гражданской войны и внешнеполитическими обстоятельствами (резкое ухудшение отношений СССР и КНР). Во-вторых, инициатива АСЕАН по проведению Женевской конференции ООН способствовала выработке международного совместного решения по размещению беженцев, в реализации которого приняли участие как страны региона, так и западные страны. В-третьих, ситуация с беженцами Индокитая показала, что можно избежать кризиса, если создать эффективный механизм раннего предупреждения конфликтных ситуаций в тех или иных регионах мира, что в дипломатическом словаре ООН называется превентивной дипломатией.

Список литературы

1. Asian Pacific Refugee Rights Network (APRRN). APRRN Annual Report. – URL: <http://aprrn.info/aprrn-annual-report-2018/> (дата обращения: 20.02.2021).
2. Castles, S. Migration in the Asia-Pacific region [Электронный ресурс] / S. Castels, M. J. Miller // The Online Journal of the Migration Policy Institute. 10 July

2009. – URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/migration-asia-pacific-region/> (дата обращения: 02.03.2021).

3. Osborne, M. The Indochinese refugees: cause and effects // *International Affairs* (Royal Institute of International Affairs 1944–). – 1980. – Vol. 56, no. 1. – P. 39–53.

4. Zolberg, A. Escape from violence: conflict and the refugee. *Crisis in the developing world* / A. Zolberg, A. Suhrke, S. Aguayo. – Oxford : Oxford University Press, 1989. – 398 p.

5. Vietnam Population Census – 1976. Dân số chia theo dân tộc (Số bình quân năm 1976). Dân số, Nước cộng hoà xã hội chủ nghĩa Việt Nam, Theo tài liệu tổng điều tra dân số toàn miền Bắc 4-1974 và điều dân số miền Nam 2-1976 (điều tra dân số chính thức, được thực hiện tại Việt Nam Cộng hòa cũ (miền Nam) vào tháng 2 năm 1976), Lưu hành nội bộ. – Население, Социалистическая Республика Вьетнам согласно данным переписи всего севера от апреля 1974 г. и переписи юга от февраля 1976 г. – Ханой : Центральный руководящий комитет переписи населения [б. г.]. – С. 18.

6. Vietnam Population Census – 1979. Dân số chia theo dân tộc+9, in *Cộng hoà xã hội chủ nghĩa Việt Nam, dân số Việt Nam 1-10-1979* (Hà Nội: Ban chỉ đạo tổng điều tra dân số trung ương, 1983). – Население по этнической принадлежности в Социалистической Республике Вьетнам. Население Вьетнама 1 октября 1979 г. – Ханой : Центральный руководящий комитет переписи населения, 1983. – С. 104–115.

7. Hugh, Deane. The Chinese flight from Vietnam. *Contemporary marxism* // *South-east Asia*. – 1986. – No. 12/13. – P. 75–77.

8. Grant, E. Red brotherhood at war: Indochina since the fall of Saigon / E. Grant, K. Rowley. – London : Verso, 1984. – 312 p.

9. The State of The World's Refugees 2000: Fifty Years of humanitarian action United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR). 01 January 2000. – URL: <https://www.unhcr.org/publications/sowr/4a4c754a9/state-worlds-refugees-2000-fifty-years-humanitarian-action.html> (дата обращения: 31. 05.2021).

10. Cooper, R. The Hmong of Laos: economic factors in refugee exodus and return // *The Hmong in Transition*, Center for Migration Studies / ed. by G. L. Hendricks, B. T. Downing, A. S. Deinard. – New York, 1986. – P. 23–40.

11. Чанг, Чжоу. Проблема Лаосских беженцев // *Перекрёсток: Исследование Юго-Восточной Азии*. – 1988. – № 1. – С. 30–33. – Кит.

12. Das, K. For a useful survey of statements concerning policy towards refugees // *Far Eastern Economic Review*. – 1979. – 22 Juny.

13. Robinson, W. K. Terms of refuge: the Indochinese exodus and international response. – London ; New York : St. Martin's Press, 1999. – XIII, 322 p.

14. Report of the United Nations High Commissioner for Refugees, General Assembly, Thirty-Fifth Session. Supplement No. 12, A/35/12, 1980. – URL: <https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-176552/> (дата обращения 31.05.2021).

References

1. *Asian Pacific Refugee Rights Network (APRRN). APRRN Annual Report*. Available at: <http://aprrn.info/aprrn-annual-report-2018/> (accessed 20 February 2021).
2. Castles S., Miller M. J. Migration in the Asia-Pacific region. *The Online Journal of the Migration Policy Institute* 10 Jul. 2009 – URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/migration-asia-pacific-region/> (дата обращения: 02.03.2021).
3. Osborne M. The Indochinese refugees: cause and effects. *International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944-)*, 1980, vol. 56, no. 1, pp. 39–53.
4. Zolberg A., Suhrke A., Aguayo S. *Escape from Violence: Conflict and the Refugee. Crisis in the Developing World*. Oxford: Oxford University Press, 1989. 398 p.
5. *Vietnam Population Census – 1976. Population by ethnicity (Average number in 1976) - Population, Socialist Republic of Vietnam, According to the data of the Northern Population Census April 1974 and population census Southern number 2-1976 (official census, conducted in the former Republic of Vietnam (Southern) in February 1976), Internal circulation*. Hanoi: Central Census Steering Committee, pp. 18. (In Vietnamese).
6. *Vietnam Population Census – 1979. Population by ethnicity, in Socialist Republic of Vietnam, population of Vietnam October 1, 1979*. Hanoi: Central Census Steering Committee, 1983, pp. 104–116. (In Vietnamese).
7. Hugh Deane. The Chinese Flight from Vietnam. *Contemporary Marxism. Southeast Asia*, 1986, no. 12/13, pp. 75–77.
8. Grant E., Rowley K. *Red Brotherhood at War: Indochina Since the Fall of Saigon*. London: Verso, 1984. 312 p.
9. *The State of The World's Refugees 2000: Fifty Years of humanitarian action United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR)*. 01 January 2000. Available at: <https://www.unhcr.org/publications/sowr/4a4c754a9/state-worlds-refugees-2000-fifty-years-humanitarian-action.html> (accessed 31 May 2021).
10. Cooper R. The Hmong of Laos: economic factors in refugee exodus and return. In: Hendricks G. L., Downing B. T., Deinard (eds.). *The Hmong in Transition, Center for Migration Studies*. New York, 1986, pp. 23–40.
11. Chang Zhou. The Problem of Lao Refugees. *Crossroads: A Study of Southeast Asia*, 1988, no. 1, pp. 30–33. (In Chinese).
12. Das K. For a useful survey of statements concerning policy towards refugees. *Far Eastern Economic Review*, 1979, 22 June.
13. Robinson, W. K. *Terms of Refuge: the Indochinese Exodus and International Response*. London ; New York : St. Martin's Press, 1999. – XIII, 322 p.
14. *Report of the United Nations High Commissioner for Refugees, General Assembly, Thirty-Fifth Session. Supplement No. 12, A/35/12, 1980*. – URL: <https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-176552/> (дата обращения 31.05.2021).

УДК 341-048.87(4/5)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/66-78>**В. М. Шумилов¹**

Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, г. Москва, Россия

E-mail: mezhdekpravo@gmail.com

М. Р. Салия²

Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, г. Москва, Россия

E-mail: salimarianna@yandex.ru

ИДЕЯ ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕГО (БОЛЬШОГО) ЕВРАЗИЙСКОГО ПАРТНЁРСТВА В СВЕТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА (Часть 1)

Аннотация. Суть идеи «Всеобъемлющего евразийского партнёрства», озвученной в 2016 г., – усилить интеграционное взаимодействие между Евразийским экономическим союзом и государствами Азиатско-Тихоокеанского региона, соответствующими международными организациями и прочими интеграционными объединениями в регионе. В итоге должна быть создана региональная зона свободной торговли и свободная инвестиционная зона с участием ЕАЭС и государств-членов ЕАЭС. Главным нормативным регулятором этого процесса выступают международные договоры и мягкое право, и сама направленность такой интеграции объясняется созревшим международным правосознанием и происходящей перестройкой современного международного правопорядка. В статье раскрывается, какими практическими действиями и с каким нормативным инструментарием ЕАЭС идёт к Большому Евразийскому партнёрству (БЕП) и какие заделы международно-правового регулирования этого движения остаются недостаточно использованными. Большое Евразийское партнёрство рассматривается не только как обширная общая зона свободной торговли, где идёт либерализация (устранение) таможенных

¹Владимир Михайлович Шумилов, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации, г. Москва, Россия.

²Марианна Романовна Салия, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры международного права Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, г. Москва, Россия.

Для цитирования: Шумилов В. М., Салия М. Р. Идея всеобъемлющего (большого) евразийского партнёрства в свете международного права (Часть 1) // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 2. С. 66–79. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/66-78>.

тарифов на товары взаимной торговли; это ещё и свободная инвестиционная зона, где должны устраняться барьеры на пути прямых инвестиций и инвесторов. Движение в сторону БЕП в АТР пока идёт, главным образом, на двустороннем уровне – за счёт вступления в соответствующее интеграционное объединение отдельных государств (т. е. путём расширения численного состава) и подписания с такими государствами соглашений о зонах свободной торговли. Показано, что главными международно-правовыми инструментами для сближения/сопряжения интеграционных блоков являются принцип наибольшего благоприятствования (и исключения из него), а также принцип предоставления национального режима. В ходе региональной интеграции складываются новые международно-правовые договорные нормы и принципы, обычаи, целые институты международного права экономической интеграции, в частности «право ВРЭП», «право ТТП», «право АСЕАН» и т. д. Формируются будущие отрасли международного права, например, «международное социальное право», «международное цифровое право» и др. И в рамках ЕАЭС в целях сопряжения с другими интеграционными объединениями данное обстоятельство следует учитывать.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Всеобъемлющее евразийское партнёрство (ВЕП), Большое евразийское партнёрство (БЕП), Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), Всеобъемлющее региональное экономическое партнёрство (ВРЭП), Транстихоокеанское партнёрство (ТТП), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), зона свободной торговли, свободная инвестиционная зона, международное право, право международной экономической интеграции, международное правосознание, принцип наибольшего благоприятствования, принцип предоставления национального режима.

V. M. Shumilov¹, Russian Foreign Trade Academy, Moscow, Russia
E-mail: mezhdekpravo@gmail.com

M. R. Saliya², Russian Foreign Trade Academy, Moscow, Russia
E-mail: salimarianna@yandex.ru

THE IDEA OF THE GREATER EURASIAN PARTNERSHIP IN THE LIGHT OF INTERNATIONAL LAW (Part 1)

Abstract. The essence of the idea of the "Greater Eurasian Partnership", announced in 2016, is to strengthen integrative cooperation between the Eurasian Economic Union (EAEU) and the states of the Asia-Pacific region (APR), relevant international organizations and other integration associations in the region. As a result, a regional free trade zone and a free investment zone with the participation of the EAEU and the EAEU member states should be created. The main regulator of this process includes international treaties and soft law, and the very direction of such integration is explained by the international legal consciousness and the ongoing restructuring of the modern international legal order. The article reveals what practical actions and regulatory tools are used by the EAEU to achieve the Greater Eurasian Partnership (BEP) and what reserves of international legal regulation of this movement remain insufficiently used. The Great Eurasian Partnership is considered not only as a broad common free trade area, where customs tariffs on mutual trade goods are liberalized (eliminated); it is also a free investment zone, where barriers to direct investment and investors should be removed. The movement towards the BEP in the Asia-Pacific region is still mainly at the bilateral level – due to the entry into the corresponding integration association of individual states (i.e. by expanding the number of members) and the signing of agreements on free trade zones with these states. It is shown that the main international legal instruments for the convergence/integration of integration blocks are the principle of most-favored nation and exclusion from it, as well as the principle of granting national treatment. In the course of regional integration, new international legal treaty norms and principles, customs, and entire institutions of international law of economic integration are being formed. Future branches of international law are being formed – for example, "international social law", "international digital law", etc. And within

---

¹ *Vladimir Mikhailovich Shumilov*, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law of the All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow, Russia.

² *Marianna Romanovna Saliya*, Ph.D. in Law, Senior Lecturer, Department of International Law of the All-Russian Academy of Foreign Trade, Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia.

For citing: Shumilov V. M., Saliya M. R. The idea of the greater Eurasian partnership in the light of international law (part 1) // Asia-Pacific region: economics, politics, law. 2021. No. 2. С. 66–78. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/66-78>.

the framework of the EAEU, in order to interface with other integration associations, this circumstance should be taken into account.

Keywords: Eurasian Economic Union (EAEU), Comprehensive Eurasian Partnership, Greater Eurasian Partnership (GEP), Asia-Pacific Region (APR), Comprehensive Regional Economic Partnership (CREP), Trans-Pacific Partnership (TPP), Association of Southeast Asian Nations (ASEAN), Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC), free trade zone, free investment zone, international law, international economic integration law, international legal awareness, most-favored nation principle, national treatment principle.

ЕАЭС и региональная интеграция в АТР

В условиях происходящей трансформации международного правопорядка научное и практическое правосознание рождает новые – объективно необходимые – идеи, которые получают затем политико-правовое развитие и закрепление. Так происходит и с идеей «Всеобъемлющего евразийского партнёрства», которая была выдвинута Президентом Российской Федерации В. В. Путиным на Петербургском экономическом форуме в 2016 году [1]. В научной литературе встречается и альтернативное название «партнёрства» – «Большое евразийское партнерство» [2] (БЕП), которое применяется в настоящей статье как синоним. Сама идея имеет характер «зонтичной инициативы» и должна в большей степени вписать интересы России и государств-членов ЕАЭС в те интеграционные процессы, которые идут в АТР, – прежде всего в создание обширных зон свободной торговли и свободных инвестиционных зон.

Экономическая интеграция в АТР происходит по нескольким направлениям взаимодействия: а) путём образования и укрепления *многосторонних* интеграционных объединений под разными названиями; б) путём заключения международных договоров на *двустороннем* уровне – между государствами одного интеграционного блока или разных блоков; в) путём вступления государств в соответствующее интеграционное объединение или в два и несколько объединений; г) путём установления договорных связей между двумя или несколькими интеграционными объединениями с целью создания объединённых – расширенных – зон свободной торговли и свободных инвестиционных зон. В результате действующие зоны прирастают новыми пространствами, участниками и регулируемыми отношениями; «сливаются» друг с другом; наслаиваются одна на другую. Расширенная зона свободной торговли и свободная инвестиционная зона, вкупе с двусторонними зонами, – это и есть прообраз БЕП в условиях нового этапа глобализации, который называют «глобализацией 3.0» [3, с. 83].

В настоящее время в АТР реализуются на многостороннем уровне: проводимый с 2010-х гг. китайский проект «Один пояс, один путь» (ОПОП); Соглашение о Всеобъемлющем региональном экономическом партнёрстве» (ВРЭП) 2020 г. в составе ряда государств АСЕАН, а также Китая, Индии, Республики Корея, Японии, Австра-

лии, Новой Зеландии [4]; Соглашение о Всеобъемлющем и прогрессивном Тихоокеанском партнёрстве (ТТП) 2018 г. в составе отдельных стран Азии, североамериканских и латиноамериканских государств и др. ВРЭП и ТТП рассматриваются как два основных центра региональной экономической интеграции в АТР, основанных на соглашениях «нового типа» [5]. Экономическая интеграция в АТР активно идёт и на двустороннем уровне: в регионе насчитывается более 70 двусторонних зон свободной торговли. Между интеграционными объединениями, в чём-то конкурирующими друг с другом, возникают взаимосвязи притяжения – то, что называют «интеграцией интеграций» [6, с. 17].

Указанные партнёрства, как и другие образования интеграционного типа, функционируют на основе права ВТО; иногда – с определёнными (и существенными) нововведениями, и идея БЕП также предполагает, с одной стороны, реализацию правил ВТО на региональном уровне, но, с другой стороны, и более продвинутые правила торговых и инвестиционных отношений, чем в ВТО [7]. Это означает, что главными «рабочими принципами» интеграции в целом – создания зон свободной торговли и свободных инвестиционных зон – остаются: *принцип наибольшего благоприятствования (ПНБ)* и *принцип предоставления национального режима (ППНР)*. Эти принципы одновременно можно признать и самостоятельными международно-правовыми институтами; механизмами поддержания и развития недискриминационных отношений и международного правопорядка в соответствующих сферах [8]. Вместе с тем, в процессе сопряжения интеграционных объединений важна и роль *исключения* из ПНБ.

Суть ПНБ состоит в том, что одна сторона должна предоставить другой стороне все «улучшения», которые предоставлены любой третьей стороне в партнёрстве; отсюда – правило: стоит только одному члену интеграционного объединения предоставить другому государству-члену, например, нулевую ставку тарифа на тот или иной товар, эта ставка должна действовать и в отношении всех аналогичных товаров из всех государств-участников интеграционного блока, поскольку все они связаны принципом наибольшего благоприятствования. Так и создаются зоны свободной торговли. Однако из данного принципа есть правомерные, признанные исключения, затрагивающие зоны свободной торговли, таможенные союзы и другие виды интеграционных объединений. Если применяется исключение из ПНБ, то это означает: все улучшения режима распространяются внутри одного объединения, но не достигают участников другого интеграционного объединения – достигнуть «сопряжения» интеграционных объединений (объединения их зон свободной торговли в общее пространство) невозможно. Такое «сопряжение» двух интеграционных объединений станет возможным, если улучшения внутри одного объединения будут распространяться на участников другого объединения. А сделать это можно двумя путями:

– первый: путём вступления государств-членов одного интеграционного образования в члены другого интеграционного образования; вступая в «чужое» интеграционное объединение, государство – через механизм принципа наибольшего благоприятствования – получает право на все выгоды правового режима, установленного там для государств-членов;

– второй: путём заключения между объединениями договора о взаимном распространении режима наибольшего благоприятствования: одно объединение должно представить другому объединению на взаимной основе режим наибольшего благоприятствования – в вопросах, которые следует оговорить. Предоставленный таким образом блоками друг другу «наиболее благоприятный режим» распространяется и на государства-члены. Это и есть сопряжение двух интеграционных блоков, достигнутое и за счёт взаимного отказа использовать *исключение* из ПНБ – как он действует в рамках ВТО, и за счёт применения ПНБ – как он будет действовать в масштабе региона.

В свою очередь, для создания свободных инвестиционных зон определяющую роль играет принцип предоставления национального режима. Именно он (в единстве с ПНБ) обеспечивает недискриминационный – наиболее благоприятный – режим для прямых инвестиций и инвесторов. В рамках права ВТО содержание данного принципа (сфера отношений, на которую он распространяется) охватывает все государства-члены ВТО более-менее однообразно. В рамках же интеграционных объединений, при создании свободных инвестиционных зон, государства закрепляют в этой сфере дополнительные улучшения инвестиционного режима, оставляя их часто только для членов интеграционного объединения. Получить такие улучшения инвестиции и инвесторы из других государств также могут двумя путями: либо путём вступления государства в соответствующее интеграционное объединение, либо путём соглашения между двумя интеграционными блоками о взаимном предоставлении национального режима инвестициям и инвесторам во всём их объёме и по всем вопросам, предусмотренным национальным законодательством государств-членов. Это и будет «сопряжением» двух интеграционных объединений применительно к свободным инвестиционным зонам.

Названные выше реальные интеграционные проекты, интеграционные объединения и организации интеграционного типа находятся сегодня на переднем крае формирования новых подотраслей и институтов международного экономического права, и прежде всего права международной экономической интеграции. В их рамках вырабатываются общее правосознание и концепции зон свободной торговли, свободных инвестиционных зон, а международные договоры воплощаются в действующие международно-правовые режимы и новый международный экономический порядок.

Для ЕАЭС идея Большого евразийского партнёрства означает максимальное нормативно-организационное сближение («сопряжение») с отдельными или со все-

ми многосторонними интеграционными образованиями и проектами. Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (2018) провозгласила (п. 4) взаимовыгодное и равноправное сотрудничество ЕАЭС со странами СНГ, ШОС, АСЕАН, ЕС, МЕРКОСУР, ВТО и другими объединениями, в том числе путем проведения работы по сопряжению интеграционных процессов на евразийском пространстве в рамках идеи БЕП.

ЕАЭС – заметный и влиятельный участник всех интеграционных процессов на сопредельных пространствах. Союз прямо – юридически – ставит целью движение в сторону укрепления таможенного союза и единого экономического пространства в самом широком диапазоне, включая создание общего рынка (или отраслевых общих рынков); только ЕАЭС из всех перечисленных интеграционных образований обладает определённой наднациональной компетенцией. В рамках Союза сформировано «право ЕАЭС», синхронизированное с императивными принципами международного права и правом ВТО, с одной стороны, а также с актами мягкого права, с другой стороны; реализована концепция справедливого распределения компетенции между государствами-членами и Организацией, а не безусловная субординация государств-членов перед Организацией [9, с. 99]. Действует Суд ЕАЭС.

Таким образом, ЕАЭС всей полнотой правосубъектности готов к созданию БЕП и активному участию в нём. Реализация плана по евразийской интеграции необходима, в первую очередь, для защиты экономических интересов государств-членов ЕАЭС и в контексте формирования многополярного мироустройства.

На уровне двусторонних отношений с отдельными государствами-участниками других интеграционных блоков ЕАЭС уже продвинулся по пути создания зон свободной торговли. Подписаны: Соглашение ЕАЭС с Вьетнамом (2015), который является также членом АСЕАН и ТПП; Соглашение с Сингапуром (2019), учреждающее зону свободной торговли в понимании правил ГАТТ/ВТО и включающее применение принципа наибольшего благоприятствования, с предусмотренными исключениями, и принципа предоставления национального режима (ст. 2.3; ст. 2.4). Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли, заключено между ЕАЭС и Ираном (2019). Активно ведутся двусторонние переговоры с другими государствами АТР.

Все двусторонние соглашения ЕАЭС с третьими странами основаны на правилах ВТО, а кое в чём идут дальше, например, в части электронной коммерции. Несколько отличается Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем (2018): оно не предусматривает снижение либо устранение ввозных таможенных пошлин, однако уже обсуждается идея заключения двустороннего соглашения между ЕАЭС и Китаем о зоне свободной торговли.

Роль мягкого права представлена разного рода «меморандумами о сотрудничестве» (Бангладеш, Индонезия, Камбоджа, Таиланд и др.), программами интеграционных мероприятий, совместными заявлениями и т.п.

В Договор о ЕАЭС, как и в большинство договоров (и в международное право в целом) заложены, в частности, два метода регулирования – посредством *императивных* норм, от которых строго нельзя отступать, и – в основном – посредством *диспозитивных* норм, которые предполагают некоторую свободу воли внутри установленных правил. Потенциал такого рода диспозитивных норм в ЕАЭС используется, но пока недостаточно – и в этом видится дополнительный резерв повышения эффективности всего движения к Большому евразийскому партнерству. Наиболее близким для ЕАЭС в плане взаимодействия, «сопряжения» является китайский проект «Один пояс, один путь».

Международно-правовой инструментарий сопряжения ЕАЭС и проекта «Один пояс, один путь»

Сопряжение ЕАЭС и ОПОП рассматривается лишь как первый этап создания Большого Евразийского партнерства [10, с. 19].

Китайский проект был озвучен во внутреннем порядке как план развития и так же продолжает пока оставаться рамочной, «зонтичной» структурой, так как вбирает в себя – в основном посредством двусторонних договорённостей – множество более мелких субпроектов с разными странами. При этом Россия особо выделяется в официальных документах. Китайский проект, являясь, по сути, международным проектом, не является международной организацией; это нечто вроде интеграционного процесса, управляемого одной страной по согласованию с другими странами. На сегодняшний день (январь 2021 г.) Китай подписал соглашения о сотрудничестве в рамках проекта со 140 странами и с более чем 30 международными организациями.

В рамках «Экономического пояса Шёлкового пути» не создаются зоны свободной торговли и свободные инвестиционные зоны, а выстраивается необходимая внешнеторговая и транзитная инфраструктура: предусмотрено создание трёх экономических коридоров: Китай – Россия – Европа; Китай – Азия – Средиземное море; Китай – Индийский океан. В рамках «Морского Шёлкового пути» создаются два маршрута: из Китая через Южно-Китайское море в Южно-Тихоокеанский регион; второй – через Южно-Китайское море и Индийский океан в Европу.

Сопряжение ЕАЭС и проекта «Экономический пояс Шёлкового пути» было согласовано в совместном заявлении глав России и Китая, затронув, в частности, следующие вопросы: обновление транспортной инфраструктуры, строительство, энергетика, добыча ресурсов и высокие технологии. Целый ряд инициатив формализованы и реализуются в России посредством внутренних нормативных актов, имплементировавших идеи российско-китайского проекта. По предложению Председателя КНР в 2015 г. был создан Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), который должен финансировать реализацию программ и планов.

Международно-правовым инструментом сопряжения ЕАЭС и проекта ОПОП явилось Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны (от 17 мая 2018 г.). В Соглашении утверждается приоритет норм права ВТО перед нормами Соглашения, в том числе в отношении принципа наибольшего благоприятствования, а также закрепляется положение (ст. 1.4, п. 4): «В случае если каким-либо двусторонним соглашением, участниками которого являются государство-член ЕАЭС и Китай, в отношении вопросов, охватываемых настоящим Соглашением, предоставляется режим более благоприятный, чем тот, который предоставляется по настоящему Соглашению, предоставление такого более благоприятного режима будет иметь преимущественную силу».

Таким образом, сопряжение ЕАЭС и китайского проекта ОПОП, хотя и опирается тоже на право ВТО, идёт несколько другим путём: оно охватило в основном отношения, касающиеся наращивания взаимной торговли, включая проблематику услуг, прямых инвестиций и прав на интеллектуальную собственность, но не ставит во главу угла создание зоны свободной торговли и/или свободной инвестиционной зоны. При этом вся концепция «Шёлкового пути», как объявлено, опирается на нормы Устава ООН и следование «принципам мирного сосуществования».

Получается, что отношения между ЕАЭС и Китаем в рамках ОПОП осуществляются на основе принципа наибольшего благоприятствования как он проистекает из права ВТО, и каждая сторона придерживается *исключения* из принципа в пользу интеграционных объединений, в которых она участвует: ЕАЭС не предоставляет Китаю те «улучшения» в торгово-инвестиционном режиме, которые предоставлены членам ЕАЭС; а Китай не предоставляет ЕАЭС и странам ЕАЭС те «улучшения», которыми пользуется в рамках зон свободной торговли и свободных инвестиционных зон, участником которых является он. На пути более тесного взаимодействия ЕАЭС и Китая стоят *исключение* из принципа наибольшего благоприятствования и соответствующая сфера действия принципа предоставления национального режима.

Когда же речь идёт об интеграционном сближении государства с той или иной зоной свободной торговли, свободной инвестиционной зоной, или о «сопряжении» двух интеграционных блоков и государств-участников, взаимодействующие субъекты, наоборот, отказываются от применения *исключения* из ПНБ и предоставляют друг другу те «улучшения», которыми пользуются все участники зон с обеих сторон, то есть делают «исключение из исключения», – и соответствующая зона как бы раскрывается для нового участника, вбирает его в себя, расширяется за счёт него. Именно к такому положению дел идет, например, сближение ЕАЭС и ВРЭП, и ключом к сближению является «исключение из исключения» в механизме действия принципа наибольшего благоприятствования («региональное/зональное исключение из глобального исключения»).

Международно-правовой инструментарий сопряжения ЕАЭС и ВРЭП

Происходящее разделение АТР на интеграционные блоки можно повернуть в сторону скрепления этих блоков – и тем самым расширить «контуры интеграции» политическими, экономическими, правовыми (международно-правовыми) средствами. Следует иметь в виду, что аналогичную задачу ставят и США, опираясь на свое влияние в ТТП и АТЭС.

Всеобъемлющее региональное экономическое партнёрство (ВРЭП), созданное при совместных усилиях АСЕАН и Китая, также направлено на создание единого интеграционного пространства в форме зоны свободной торговли и свободной инвестиционной зоны. Соглашение, завершившее международно-правовое оформление ВРЭП, было подписано в ноябре 2020 г. В Соглашение вошла и Япония, оставшаяся одновременно в составе ТТП и ставшая там лидером после выхода США из ТТП в 2017 г. Соглашение закрепляет центральную роль АСЕАН в интеграционных процессах в АТР и является максимально открытым: к потенциальным участникам ВРЭП существует только одно требование – иметь зону свободной торговли с АСЕАН. Как и в АСЕАН, в Соглашении о ВРЭП закреплён принцип консенсуса при принятии решений.

В сферу регулирования ВРЭП попали по результатам многолетних переговоров вопросы, уже знакомые по праву ВТО: взаимная торговля товарами, услугами, связанные с торговлей отношения по поводу движения прямых инвестиций, прав на интеллектуальную собственность, конкуренции, разрешения споров – в более совершенной процессуальной форме, чем в ВТО. В содержательном смысле «право ВРЭП» не очень заметно выходит за общие рамки «права ВТО». Вместе с тем есть и новое: блок норм, посвященных электронной коммерции; в принципе расширяется применение электронных процедур в целях упрощения торговли; запрещается принуждать инвесторов к локализации персональных данных, хотя такие запреты содержатся во внутреннем законодательстве ряда государств-членов (следовательно, придётся корректировать внутреннее право). Внесены новшества в процедуры либерализации рынка услуг.

Соглашением предусмотрено устранение пошлин на преобладающую часть товаров во взаимной торговле, с установлением разных расписаний такой отмены и сохранением ряда исключений по чувствительным товарам. Диверсифицированы, например, по сравнению с нормами ВТО, правила определения происхождения товаров, упрощения процедур торговли.

В то же время в текст Соглашения не вошли вопросы стандартов, касающихся защиты окружающей среды и трудовых прав (такие положения есть в ТТП), – вопросы, которые не удалось и не удаётся включить в переговорный процесс по поводу развития права ВТО.

Глава, посвященная поощрению и защите инвестиций, практически повторяет нормы аналогичных двусторонних соглашений, и в инвестиционной сфере также

предусмотрено действие принципа наибольшего благоприятствования и принципа предоставления национального режима. В Соглашение включено положение о возможности принудительного лицензирования при производстве лекарств (т. е. использования патента без согласия патентообладателя), и это относительно новое исключение из традиционного инвестиционного режима, который обычно получают иностранные инвесторы. В Соглашении не нашлось места нормам, касающимся механизма разрешения инвестиционных споров.

В условиях переговорного тупика, в котором пребывает Дохийский раунд ВТО, Соглашение о ВРЭП практически развивает право ВТО за счёт дополнительной проблематики (как и другие аналогичные или схожие соглашения/переговоры).

Таким образом, ВРЭП – более широкое по охвату субъектов образование, чем ЕАЭС; ВРЭП нацелен на создание зоны свободной торговли и общего режима для инвестиций и инвесторов; ЕАЭС движется в сторону единого экономического пространства в более широком диапазоне регулирования и при этом располагает методом наднационального регулирования. И право ЕАЭС, и «право ВРЭП» опираются на нормы «права ВТО» в совпадающей части регулируемых отношений, в результате чего право ВТО играет объединяющую роль, связывая два блока общими нормами и международно-правовым режимом.

Вместе с тем, право ВТО, соединяя ЕАЭС и ВРЭП, одновременно устанавливает границы их дальнейшему сближению/сопряжению: на этом пути стоит принцип наибольшего благоприятствования, и даже не сам принцип, а *исключение* из него в пользу интеграционных объединений: ЕАЭС не может предоставить ВРЭП или странам ВРЭП те «улучшения», которыми пользуются внутри ЕАЭС государства-члены Союза, так как в силу ПНБ такие улучшения действуют только в рамках одной интеграционной зоны. Точно так же ВРЭП и государства-члены ВРЭП не могут распространять те «улучшения», которые действуют в рамках этого интеграционного пространства, какому-то третьему субъекту, включая ЕАЭС или государство-член ЕАЭС. Следовательно, движение к дальнейшему сближению/сопряжению двух блоков возможно, только если ЕАЭС и ВРЭП сделают *«исключение из исключения»* в механизме действия ПНБ – взаимно разрешат пользоваться «улучшениями», существующими в каждом блоке, государствам другого блока, или, другими словами, создадут правовые условия для слияния зон свободной торговли и свободных инвестиционных зон, т. е. для создания общей интеграционной зоны.

И во взаимоотношениях между ЕАЭС и ВРЭП такое возможно, но только в диапазоне отношений, покрываемых предметом/действием ПНБ, закреплённым в праве ВТО. Вместе с тем, в перспективе ЕАЭС и ВРЭП могли бы по соглашению расширить предмет действия ПНБ применительно к своему сопряжению и тем самым пойти в данном вопросе дальше права ВТО.

Продолжение во второй части.

Список литературы

1. Путин призвал создать большое Евразийское партнерство // ТАСС. – 2016. – 17 июня. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/3376295> (дата обращения: 25.02.2021).
2. Новиков, Д. П. Большое евразийское партнерство: возможное региональное влияние и интересы России // Вестник международных организаций. – 2018. – Т. 13, № 3. – С. 82–96.
3. Постел-Винай, К. Глобализация 4.0 и новые модели международного сотрудничества // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2020. – Т. 15, № 2. – С. 82–92.
4. Кадочников, П. А. Формирование Всеобъемлющего регионального экономического партнерства: перспективы и последствия / П. А. Кадочников, О. В. Пономарева // Российский внешнеэкономический вестник. – 2014. – № 10. – С. 3–10.
5. Исследование (доклад) Всероссийской академии внешней торговли «Транстихоокеанское партнерство, Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство: анализ перспектив развития о оценка влияния на российскую экономику и внешнюю торговлю», 2014. – URL: <http://apec-center.ru/wp-content/uploads/2015/01/%D0%A2%D0%A2%D0%9F-%D0%92%D0%A0%D0%AD%D0%9F-2014.pdf> (дата обращения: 25.02.2021).
6. Кашкин, С. Ю. Основы интеграционного права : учебное пособие / С. Ю. Кашкин, А. О. Четвериков. – Москва : Проспект, 2017. – 225 с.
7. Мамбеталиев, Н. Т. Итоги и перспективы деятельности ЕАЭС // Налоговый вестник. – 2019. – № 9. – URL: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/54683857> (дата обращения: 25.02.2021).
8. Шумилов, В. М. Принцип наибольшего благоприятствования как принцип международного права // Арбитраж и регулирование международного коммерческого оборота: российские, иностранные и трансграничные подходы / под ред. Н. Г. Маркаловой, А. И. Муранова. – Москва : Статут, 2019. – С. 633–664.
9. Капустин, А. Я. Право Евразийского экономического сообщества: подходы к концептуальному осмыслению // Современный юрист. – 2015. – № 1. – С. 94–108.
10. Алимов, Р. К. Шанхайская организация сотрудничества и Большая Евразия // Вестник международных организаций. – 2018. – Т. 13, № 3. – С. 19–32.

References

1. Putin called for the creation of a large Eurasian partnership. *TASS*, 2017, June 17. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/3376295> (accessed 25 February 2021). (In Russian).
2. Novikov D. P. Bol'shoe evraziiskoe partnerstvo: vozmozhnoe regional'noe vliyanie i interesy Rossii [Development of Multilateral Economic Institutions in Greater Eurasia: problems, prospects and implications for Russia]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*, 2018, vol. 13, iss. 3, pp. 82–96.

3. Postel-Vinay K. Globalizatsiya 4.0 i novye modeli mezhdunarodnogo sotrudnichestva [Globalization 4.0 and new models of international cooperation]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika*, 2020, vol. 15, no. 2, pp. 82–92.

4. Kadochnikov P. A., Ponomareva O. V. Formirovanie Vseob"emlyushchego regional'nogo ekonomicheskogo partnerstva: perspektivy i posledstviya [Building a Comprehensive regional economic partnership: prospects and consequences]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik*, 2014, vol. 10, pp. 3–10.

5. *Research of the Russian Academy of Foreign Trade "Trans-Pacific Partnership, Comprehensive Regional Economic Partnership: analysis of development prospects and assessment of the impact on the Russian economy and foreign trade"*. 2014. Available at: <http://apec-center.ru/wp-content/uploads/2015/01/%D0%A2%D0%A2%D0%9F-%D0%92%D0%A0%D0%AD%D0%9F-2014.pdf> (accessed 25 February 2021). (In Russian).

6. Kashkin S. Yu., Chetverikov A. O. *Osnovy integratsionnogo prava: uchebnoe posobie* [Fundamentals of integration law: a textbook]. Moscow: Prospekt Publ., 2017. 225 p.

7. Mambetaliev N. T. Itogi i perspektivy deyatelnosti EAES [Results and prospects of the EAEU activity]. *Nalogovy vestnik*, 2019, no. 9. Available at: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/54683857> (accessed 25 February 2021).

8. Shumilov V. M. Printsip naibol'shego blagopriyatstvovaniya kak printsip mezhdunarodnogo prava [The principle of the most favored nation as a principle of international law]. In: Markalova N. G., Muranova A. I., eds. *Arbitrazh i regulirovanie mezhdunarodnogo kommercheskogo oborota: rossiiskie, inostrannye i transgranichnye podkhody* [Arbitration and Regulation of international commercial turnover: Russian, foreign and cross-border approaches]. Moscow : Satut Publ., 2019. Pp. 633–664.

9. Kapustin A. Ya. Pravo Evraziiskogo ekonomicheskogo soobshchestva: podkhody k kontseptual'nomu osmysleniyu [The law of the EAEU: approaches to conceptual understanding]. *Sovremennyyi yurist*, 2015, no. 1, pp. S. 94–108.

10. Alimov R. K. Shankhaiskaya organizatsiya sotrudnichestva i Bol'shaya Evraziya [Shanghai Cooperation Organization and Greater Eurasia]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*, 2018, vol. 13, no. 3, pp. 19–32.

УДК 34:378.6(518)(091)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/79-87>

А. А. Хисамутдинов¹, Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия

E-mail: khisamut@yahoo.com

Чи Юйчао², Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия

E-mail: 88002978@qq.com

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ КИТАЯ (НАЧАЛО XX В.)

Аннотация. Статья посвящена юридическому образованию на северо-востоке Китая. Подготовка юристов в Китае началась с открытия в Пекине университета Тунвэньгуань (1862). Вначале это учебное заведение поставило цель научить общению с зарубежными странами. С дальнейшим развитием Китая появились большие потребности в подготовке современных юристов и политологов. Особое внимание в статье обращено на деятельность Юридического факультета в Харбине, который был основан Государственным Дальневосточным университетом (г. Владивосток, Россия). Появились дисциплины: коммерческое право, уголовное право, гражданское право. Профессора и преподаватели Юридического факультета создали научную школу в Китае. Большую роль в этом сыграли: Н. В. Устрялов, Н. И. Миролюбов, Г. К. Гинс, В. А. Рязановский, В. В. Энгельфельд, А. А. Камков, Г. Г. Тельберг, С. Ф. Кичин, Е. Х. Нилус, Н. А. Стрелков, Г. Г. Авенариус, Н. Е. Эсперов, М. А. Гильчер, Ф. А. Вальден, М. М. Шалабанов и другие. Статья написана с использованием материалов из зарубежных архивов и библиотек.

Ключевые слова: юриспруденция в Китае, подготовка юристов на северо-востоке Китая, Государственный Дальневосточный университет (г. Владивосток, Россия), русские эмигранты-юристы в Китае, Юридический факультет в Харбине, высшее образование на Дальнем Востоке, юридическое образование.

¹ *Амир Александрович Хисамутдинов*, доктор исторических наук, профессор, Школа искусств и гуманитарных наук. Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

² *Чи Юйчао*, аспирант департамента истории и археологии, Школа искусств и гуманитарных наук. Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Хисамутдинов А. А., Чи Юйчао. Юридическое образование на северо-востоке Китая (начало XX в.) // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 2. С. 79–87. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/79-87>.

Amir A. Khisamutdinov¹, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
Chi Yuchao², Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

LEGAL EDUCATION IN NORTHEAST CHINA (EARLY 20th CENTURY)

Abstract. The article is devoted to legal education in northeast China. The training of lawyers in China began with the opening of the Tongwenguan University in Beijing (1862). Initially, this educational institution set a goal to teach communication with foreign countries. With the further development of China, there was a great need for the training of modern lawyers and political scientists. Particular attention in the article is paid to the activities of the Faculty of Law in Harbin, which was founded by the State Far Eastern University in Vladivostok. Disciplines appeared: commercial law, criminal law, civil law. Faculty of Law professors and faculty set up a science school in China. An important role in this was played by: N. V. Ustryalov, N. I. Miroyubov, G. K. Hins, V. A. Ryazanovsky, V. V. Engelfeld, A. A. Kamkov, G. G. Telberg, S. F. Kichin, E. Kh. Nilus, N. A. Strelkov, G. G. Avenarius, N. E. Esperov, M. A. Guilcher, F. A. Walden, M. M. Shalabanov and others. The article was written using materials from foreign archives and libraries.

Key words: jurisprudence in China, training of lawyers in northeast China, State Far Eastern University (Vladivostok, Russia), Russians emigrant lawyers in China, Faculty of Law in Harbin, higher education in the Far East, legal education.

Юридическое образование европейского стандарта в Китае началось и развивалось во время первых международных конфликтов в этой стране [7]. После Первой опиумной войны (1840) Китай вынудили подписать ряд неравноправных договоров, направленных против суверенитета страны. Тогда и стало формироваться новое юридическое образование в Китае, началась первая подготовка специалистов по юриспруденции, знакомых с западной правовой системой.

После Второй опиумной войны (1860) правительство Цинской династии учредило Управление премьер-министра по национальным делам, которое стало отвечать за дипломатические отношения. В 1862 г. фракция движения «Ян-У» (сторон-

¹ Amir A. Khisamutdinov, Doctor of Historical Sciences, Professor, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² Chi Yuchao, postgraduate Student, Department of History and Archeology, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Khisamutdinov A. A., Chi Yuchao. Legal education in northeast China (early 20th century) // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2021. No 2. P. 79–87. DOI 9 <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/79-87>.

ники развития международных отношений и отраслей капиталистической промышленности) открыла в Пекине университет Тунвэньгуань (*кит.* 同文馆), в котором китайцы учились иностранным языкам и другим общественным наукам, имеющим отношение к юриспруденции. В 1864 г. священник американской пресвитерианской церкви Дин Шилян (William Alexander Parsons Martin, 1827–1916, Пекин) был преподавателем английского языка в университете Тунвэньгуань. В 1869 г. он стал заведующим учебными делами в университете Тунвэньгуань и читал курс «Основные принципы международного права». В 1863 г. Дин Шилян перевел на китайский язык книгу «Elements of International Law» (автор Henry Wheaton – юрист, 1785–1848). После издания этой монографии в Тунвэньгуань начался этап открытия учебных курсов по международному праву и подготовке соответствующих специалистов. Так, в Тунвэньгуане впервые изменилось традиционное феодальное образование и был сделан первый шаг в подготовке юристов, знающих международное право [12].

В 1904 г. в городе Баодин открылся Университет права и политики провинции Хэбэй в Китае (直隶法政学堂 Zhi Li Fa Zheng Xue Tang), с которого и началось современное юридическое образование в Китае. В это учебное заведение в основном принимали чиновников, которые уже служили в правительстве Китая, началась подготовка специалистов со знанием права и политологии [5, с. 50].

Уже к 1909 г. в Китае было открыто 47 местных университетов права и политики, в которых обучалось 12 282 студентов, что составляло 37% от общего числа университетов и 52% от общего числа студентов в Китае [10, с. 499–502].

Китайский исследователь Ван Цзянь отмечает: «С середины 19 века до образования Нового Китая, середины 20 века, «Западная» правовая традиция бросила вызов Китаю. Китай начинал путь реформ и усиления под огромным давлением западных держав. Россия в качестве части системы западной цивилизации также участвовала в процессе влияния и изменения судьбы современного Китая. В процессе реформирования законов в конце династии Цин «русское уголовное право», «русское гражданское право» и другие нормативные акты были переведены на китайский язык, став важными справочными материалами для правительства династии Цин при разработке новых законов и правил. Китайский эксперт по юриспруденции Цзи Тунцзюнь (1854–1936), который работал в Министерстве наказаний (уголовных дел – до 1906), представил аналитический отчёт о пересмотре закона (1904). В нём он неоднократно цитировал «Русские законы», а также ряд уложений о наказаниях в других странах, сравнивая их с Дацином люйли (сводом уголовных законов империи Цин, 1646 г.), предлагая удалить строгие законы, суровые наказания и смягчить уголовное право. Правительство Цин приняло эти рекомендации» [11, с. 92–95].

В 1905 г. руководитель провинциального Хэйлунцзяна (северо-восток Китая) Чэн Дэцюань (1860–1930, Шанхай) основал первое высшее юридическое учебное

заведение провинции Хэйлунцзяна в Цицикаре – Хэйлунцзянский университет права и политики (黑龙江法政学堂, Hei long Jiang Fa Zheng Xue Tang). Этот университет принимал в основном служащих, которые работали в военных учреждениях, всего 70 студентов. Выпускник частного университета права и политики в Японии Чэнь Мо стал первым ректором. Ли Дай пишет: «В 1907 году в связи с неразберихой в делах по приёму учащихся, экзамену, часть преподавателей забастовали. Тогда Чэн Дэцюань отдал распоряжение о закрытии университета» [1, с. 12]. В 1910 г. Хэйлунцзянский университет права и политики возобновил занятия по подготовке специалистов по административной юстиции. Около ста студентов учились на юридическом и политологическом факультетах. Большинство преподавателей получили образование в Университете права и политики в Японии. Также к преподаванию были привлечены китайские судьи.

Университет просуществовал более года и закрылся из-за чумы. В 1912 г. на базе бывшего Хэйлунцзянского университета права и политики открыли Специальное учебное заведение права и политики (法政专门学校, Fa Zheng Zhuan Men Xue Xiao) с тремя отделениями: юридический, политологический и экономический. Согласно требованиям Министерства образования Китая, срок обучения бакалавра составлял три года, преподавались дисциплины: конституция, административное право, международное право, уголовное право, гражданское право, коммерческое право, процессуальное право, политология, экономика, финансы и статистика [1, с. 13]. В 1929 г. Специальное учебное заведение права и политики закрылось, а студентов отправили в Шэньян, Бэйпин (название Пекина с 1928 г. до 1949 г.) для продолжения учёбы.

В 1920 г. Русские эмигранты-юристы открыли Юридический факультет в Харбине, который получил аккредитацию от Государственного Дальневосточного факультета (ГДУ) (г. Владивосток). За основу учебного курса была взята программа юридических факультетов императорской России. При этом имелись и региональные отличия, связанные с Китаем, его экономикой и подготовкой специалистов-востоковедов.

Юридический факультет состоял из Юридического отделения, в составе которого имелись юридический и восточно-юридический подотделы и Экономического отделения с коммерческим и восточно-экономическим подотделами.

Юридическое отделение имело целью дать слушателям общее юридическое образование, дополненное изучением государственного языка и действующего в Маньчжу-Ди-Го права. Восточно-юридический подотдел давал, главным образом, практическую подготовку, связанную с юридической профессией.

Помимо известных профессоров, таких как Николай Васильевич Устрялов (1890–1937, Москва), Никандр Иванович Миролубов (1870–1927, Харбин), Георгий Константинович Гинс (1887–1971, США), Валентин Александрович Рязанов-

ский (1884–1968, США) и Владимир Викторович Энгельфельд (1891–1937, Харбин), на факультете работало немало знатоков юриспруденции.

Опытным военным юристом был Александр Александрович Камков (1868 – после 1937) (4). Он окончил юридическое отделение Императорского Казанского университета (1889), военно-учебный курс Московского пехотного юнкерского училища (1891) и Александровскую военно-юридическую академию по 1-му разряду (1896). В военную службу он вступил подпоручиком в октябре 1889 г. В 1895 г. Камков защитил диссертацию на звание магистра уголовного права в Казанском университете. Он был участником подавления Боксёрского восстания в Китае в 1900–1901 гг. и Русско-японской войны 1904–1905 гг., награждён многими орденами. Некоторое время А. А. Камков служил военным судьёй Приамурского военно-окружного суда.

В годы Гражданской войны Александр Александрович исполнял должность председателя Приамурского военно-окружного суда (1919) и председателя уголовного департамента Владивостокской судебной палаты (1920). Во Владивостоке А. А. Камков стал доцентом по кафедре уголовного права ГДУ (1920–1921).

25 октября 1922 г. А. А. Камков с семьёй эвакуировался в составе эскадры адмирала Г. К. Старка из Владивостока в Гензан. Оттуда они выехали в Харбин. Александр Александрович был преподавателем (с 1926 г.), секретарём (с 1929 г.) и заместителем декана (с 1930 г.) Юридического факультета в Харбине.

Заметный след на Юридическом факультете оставил профессор Георгий Густавович Тельберг (1881–1954, Нью-Йорк) [5, с. 50]. Он окончил юридический факультет Казанского университета. В Московском университете Тельберг получил степень магистра истории русского права (1912). Г. Г. Тельберг был лектором по русской истории и юридическим древностям в Московском археологическом институте и в Московском университете (1912–1913), профессором по кафедре истории русского права Томского университета (1913–1917), затем деканом юридического факультета Саратовского университета. На Юридическом факультете в Харбине Тельберг вёл занятия по истории права. Он обращал большое внимание на учебную литературу, подготовив серию учебных пособий «Церковные уставы древних царей» (Харбин, 1928); «Русская Правда» (Харбин, 1926); «Речевые судебные грамоты. Псковская и Новгородская» (Харбин, 1926); «Судебники Великого князя Ивана III и царя Ивана IV» (Харбин, 1926) и др.

Опытным юристом-практиком был Сергей Федорович Кичин. Он окончил юридическое отделение Санкт-Петербургского университета. В 1921 г. его назначили председателем Владивостокского окружного суда. Он также был генерал-прокурором Приамурского земского края и помощником правителя рати по гражданской части. На Юридическом факультете С. Ф. Кичин вёл курс уголовное право и уголовный процесс. Он опубликовал учебное пособие «Преступление против

имущества в китайском праве: поджог, наводнение и порча водных систем», «Из лекций по уголовному праву Китая» (Харбин, 1927).

Свой вклад в Юридический факультет внёс и военный юрист-историк Евгений Христофорович Нилус (1880–1951, Швейцария). Он окончил 2-й Московский кадетский корпус (1898), Михайловское артиллерийское училище (1901) и Александровскую военно-юридическую академию (1910). Много лет Нилус служил в Харбине: военный судья (с декабря 1914), старший офицер для поручений у генерала Д. Л. Хорвата (1920), агент по юридическим делам Китайско-восточной железной дороги (1921–1930). В основном он занимался составлением «Исторического обзора Китайско-восточной железной дороги, 1896–1923 гг.» (Харбин, 1923), который является важнейшим источником по деятельности дороги на первом этапе. Издание 1-го тома было приурочено к 25-летию КВЖД, 2-й том остался в рукописи. На факультете Е. Х. Нилус вел занятия по судебному красноречию.

Одним из соучредителей Юридического факультета в Харбине был Николай Арсеньевич Стрелков (1879–?). После окончания философского отделения Московского университета с дипломом 1-й степени (1913) он преподавал русский язык, литературу и логику в харбинских коммерческих училищах; деятельно занимался журналистикой: помощник редактора газеты «Харбинский вестник» и журнала «Вестник Маньчжурии» (с 1917), сотрудник «Русского голоса» (с 1920). С 1 октября 1921 г. Н. А. Стрелков стал приват-доцентом и затем доцентом по кафедре философии ГДУ. Он вёл занятия по общей теории права (1920–1921), социологии и педагогики (1924–1929).

Уникальным специалистом был Георгий Георгиевич Авенариус (1876–1948, Далянь), который был знатоком китайских законов [6, с. 13]. Он окончил восточный (1900) и юридический (1901) факультеты Санкт-Петербургского университета. Много лет он преподавал в Институте ориентальных и коммерческих наук и Юридическом факультете в Харбине. В Университете Маньчжудиги Г. Г. Авенариус читал лекции по истории Восточной Азии. Он был автором нескольких публикаций, посвящённых юриспруденции: «Исправленное и дополненное положение о судопроизводстве в судебных местах всех разрядов, подведомственных судебным палатам» (Харбин, 1921) и «Положение о судопроизводстве в судебных учреждениях Китая» (Харбин, 1921).

Николай Евгеньевич Эсперов (1893 – после 1945), используя свои лекции, опубликовал в Харбине небольшую монографию «Система выборов в Народное собрание Китая». Его командировали за границу, где он сдал магистерские экзамены по юриспруденции перед Русской Академической группой в Париже (1926). На Юридическом факультете Н. Е. Эсперов был приват-доцентом по кафедре истории русского права и профессором (с янв. 1934). В дальнейшем он развил свои идеи в некоторых публикациях: «Политические партии и представительный строй» (Хар-

бин, 1931) и «Современная конституция Китая (агитационно-воспитательного периода)» (Харбин, 1931).

Известный харбинский адвокат в Харбине Михаил Эммануилович Гильчер (1874 – после 1945, США) окончил юридический факультет Новороссийского университета, прослушал курс лекций в Германии и Франции. На Юридическом факультете в Харбине Гильчер читал курсы: китайское гражданское право, кодекс, процесс [9, с. 33].

Занятия по курсу «гражданский процесс» вёл адвокат Франц Акселевич Вальден (1871–1943, Шанхай), который был из семьи финских переселенцев в Приморье. Он окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета [2, с. 36].

Член коллегии защитников при Владивостокском окружном суде Константин Георгиевич Зверев был арестован во Владивостоке 1 июля 1927 г. Его выслали из города, и он смог эмигрировать в Китай. Поселившись в Харбине, читал на Юридическом факультете курс «Гражданский процесс».

Специалистом по римскому праву был бывший городской голова Тобольска Михаил Михайлович Шалабанов (1884–1958, Калифорния) [3]. Он закончил юридическое отделение Юридического факультета в Харбине (1925).

Право является потребностью общественного развития, глубоко отражает многие моменты в изменении любого общества. Современное китайское юридическое образование возникло под влиянием внешних сил, его создание и развитие имеют большое практическое значение.

Всякое образование должно интернациональным, особенно это важно для юридического образования. Возникновение и развитие современного китайского юридического образования сыграли очень важную роль в преобразовании современного Китая. Появление Юридического факультета в Харбине привело к значительному обогащению юридической науки в Китае. Это учебное заведение создало платформу для лучшего научного и студенческого обмена, изучения китайского и российского права.

Список литературы

1. 李, 岱. 黑龙江省高等教育沿革 (1902–1985) / 岱, 李. – 哈尔滨工业大学出版社, 1989年. – 136页. – Ли, Дай. История развития высшего образования в провинции Хэйлуунцзян (1902–1985) / Дай Ли. – Харбин : Издательство Харбинского политехнического университета, 1989. – 136 с.
2. Автономов, Н. П. Юридический факультет в Харбине : (исторический очерк), 1920–1937 // Право и культура: Сб. в ознаменование восемнадцатилетнего существования Юридического факультета в г. Харбине. – Харбин, 1938. – С. 36.

3. Гинс, Г. М. М. Шалабанов : (Некролог) // Русская жизнь. – Сан-Франциско, 1958. – 19 апреля.
4. История Юридического факультета в Харбине: Профессора и питомцы закрывшегося факультета рассеяны по всему свету // Новая заря. – Сан-Франциско, 1938. – 17 марта.
5. К. Н. Проф. Г. Г. Тельберг: (Некролог) // За веру и правду. – Сан-Франциско, 1954. – № 3 (окт.). – С. 50.
6. Памяти Г. Г. Авенариуса : (Некролог) // Политехник. – Сидней, 1976. – № 8. – С. 16.
7. 冯子, 寰. 中国近代法律教育研究 (1862–1937) . – 吉林大学博士学位论文 / 寰冯子. – 长春, 2019. – 162页. – Фэн, Цзыхуань. Исследование юридического образования в современном Китае (1862–1937) : дис. ... д-р ист. наук / Цзыхуань Фэн. – Чанчунь, 2019. – 162 с.
8. 张, 耕. 中国政法教育的历史发展 / 耕张. – 吉林人民出版社, 1995. – 152页. – Чжан, Гэн. Историческое развитие китайского политико-юридического образования / Гэн Чжан. – Чанчунь : Изд-во Цзилиньского Жэньминьского чубаньшэ, 1995. – 152 с.
9. 彭传, 勇. 哈尔滨俄侨中国学家 : 生平、活动、著述 / 勇彭传, 焕石金. – 中国社会科学出版社, 2014. – 133页. – Пэн, Чуаньюн. Китаеведы русских эмигрантов в Харбине: биография, научные деятельности, труды / Чуаньюн Пэн, Цзиньхуань Ши. – Пекин : Издательство Общественных наук Китая, 2014. – 133 с.
10. 朱有, 瓏. 中国近代学制史料 / 瓏朱有. – 华东师范大学出版社, 1987. – 602页. – Чжу, Юхуань. Исторические материалы по системе образования в современном Китае. – Шанхай : Изд-во Восточно-китайского педагогического университета, 1987. – 602 с.
11. 王, 健. 中俄法学教育交流回顾与展望 // 中国大学教学. – 2018年. – 第01. – 第92–95页. – Ван, Цзянь. Ретроспектива и перспективы обмена юридического образования между Китаем и Россией // Преподавание в китайском университете. – 2018. – № 1. – С. 92–95.
12. 邓建, 新. 中国法学教育的历史与现实. 中国政法大学硕士学位论文/新邓建. – 北京, 2006年. – 第34页. – Дэн, Цзяньсинь. История и реальность китайского юридического образования: дис. ... магистра / Цзяньсинь, Дэн. – Пекин, 2006. – 34 с.

References

1. Li Dai. History of the Development of Higher Education in Heilongjiang Province (1902–1985). – Harbin: Harbin Polytechnic University Press, 1989. 136 p. (In Chinese).
2. Avtonomov N.P. Yuridicheskii fakul'tet v Kharbine : (istoricheskii ocherk), 1920–1937 [Faculty of Law in Harbin: (Historical essay), 1920–1937]. In: *Pravo i kul'tura: Sbornik v oznamenovanie vosemnadtsatiletnego sushchestvovaniya Yuridicheskogo fakul'teta v g. Kharbine* [Law and Culture: Sat. to commemorate the eighteen years of existence of Law. fac. in Harbin]. Harbin, 1938, pp. 1–112.
3. Hins G. M. M. Shalabanov : (Nekrolog) [Shalabanov: (Obituary)]. *Russkaya zhizn'* [Russian life]. San Francisco, 1958. 19 Apr.
4. History of the Faculty of Law in Harbin: Professors and pupils of the closed faculty are scattered all over the world. *Novaya zarya* [New Dawn]. San Francisco, 1938. 17 March. (In Russian).
5. K. N. Prof. G. G. Telberg: (Obituary). *Za veru i pravdu* [For faith and truth]. San Francisco, 1954, no. 3 (Oct.), pp. 50. (In Russian).
6. In memory of G. G. Avenarius: (Obituary). *Polytechnic*. Sydney, 1976, no. 8, pp. 16. (In Russian).
7. Feng Zihuan. *Study of legal education in modern China (1862–1937)*. Doct. Dis. (Histor. Sci). Changchun, 2019. 162 p. (In Chinese).
8. Zhang Geng. *Historical Development of Chinese Political and Legal Education*. Changchun: Jilin Renmin Chubanshe Publishing House, 1995. 152 p. (In Chinese).
9. Peng Chuanyong, Shi Jinhuan. *Sinologists of Russian Emigrants in Harbin: Biography, Scientific Activities, Works*. Beijing: China Social Science Press, 2014. 133 p. (In Chinese).
10. Zhu Yuhuan. *Historical Materials on the Education System in Modern China*. Shanghai: East China Normal University Publishing House, 1987. 602 p. (In Chinese).
11. Wang Jian. Retrospective and prospects for the exchange of legal education between China and Russia. *Teaching at the Chinese University*, 2018, no 1, pp. 92–95. (In Chinese).
12. Deng Jianxin. *History and Reality of Chinese Legal Education*. Mag. Dis. Beijing, 2006. 34 p. (In Chinese).

УДК 347.795

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/88-97>

А. Ю. Чурилов¹, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, г. Томск, Россия

E-mail: Lefikantor@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-9435-1626

КЛАССИФИКАЦИЯ КОНОСАМЕНТОВ И ЕЁ ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ

История развития коносамента – от расписки в получении груза до товарораспорядительного документа и применения его в обороте – достаточно длительна, и его эволюция, а также постоянно растущие потребности рынка породили множество разновидностей коносамента. В работе рассматриваются классификации коносаментов по различным критериям, а также правовое значение этих классификаций. Автор демонстрирует разницу между береговым и бортовым коносаментом; чистым коносаментом и коносаментом с оговорками; и другими разновидностями. В работе освещены отдельные особенности различных режимов регулирования коносаментов, закреплённых в трёх международных конвенциях. Целью исследования является необходимость систематизации существующих коносаментов и освещение того, как их разновидности могут влиять на отношения сторон.

Ключевые слова: коносамент, договор перевозки, товарораспорядительный документ, ценная бумага, третье лицо, аккредитив, договор морской перевозки, прямое смешанное сообщение, классификация, передача коносамента, чистый коносамент, функции коносамента.

---

¹ *Алексей Юрьевич Чурилов*, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического факультета, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, г. Томск, Россия.

Для цитирования: Чурилов А. Ю. Классификация коносаментов и её правовое значение // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 2. С. 88–97. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/88-97>.

A. Yu. Churilov¹, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russia
E-mail: Lefikantor@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-9435-1626

CLASSIFICATION OF BILLS OF LADING AND THEIR LEGAL MEANING

The history of the development of the bill of lading – from the receipt of the cargo to the document of title and its use in circulation – is quite long, and its evolution, as well as the constantly growing market needs, gave rise to many varieties of the bill of lading. The work examines the classification of bills of lading according to various criteria, and the legal significance of these classifications. The author shows the difference between an onshore and an onboard bill of lading; clean bills of lading and qualified bill of lading; and other varieties. The work highlights some specific features of various regimes of regulation of bills of lading, enshrined in three international conventions. The aim of the study is to systematize the existing bills of lading and highlight how their varieties affect the relationship of the parties.

Keywords: bill of lading, contract of carriage, the document of title, security, third party, letter of credit, contract of carriage by sea, multimodal shipping, classification, endorsement of bill of lading, clean bill of lading, functions of bill of lading.

Коносамент – это ценная бумага, представляющая собой товарораспорядительный документ, подтверждающий факт заключения договора перевозки груза и принятия груза перевозчиком, удостоверяющий право его держателя распоряжаться указанным в коносаменте грузом, сданным для морской перевозки, и получить этот груз после завершения перевозки. Первые прообразы коносамента можно найти еще в Римском частном праве, однако в то время он выполнял лишь функцию расписки в получении товара на борт судна [6].

Изначально, как отмечали английские суды, коносамент представлял собой лишь расписку в получении груза перевозчиком², и только в конце XVIII в. стал признаваться товарораспорядительным документом и содержать в себе условия договора перевозки³. В настоящее время существует несколько правовых режимов,

---

¹ *Aleksei Yuryevich Churilov*, Judicial Science Candidate, Assistant professor, Department of Civil Law, law Faculty, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russia.

For citing: Churilov A. Yu. Classification of bills of lading and its legal meaning // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2021. No. 2. P. 88–97. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/88-97>.

² Sewell v. Burdick (1884). 10 AC 74.

³ Lickbarrow v. Mason. (1787) 2 TR 63, 100 ER 35.

регулирующих морские перевозки грузов, и требования, предъявляемые к коносаментам. Эти режимы закреплены в таких международных договорах, как Международная конвенция об унификации некоторых правил о коносаменте 1924 г.¹; Протокол об изменении Международной конвенции об унификации некоторых правил о коносаменте от 25 августа 1924 г., измененной Протоколом от 23 февраля 1968 г. (Подписан в г. Брюсселе 21.12.1979)²; Конвенция ООН «О морской перевозке грузов» 1978 г.³; Конвенция ООН «О договорах полностью или частично морской международной перевозки грузов» 2008 г.⁴ [2]. Следует подчеркнуть, что из перечисленных международных договоров Россия участвует только в первых двух.

В современном морском товарообороте коносамент выполняет три функции – является способом передачи владения товаром (товарораспорядительной ценной бумагой), распиской в принятии груза перевозчиком и доказательством заключения договора перевозки (а также может содержать отдельные условия договора перевозки) [5].

Длительная история существования и эволюции коносамента, а также потребности рынка обусловили возникновение множества его разновидностей, которые можно объединить в несколько групп по различным классификационным критериям.

В зависимости от места нахождения груза выделяют береговой и бортовой коносамента. Следует отметить, что коносамент, по общему правилу, является именно распиской в получении груза перевозчиком, но не распиской в погрузке на борт. Это следует как из норм отечественного (ст. 144 КТМ РФ), так и международного законодательства (ст. 14–16 Гамбургских правил, статья 3 Правил Висби), в соответствии с которыми, когда перевозчик или фактический перевозчик принимает груз в свое ведение, перевозчик по требованию грузоотправителя обязан выдать грузоотправителю коносамент. И только после того, как груз погружен на борт, перевозчик, если того потребует грузоотправитель, должен выдать грузоотправителю бортовой коносамент (коносамент с бортовой пометкой), в котором должно быть указано, что груз находится на борту определённого судна или судов, а также должна быть указана дата или даты погрузки. Гамбургские правила прямо закрепляют то, что коносамент является доказательством *prima facie* приёма, а в случае выдачи бортового коносамента – погрузки перевозчиком груза, как он описан в коносаменте.

Классификация коносамента на береговой и бортовой имеет важное значение при расчётах аккредитивами – если стороны условились, что оплата будет произведена при погрузке товара на борт судна, то береговой коносамент не будет являться основанием для осуществления банком оплаты, поскольку не были представлены необходимые документы. К примеру, если стороны заключили договор междуна-

¹ Гаагские правила.

² Правила Висби.

³ Гамбургские правила.

⁴ Роттердамские правила.

родной купли-продажи, например, на условиях FCA ИНКОТЕРМС 2020, с возложением на продавца обязанности получения транспортного документа – коносамента – и с условием об оплате по правилам Унифицированных обычаев по оплате аккредитивами¹ с момента отправки товара. В соответствии с этими правилами (статья 20) коносамент должен указывать, что товар был погружен на борт названного судна в порту погрузки, указанном в аккредитиве, в виде заранее напечатанного в бланке текста или бортовой пометки с указанием даты погрузки товара на борт. При этом, если коносамент содержит указание на «предполагаемое судно» или подобное ему в отношении названия судна, то требуется проставление на нём бортовой пометки с указанием даты отгрузки и названия судна, на которое фактически был отгружен товар. Таким образом, предоставление в банк берегового коносамента не будет являться надлежащим документом для получения оплаты.

В зависимости от способа передачи коносамент, как и любая ценная бумага, может быть предъявительским, ордерным и именным. Следовательно, коносамент может быть выдан на имя определённого получателя (именной коносамент), приказу отправителя или получателя (ордерный) либо на предъявителя (предъявительский).

Именной коносамент является так называемой ректа-бумагой, под которой понимается ценная бумага, которая легитимирует своего держателя, если он назван в качестве управомоченного в тексте предъявленной им бумаги или признается его правопреемником на основании общих норм гражданского права [4]. Именной коносамент содержит безотзывную инструкцию перевозчику о получателе груза, по этой причине оборотным быть не может [1]. При этом вопрос о том, является ли именной коносамент товарораспорядительным документом, особенно в контексте применения к отношениям сторон правил Висби, до сих пор остается открытым, и ответ на него зависит не в последнюю очередь от содержания коносамента и его условий. К примеру, в одном из дел английский суд признал именной коносамент товарораспорядительным документом в том числе на том основании, что условия, содержащиеся на его оборотной стороне, недвусмысленно требовали его предъявления для получения груза². С такой позицией следует согласиться, поскольку в том случае, если стороны хотят получить необоротный транспортный документ – то им следует воспользоваться общепризнанными конструкциями, например, необоротной морской накладной.

С точки зрения функций и природы коносамента выделяют чартерный коносамент или коносамент, выданный в отсутствие чартера. Общеизвестно, что коносамент, хотя и содержит многие условия договора, тем не менее является доказательством его заключения, не являясь при этом самим договором перевозки. Дей-

---

¹ Унифицированные правила и обычаи для документарных аккредитивов (UCP 600). Редакция 2007 г. Публикация Международной торговой палаты № 600.

² *Jl MacWilliam Company Inc v. Mediterranean Shipping Company SA.* [2005] UKHL 11.

ствительно, анализ норм, регулирующих морскую перевозку, позволяет прийти к выводу, что коносамент является именно подтверждением заключения договора перевозки (ст. 117 КТМ РФ, ст. 1 Правил Висби, ст. 1 Гамбургских правил).

В случае выдачи чартерного коносамента ситуация совершенно иная. По общему правилу, такой коносамент не обладает товарораспорядительными функциями и является лишь распиской в принятии груза перевозчиком. Однако, в соответствии со ст. 119 КТМ РФ, отношения между перевозчиком и не являющимся стороной договора морской перевозки груза получателем определяются коносаментом. Международные акты также устанавливают сходные правила. Так, в соответствии с Правилами Висби, термин «договор перевозки» применяется исключительно к договору перевозки, удостоверенному коносаментом или любым подобным ему документом, являющимся основанием для морской перевозки грузов. Однако он применяется также к коносаменту или подобному ему документу, выданному на основании чартера, с того момента, когда такой коносамент или документ регулирует отношения между перевозчиком и держателем этого коносамента или документа. Такие же правила содержатся в Гамбургских правилах, в соответствии с которыми, когда коносамент выдаётся согласно чартеру, положения Конвенции применяются к такому коносаменту, если он регулирует отношения между перевозчиком и держателем коносамента, не являющимся фрахтователем.

При этом следует исходить из того, что договор между владельцем коносамента и грузоперевозчиком считается, по общему правилу, существующим на условиях, закреплённых в коносаменте¹. Если речь идет о коносаменте, выданном на основании чартера, к примеру, в соответствии с нормами отечественного законодательства, условия чартера обязательны для получателя, если коносамент содержит ссылку на них. При этом применяться должны те условия чартера, которые были согласованы на момент передачи коносамента третьему лицу². Это правило имеет существенное значение в случае задержки груза или его повреждения, особенно если в договоре перевозки содержится указание на ограничение ответственности перевозчика, которое не содержится в коносаменте. Так, в одном из дел, рассмотренных в Англии, суд применил положения не договора перевозки, но положения коносамента как «если бы индоссату были переданы права по договору, условия которого закреплены в коносаменте»³.

¹ Такой позиции придерживаются как английские (*Brandt v Liverpool, Brazil & River Plate Steam Navigation Co Ltd* [1924] 1 KB 575), так и европейские (*Coreck Maritime (Judgments Convention/Enforcement of judgments)* [2000] EUECJ C-387/98) суды.

² *Tradigrain SA & Ors v King Diamond Marine Ltd «The Spiros C»* [2000] EWCA Civ 217.

³ *Leduc v Ward* [1893] A. C. 351. Существует и прямо противоположное мнение, в соответствии с которым коносамент не превращается в договор, а речь идет всё же о договорном эстоппеле. – См. *Sewell v Burdick*. [1884] 10 AC 74.

Кроме того, в случае возникновения споров относительно доставки груза, его сохранности и т. д., ответчиком в таком споре может являться не судовладелец (как это происходит по общему правилу), представитель которого – капитан – выдает такой коносамент, а сторона чартера (фрахтователь), выдавшая коносамент. Такое правило действует в том случае, если из отношений сторон следует явное намерение связать обязательства именно фрахтователя и держателя коносамента – к примеру, в том случае, если представитель фрахтователя выдаст коносамент с подписью поверх отметки «подпись капитана»¹. Также условиями чартера может быть предусмотрено, что даже в том случае, если капитан выдаст отправителю коносамент, он не будет порождать права и обязанности для судовладельца². Вместе с тем, даже в том случае, если ответственным по чартерному коносаменту является судовладелец, многие проформы чартеров, к примеру, *Balltime*, содержат оговорку об индемнитете, т. е. об обязанности возмещения потерь, возникших в случае наступления определённых в договоре обстоятельств, – в настоящее время как зарубежное, так и с 2015 г. отечественное законодательство (ст. 406.1 ГК РФ) позволяют включать такую оговорку в договор.

Таким образом, только коносамент, являющийся единственным перевозочным документом, или чартерный коносамент, переданный третьему лицу, приобретают самостоятельное вещно-обязательственное значение в обороте.

С рассмотренной классификацией тесно связана следующая. *В зависимости от субъекта выдачи* можно выделять коносамент судовладельца или коносамент фрахтователя.

В зависимости от состояния погруженного на борт судна товара или полученного перевозчиком выделяют «чистый» коносамент и коносамент с оговорками. Если внешнее состояние груза не отражено в коносаменте, то презюмируется «хорошее» состояние груза – коносамент без отметок о повреждениях товара называется «чистым» коносаментом. Если в коносаменте будет указано на хорошее состояние груза в отсутствие такового, то перевозчик не сможет сослаться на то, что груз был поврежден, особенно в спорах с грузополучателем – третьим лицом, в силу как прямого указания закона, так и в силу действия принципа *эстоппель*, если речь идёт о странах общего права. То есть коносамент является опровержимой презумпцией (в отсутствие соответствующих оговорок в нём) качества, количества и состояния груза. При этом, в соответствии с общепринятыми нормами, опровержение этой презумпции не допускается, если коносамент передан третьему лицу, которое, исходя из содержащегося в коносаменте описания груза, действовало добросовестно (ст. 16 Гамбургских правил, ст. 3 Правил Висби, ст. 145 КТМ РФ).

---

¹ The Okehampton. [1913] P. 173.

² Manchester Trust v Furness. [1895] 2 QB 539.

В том случае, если по «чистому» коносаменту прибыл повреждённый груз, то ответственность за его состояние несёт перевозчик – поэтому надлежащее исследование груза является важнейшим правом судовладельца. В этой связи ни перевозчик, ни капитан, ни агент перевозчика не обязан объявлять или указывать в коносаменте марки, число мест, количество или вес, которые, как он имеет серьёзное основание подозревать, не точно соответствуют грузу, в действительности принятому им, или которые он не имеет возможности проверить разумными средствами.

Вместе с тем, в некоторых случаях представитель судовладельца может выдать чистый коносамент без надлежащего исследования груза на основе заверений отправителя груза. В таком случае, в отсутствие недобросовестности действий самого перевозчика¹, действует установленное Правилами Висби (п. 5 ст. 3) положение, в соответствии с которым считается, что отправитель гарантировал перевозчику на момент погрузки точность марок, числа мест, количества и веса груза, как они им указаны, и отправитель обязан возместить перевозчику все потери, убытки и расходы, возникшие вследствие или явившиеся результатом неточности этих данных. Право перевозчика на такое возмещение никоим образом не ограничивает его ответственность и его обязанности по договору перевозки перед любым лицом, иным чем отправитель. В данном случае речь идёт о индемнитете в силу закона. Такая презумпция согласуется и с общими положениями ст. 10 ГК РФ – как отмечается в отечественной судебной практике, добросовестность и разумность действий сторон предполагаются и, соответственно, при нормальном течении товарооборота не имелось серьёзных оснований подозревать, что с грузом и документами что-то не в порядке и основания для снятия пломб, вскрытия контейнера и взвешивания груза не имелись². Однако следует отметить, что в отношении состояния груза этот индемнитет не действует.

Особое значение имеет «чистота» коносамента при использовании расчетов аккредитивами. Так, по общему правилу, банки будут принимать только чистый транспортный документ как надлежащий для выплаты по аккредитиву.

В зависимости от процедуры перевозки груза выделяются три вида коносаментов:

Прямой коносамент (Direct Bill of Lading) – коносамент, покрывающий отгрузку между непосредственными портами погрузки и выгрузки на одном и том же судне.

Сквозной коносамент (Through Bill of Lading) – коносамент, предусматривающий перевалку груза на другое судно в промежуточном пункте и покрывающий всю перевозку груза от порта погрузки до места конечного назначения. В соответствии со сложившимися международными правилами коносамент может указы-

¹ См., например, Standard Chartered Bank v Pakistan National Shipping Corp. [2002] UKHL 43.

² Решение Санкт-Петербургского городского суда от 12.08.2014 № 12-1350/2014 по делу № 5-792/2014

вать, что товар будет или может быть перегружен при условии, что вся перевозка покрывается одним и тем же коносаментом.

Мультимодальный (смешанный) коносамент (Combined Transport Bill of Lading) – коносамент, который выдается в том случае, если груз доставляется несколькими видами транспорта. Перегрузка в таком случае означает выгрузку с одного транспортного средства и последующую погрузку на другое транспортное средство (того же или другого вида транспорта) в процессе перевозки из места отправки, принятия к перевозке или отгрузки в место конечного назначения. В отличие от прямого и сквозного коносамента, сложно утверждать, что мультимодальный коносамент будет являться товарораспорядительным документом, поскольку не вполне соответствует требованиям, предъявляемым к реквизитам коносамента, так как не вся транспортировка будет осуществляться посредством морского транспорта. Вместо такого коносамента, в соответствии с правилами ЮНКТАД/ИСС может быть выдан «документ смешанной перевозки» (multimodal transport document), который является оборотным товарораспорядительным документом¹. Схожие положения содержатся и в не вступившей в силу Конвенции Организации Объединенных Наций о международных смешанных перевозках грузов 1980 г. Транспортный документ, указывающий, что перегрузка будет или может иметь место, является приемлемым при расчёте аккредитивами.

В зависимости от перевозчика выделяют:

Линейный, или рейсовый, коносамент (Liner bill of lading), выдаваемый судовой компанией или от её имени и покрывающий перевозку на судах, курсирующих по регулярным маршрутам в соответствии с установленным и опубликованным расписанием [3]. Также по условиям такого договора перевозки перевозчик обязан осуществить погрузку, укладку и разгрузку товара.

Океанический коносамент (Ocean bill of lading), выдаваемый в том случае, если происходит перевозка груза на специально выбранном для этого транспорте через океан/море, как правило, за пределы страны отправки. Договор перевозки вступает в силу с момента погрузки товара на борт судна и прекращает свое действие в момент разгрузки судна.

В зависимости от объема прав держателя коносамента существуют действующий и «погашенный» (spent) коносамент – который не может выполнять товарораспорядительную функцию, поскольку в связи с тем, что груза больше нет у перевозчика. Очевидно, что товарораспорядительная ценная бумага может существовать только при наличии соответствующего обязательства и прекращает своё существование при его прекращении. Наиболее тривиальный случай, когда коносамент становится погашенным, – когда в обмен на него выдается груз. Однако на практи-

---

¹ См.: Правила ЮНКТАД/ИСС для документов смешанных перевозок. ICC Publication № 481.

ке возникают и более противоречивые ситуации – например, если перевозчик выдал груз уполномоченному на то получателю¹ в отсутствие у последнего коносамента либо в результате нескольких сделок погашенный коносамент оказался в руках банка. Наличие различных заверений или обязательств по индемнитету на стороне даже уполномоченного грузополучателя не влияет на квалификацию действий перевозчика как ненадлежащего исполнения обязательства, поскольку он обязан выдать груз только при предъявлении оригинала коносамента². Погашенный коносамент, с учётом отсутствия у перевозчика груза, даёт владельцу лишь право требования возмещения соответствующих убытков, связанных с нарушением перевозчиком обязательства из договора перевозки, но только лишь в том случае, если договоренности о передаче коносамента держателю были достигнуты до момента погашения коносамента³.

Подводя итог, следует заключить, что долгая история существования коносамента породила множество различных его классификаций, имеющих значение как для оплаты товара, так и для определения лица, ответственного перед грузополучателем или законным владельцем коносамента за ненадлежащее исполнения обязательства.

Список литературы

1. Голубчик, А. М. О некоторых аспектах возможности применения электронного коносамента в практике нефтетрейдеров / А. М. Голубчик, П. Б. Катюха // Российский внешнеэкономический вестник. – 2017. – № 4. – С. 97–106.
2. Иванова, Т. А. Международные морские перевозки грузов: правовое регулирование // Международное публичное и частное право. – 2018. – № 5. – С. 14–16.
3. Макарова, Н. В. Коносамент в международных морских перевозках // Международные банковские операции. – 2009. – № 4. – С. 55–64.
4. Чуваков, В. Б. Правовая природа ректа-бумаг // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2006. – № 7. – С. 19–24.
5. Чурилов, А. Ю. К вопросу о правовой природе и функциях коносамента // Законодательство. – 2020. – № 10. – С. 25–31.
6. Du Toit, S. F. The evolution of the bill of lading // *Fundamina: A Journal of Legal History*. – 2005. – № 11. – P. 12–25.

---

¹ О том, что коносамент не становится «погашенным» в случае выдачи груза не уполномоченному получателю, отмечено во многих делах, рассматриваемых английскими судами. Обзор части из них можно увидеть в деле *East West Corporation v DKBS 1912 & Anor* [2002] EWHC 83 (Comm).

² См., в частности, *Standard Chartered Bank v Dorchester Lng (2) Ltd* Re: *MT ERIN SCHULTE* [2013] EWHC 808 (Comm).

³ Речь идёт именно о договорённости, но не о фактической передаче. См., в частности: *The Delfini*. [1990] 1 *Lloyd's* 252.

References

1. Golubchik A. M., Katyuha P. B. O nekotorykh aspektakh vozmozhnosti primeniya elektronnoho konosamenta v praktike neftetreyderov [On some aspects of the possibility of using an electronic bill of lading in the practice of oil traders]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik*, 2017, no. 4, pp. 97–106.
2. Ivanova T. A. Mezhdunarodnye morskije perevozki gruzov: pravovoe regulirovanie [International sea transportation of goods: legal regulation]. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*, 2018, no. 5, pp. 14–16.
3. Makarova N. V. Konosament v mezhdunarodnykh morskikh perevozkakh [Bill of lading in international shipping]. *Mezhdunarodnye bankovskie operatsii*, 2009, no. 4, pp. 55–64.
4. Chuvakov V. B. Pravovaya priroda rekta-bumag [The legal nature of rect-paper]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2006, no. 7, pp. 19–24.
5. Churilov A. U. K voprosu o pravovoi prirode i funktsiyakh konosamenta [On the question of the legal nature and functions of the bill of lading]. *Zakonodatel'stvo*, 2020, no. 10, pp. 25–31.
6. Du Toit S. F. The evolution of the bill of lading. *Fundamina: A Journal of Legal History*, 2005, no. 11, pp. 12–25.

УДК 347.772:347.42(470+510)-047.34
<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/98-103>

А. П. Рабец¹, Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия
E-mail: anita_trof@mail.ru

КОМПЕНСАЦИЯ ЗА НАРУШЕНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И КНР

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, касающиеся особенностей применения выплаты компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак по законодательству России и КНР*. Отмечено, что выплата компенсации за нарушение исключительного права является самостоятельным способом защиты гражданских прав и относится к мерам гражданско-правовой ответственности наряду с возмещением убытков и взысканием неустойки. В исследовании проведён сравнительный анализ положений ГК РФ и Закона КНР «О товарных знаках» по вопросам, касающимся правовой природы указанного способа защиты, порядка выплаты компенсации и условий гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительного права на товарный знак. Сделан вывод о том, что правовое регулирование в сфере взыскания компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак в России и в КНР обладает рядом схожих характеристик. Выплата компенсации по законодательству обеих стран является способом защиты только исключительного права, а не иных интеллектуальных прав. В целом совпадают критерии определения размера компенсации, а также некоторые варианты её расчёта. В то же время имеются и определённые различия в правовом регулировании порядка выплаты компенсации, а также в особенностях применения данного способа защиты гражданских прав в судебной практике. К примеру, в российской правоприменительной практике существует определённый баланс между восстановительной и штрафной функцией рассматриваемой санкции, тогда как в КНР штрафная природа компенсации в ряде случаев выходит на первый план. Анализ

¹ Анна Петровна Рабец, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Юридической школы, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Рабец А. П. Компенсация за нарушение исключительного права на товарный знак: сравнительный анализ законодательства России и КНР // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 2. С. 97–107. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/98-103>.

* Перевод судебной практики КНР и доктринальных источников Китая на русский язык осуществил магистрант ЮШ ДВФУ Ван Чунь (E-mail: van.chu@students.dvfu.ru).

особенностей выплаты компенсации с учётом специфики законодательства России и Китая позволяет взглянуть на рассматриваемый способ защиты исключительного права под другим углом и учесть положительный опыт обеих стран при совершенствовании законодательства в данной области.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, компенсация за нарушение исключительного права, товарный знак, интеллектуальные права, способы защиты гражданских прав, законодательство России, законодательство КНР, убытки, гражданско-правовая ответственность, правонарушение, вина.

Anna P. Rabets¹, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia
E- mail: anita_trof@mail.ru

COMPENSATION FOR VIOLATION OF THE EXCLUSIVE RIGHT TO A TRADEMARK: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LEGISLATION OF RUSSIA AND THE PRC

Abstract. The article deals with the peculiarities of the application of compensation for violation of the exclusive right to a trademark under the laws of Russia and China*. It is noted that the payment of compensation for violation of an exclusive right is an independent method of protecting civil rights and refers to the measures of civil liability, along with compensation for losses and the recovery of penalties. The study conducted a comparative analysis of the provisions of the Civil Code of the Russian Federation and the Law of the China "On Trademarks" on issues related to the legal nature of these methods of protection, the procedure for paying compensation and the conditions of civil and legal liability for violation of the exclusive right to the trademark. It was concluded that the legal regulation in the field of recovery of compensation for violation of the exclusive right to a trademark in Russia and China has a number of similar characteristics. Thus, the payment of compensation under the laws of both countries is a way of protecting only the exclusive right, but not other intellectual rights. In general, the criteria for determining the amount of compensation, as well as some options for calculating it, coincide. At the same time, there are certain differences in the legal regulation of the procedure for paying compensation, as well as in the peculiarities of the use of this method of protecting civil

---

¹ *Anna Petrovna Rabets*, Candidate of Law Sciences, associate professor, associate professor of civil law and process of Law school, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Для цитирования: Rabets A. P. Compensation for violation of the exclusive right to a trademark: a comparative analysis of the legislation of Russia and the PRC // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2021. No 2. P. 98–103. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/98-103>.

* The translation of the judicial practice of the PRC and the doctrinal sources of China into Russian was carried out by Wang Chun, a master student of the FEFU YSH FEFU (E-mail: van.chu@students.dvfu.ru).

rights in judicial practice. For example, in the Russian law enforcement practice there is a certain balance between the restorative and punitive functions of the sanction under consideration, while in China the punitive nature of compensation in some cases comes to the fore. Analysis of the peculiarities of compensation payments taking into account the specifics of the legislation of Russia and China allows us to look at the considered method of protecting exclusive law from a different angle and take into account the positive experience of both countries in improving legislation in this area.

Keywords: intellectual property, compensation for violation of an exclusive right, trademark, Intellectual rights, ways to protect civil rights, Russia legislation, PRC legislation, losses, civil liability, offence, guilt.

При нарушении исключительного права на товарный знак наиболее востребованным у отечественных правообладателей способом защиты является взыскание компенсации вместо возмещения убытков (п. 3 статьи 1252 ГК РФ; п. 4 статьи 1515 ГК РФ). Согласно п. 3 статьи 1252 ГК РФ одновременное взыскание компенсации и убытков за нарушение исключительного права не допускается. При этом не запрещено применение указанной санкции за правонарушение наряду с другими способами защиты гражданских прав (требованиями о пресечении действий, нарушающих право, о публикации решения суда о допущенном правонарушении и др.). При этом компенсация подлежит взысканию при доказанности факта правонарушения независимо от наличия убытков.

Специфике компенсации как способу защиты нарушенных прав посвящено достаточно много исследований [1, с. 48–55]. Однако до сих пор в доктрине и судебной практике остаются нерешёнными вопросы, касающиеся правовой природы и порядка определения размера компенсации. Принятие Конституционным Судом РФ постановлений, в которых оцениваются положения ГК РФ о компенсации на соответствие Конституции РФ, дало очередной импульс к обсуждению особенностей данной санкции [2; 3].

Так, некоторые учёные придерживаются «восстановительного» подхода к природе компенсации [4, с. 246]. Например, по мнению А. П. Сергеева, компенсация «по своей юридической природе представляет собой не какую-то особую меру гражданско-правовой ответственности, а является особым способом возмещения убытков, причинённых правообладателю нарушением его исключительного права. Её «особость» заключается в том, что потерпевший освобождается от обязанности доказывать размер убытков» [5, с. 68–79].

Другие авторы являются сторонниками «штрафной» природы рассматриваемой санкции, не отрицая при этом за ней и цели восстановления имущественного положения правообладателя. Например, В. О. Калятин считает, что «компенса-

ция, предусмотренная частью четвёртой ГК РФ, носит явно штрафной характер», отмечая при этом эффективность механизма компенсации в плане предотвращения правонарушений [6, с. 18].

Полагаем, что выплата компенсации, в том числе и за нарушение исключительного права на товарный знак, является самостоятельным способом защиты гражданских прав и относится к мерам гражданско-правовой ответственности наряду с возмещением убытков и взысканием неустойки. При этом, являясь санкцией за бездоговорное гражданское правонарушение, компенсация выражается в обременениях в виде возложения на нарушителя дополнительных обязанностей. Указанный подход к правовой природе компенсации согласуется с позицией Конституционного Суда РФ, поддерживается в доктрине [7, с. 235] и отечественной судебной практике. Так, Л. А. Новосёлова отмечает, что «компенсация является мерой гражданско-правовой ответственности, поскольку применяется (1) между юридически равными субъектами, (2) по требованию и в пользу потерпевшей стороны, (3) для защиты частного имущественного права потерпевшего, (4) имеет преимущественной целью возмещение имущественных потерь правообладателя (компенсаторная, восстановительная функция)» [1, с. 48–55]. В свою очередь, Конституционный Суд РФ признал компенсацию в качестве «специального способа защиты исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности», носящего штрафной характер и преследующего, в том числе, публичные цели пресечения нарушений в сфере интеллектуальной собственности (п. 3. 3, п. 4.2 Постановления Конституционного Суда РФ от 13 декабря 2016 г. № 28-П) [2].

Таким образом, компенсация за нарушение исключительного права на товарный знак как мера гражданско-правовой ответственности в соответствии с российским законодательством обладает двойственной природой. С одной стороны, указанная санкция имеет восстановительную (компенсаторную) функцию, ибо направлена на восстановление имущественной сферы правообладателя. Вместе с тем, как всякая юридическая ответственность компенсация осуществляет штрафную функцию в отношении правонарушителя.

В КНР, как и в России, выплата компенсации является одним из самых распространённых способов защиты права на товарный знак, позволяющим эффективно защищать интересы правообладателей. Порядок применения данной санкции регулируется Законом КНР «О товарных знаках», принятом на 24 заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва 23 августа 1982 г. В настоящее время указанный закон действует в редакции от 23 апреля 2019 г., вступившей в силу с 1 ноября 2019 г. [8].

Субъектами взыскания компенсации являются обладатели исключительного права на товарный знак, то есть предприниматели. При этом виды нарушений исключительного права, при которых применяется рассматриваемый способ защиты,

в целом совпадают в российском (п. 3 ст. 1484 ГК РФ) и в китайском законодательстве. Так, согласно статье 57 Закона КНР «О товарных знаках» к нарушениям исключительного права на использование зарегистрированного товарного знака относятся, в частности, следующие действия: использование товарного знака, идентичного зарегистрированному товарному знаку, на однородных товарах, без должного разрешения правообладателя; использование на однородных товарах товарного знака, сходного с зарегистрированным, или использование обозначения, сходного с зарегистрированным товарным знаком, на схожих товарах, без должного разрешения правообладателя; реализация товаров, нарушающая исключительное право на использование зарегистрированного товарного знака; и др.

Способы определения размера компенсации регламентируются статьёй 63 Закона КНР «О товарных знаках», в соответствии с которой размер компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак определяется исходя из фактических убытков, понесённых правообладателем в результате нарушения. Если фактические убытки определить сложно, допускается определение суммы компенсации по сумме дохода, полученного правонарушителем от противоправной деятельности. В случае же сложности определения суммы убытков правообладателя или дохода правонарушителя размер компенсации определяется с учётом кратной суммы лицензионных платежей за использование зарегистрированного товарного знака. При умышленном нарушении исключительного права на зарегистрированный товарный знак при наличии отягчающих обстоятельств допускается определение размера компенсации в сумме от однократной до пятикратной размеру сумм, определённых вышеназванными методами. Наконец, при невозможности определения суммы убытков правообладателя, дохода правообладателя или суммы лицензионных платежей за использование зарегистрированного товарного знака суд определяет сумму компенсации в зависимости от обстоятельств правонарушения в пределах 5 миллионов юаней.

Сравнительный анализ положений Закона КНР «О товарных знаках» и Гражданского кодекса РФ, регулирующих порядок взыскания компенсации, позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, в Китае применение судом установленных законом вариантов расчёта компенсации имеет определённую последовательность. В то же время согласно п. 4 ст. 1515 ГК РФ правообладатель вправе требовать по своему выбору от нарушителя возмещения убытков вместо выплаты компенсации: 1) в размере от десяти тысяч до пяти миллионов рублей, определяемом по усмотрению суда исходя из характера нарушения; 2) в двукратном размере стоимости товаров, на которых незаконно размещен товарный знак, или в двукратном размере стоимости права использования товарного знака, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование

товарного знака. Кроме того, до вынесения судом решения правообладатель может изменить выбранный им способ расчёта компенсации.

Во-вторых, выплата компенсации как мера ответственности за нарушение исключительного права на товарный знак по законодательству КНР подлежит применению при наличии вины нарушителя. Если лицо не знает о том, что проданный им товар нарушает исключительное право другой стороны на использование зарегистрированного товарного знака, и может доказать, что товары получены законными средствами, предоставив информацию о поставщиках товаров, оно не обязано выплачивать компенсацию (ст. 64 Закона КНР «О товарных знаках»). В свою очередь, в России положения законодательства о повышенной ответственности предпринимателей (п. 3 ст. 401 ГК РФ) распространены сейчас и на внедоговорные отношения. Выплата компенсации как мера ответственности за нарушение исключительного права на товарный знак, допущенное субъектом при осуществлении им предпринимательской деятельности, подлежит применению независимо от вины нарушителя, если такое лицо не докажет, что нарушение исключительного права произошло вследствие непреодолимой силы (абз. 3 п. 3 ст. 1250 ГК РФ). В иных случаях будет действовать общее правило о применении рассматриваемой санкции только к виновному субъекту.

В-третьих, в законодательстве КНР закреплён альтернативный порядок взыскания компенсации. Так, в случае спора по вопросу определения суммы компенсации за нарушение исключительного права на зарегистрированный товарный знак, если стороны не достигли компромисса путём переговоров, они вправе обратиться с заявлением о проведении медиации в Административный департамент промышленности и торговли или с иском в народный суд КНР. Кроме того, если стороны не достигли соглашения в результате медиации, правообладатель вправе также обратиться с иском в народный суд (статья 60 Закона КНР «О товарных знаках»). При этом только суд может принять решение о выплате компенсации в размере до 5 миллионов юаней при трудности определения фактических убытков.

В российском же законодательстве установлен исключительно судебный порядок взыскания компенсации (п. 1 ст. 1248 ГК РФ). В случае, если правообладатель и нарушитель исключительного права являются юридическими лицами и (или) индивидуальными предпринимателями, до предъявления иска о выплате компенсации обязательно предъявление правообладателем претензии (п. 5.1 ст. 1252 ГК РФ).

В-четвёртых, компенсация по китайскому законодательству рассматривается скорее не как особая мера гражданско-правовой ответственности, а как способ возмещения убытков, при котором правообладатель обязан доказывать их размер. Более того, если правообладатель не смог подтвердить причинение ему убытков в результате правонарушения, то лицо, обвиняемое в нарушении исключительного

права на товарный знак, освобождается от ответственности (ст. 64 Закона КНР «О товарных знаках»).

Сложность доказывания заключается в том, что бухгалтерские документы и другие материалы, связанные с расчётом суммы убытков, находятся под контролем предполагаемого нарушителя, вследствие чего истец не может предоставить достаточные доказательства в обоснование своего иска. По указанной причине в законе было закреплено специальное правило, применяемое при «воспрепятствовании доказательствам». Согласно ст. 63 Закона КНР «О товарных знаках» народный суд с целью определения суммы ущерба может потребовать от нарушителя предоставить бухгалтерские книги и материалы, связанные с нарушениями. Если же нарушитель не предоставляет указанные документы либо предоставляет фальшивые материалы, народный суд может вынести решение о размере убытков со ссылкой на требования правообладателя и представленные им доказательства. Указанное правило действует при условии, что правообладатель приложил все усилия для сбора доказательств и при этом не нарушил требования об охране информации, связанной с коммерческой тайной [9, с. 130].

В свою очередь, согласно абз. 1 п. 2 ст. 1252 ГК РФ правообладатель, обратившийся с требованием о выплате компенсации, освобождается от доказывания размера причинённых ему убытков. Таким образом, в предмет доказывания по требованиям о выплате компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак входят следующие обстоятельства: факт принадлежности истцу указанного права и факт его нарушения ответчиком путём индивидуализации товаров, работ или услуг, в отношении которых товарный знак зарегистрирован, или однородных им, если в результате такого использования возникает вероятность смешения. Следовательно, правообладатель, обратившийся за защитой права на товарный знак, освобождается от доказывания причинённых ему убытков и их размера. Вместе с тем, вероятные имущественные потери правообладателя могут иметь значение в качестве подлежащего учёту обстоятельства дела при определении судом размера компенсации. Поэтому, заявляя требование о взыскании компенсации в размере от десяти тысяч до пяти миллионов рублей, истец должен предоставить обоснование размера взыскиваемой суммы [10, п. 61].

В-пятых, в китайской доктрине и судебной практике превалирует «штрафной» (карательный) подход к правовой природе компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак. Исследуемую категорию в научных работах и судебных решениях обозначают «штрафной компенсацией», «карательной компенсацией», «штрафными убытками», «экономическими убытками» [11, с. 148].

К примеру, учёный Чжан Хун, обосновывая штрафную природу компенсации, высказал мнение, что карательная компенсация в области интеллектуальной собственности применяется ввиду особого характера интеллектуальных прав. Автор от-

метил, что сложность и неопределённость рынка создаёт естественные препятствия для оценки стоимости интеллектуальных прав и затрудняет определение ущерба владельцу товарного знака. Поэтому для нематериальных активов, таких как товарные знаки, применение карательной системы является обоснованным [12, с. 164].

Заметим, что законодательное регулирование в сфере взыскания компенсации в Китае менялось в сторону определённого ужесточения на фоне изменения внутренней политики КНР, связанной, в том числе, с продвижением инноваций и усилением охраны интеллектуальных прав. Так, сумма компенсации в случаях, если доходы нарушителя или убытки правообладателя от нарушения установить затруднительно, за последние годы выросла с трёх до пяти миллионов юаней.

Вместе с тем, восстановительный характер компенсации также принимается во внимание судами КНР при рассмотрении соответствующих споров. К примеру, отменяя решение суда первой инстанции и вынося решение о более высоком размере компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак компании Budweiser (China) Sales Co., Ltd. (180 тысяч юаней, включая разумные расходы правообладателя, уплаченные для прекращения нарушения), суд второй инстанции отметил, что факты, установленные в первоначальном решении, были очевидны, но размер компенсации не смог компенсировать убытки правообладателя и наказать за нарушение [13]. Более того, как отмечалось, изначально размер компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак определяется исходя из фактических убытков, понесённых правообладателем в результате нарушения.

В то же время в российской судебной практике наметилась устойчивая тенденция к снижению размера компенсации. Такая возможность установлена в абз. 3 п. 3 ст. 1252 ГК РФ, в частности, для случаев нарушения прав на несколько товарных знаков одного правообладателя, неправомерно размещённых на товаре. В подобных ситуациях общий размер компенсации может быть снижен судом ниже пределов, установленных ГК РФ, но не может составлять менее 50 % суммы минимальных размеров всех компенсаций за допущенные нарушения. При этом в абз. 3 п. 65 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъясняется, что распространение нескольких материальных носителей при неправомерном использовании одного результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации составляет одно правонарушение, если такое нарушение охватывается единством намерений нарушителя [10, п. 65].

В свою очередь, Конституционный Суд РФ, рассматривая вопрос о снижении размера компенсации, пришёл к выводу о том, что, будучи штрафной санкцией, взыскание компенсации «является частноправовым институтом, который основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений...» (п. 4.2 Постановления Конституционного Суда РФ от 13 декабря 2016 г. № 28-П). В этой связи

Конституционный Суд РФ указал на возможность снижения компенсации, начисленной за нарушение одним действием прав на несколько объектов, ниже установленного законом предельного размера, если размер подлежащей взысканию компенсации многократно превышает размер причинённых правообладателю убытков и если при этом обстоятельства конкретного дела свидетельствуют, в частности, о том, что правонарушение совершено индивидуальным предпринимателем впервые и что использование объектов интеллектуальной собственности, права на которые принадлежат другим лицам, с нарушением этих прав не являлось существенной частью его предпринимательской деятельности и не носило грубый характер [2].

Приведённые правовые позиции по вопросу снижения размера компенсации нашли отражение в судебной практике [14; 15]. Так, при рассмотрении исковых требований АО «Сеть телевизионных станций» к индивидуальному предпринимателю о взыскании компенсации в размере 80 тысяч рублей за нарушение исключительных прав на три товарных знака и произведение изобразительного искусства, принадлежащие истцу, суд первой инстанции пришёл к выводу о том, что нарушение ответчиком исключительных прав истца путём реализации двух товаров, приобретённых в двух разных торговых точках в течение короткого промежутка времени, охватывалось единством его намерений и с учётом правовой позиции, приведённой в п. 65 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 23 апреля 2019 № 10, может быть рассмотрено как один случай незаконного использования исключительных прав. Применяв положения абз. 3 п. 3 ст. 1252 ГК РФ, суд снизил размер компенсации за каждое нарушение до 5 тысяч рублей, взыскав 20 тысяч рублей компенсации. Указанное решение было поддержано 14 Арбитражным апелляционным судом и оставлено без изменений Судом по интеллектуальным правам [16].

В-шестых, критерии определения размера компенсации можно вывести из положений ст. 63 Закона КНР «О товарных знаках». В первую очередь, суды ориентируются на размер фактических убытков правообладателя в результате нарушения права на товарный знак либо на прибыль, полученную ответчиком в результате правонарушения. Так, основываясь на доказательствах, представленных сторонами в деле о взыскании компенсации за нарушение прав на товарный знак «CHANEL» по иску компании Chanel Co., Ltd. к пяти ответчикам, суд снизил размер компенсации (экономических убытков) с 60 тысяч юаней до 30 тысяч юаней [17].

Кроме того, при определении размера компенсации учитывается степень вины нарушителя, а также неоднократность нарушения, срок незаконного использования товарного знака и другие отягчающие обстоятельства. При умышленном нарушении исключительного права на товарный знак с учётом указанных обстоятельств возможно кратное увеличение размера компенсации. Например, суд поддержал исковые требования компании Balanced Body Inc. в споре о нарушении прав на товарный знак «MOTR» и взыскал с ответчика 3 миллиона юаней экономических убытков, представ-

ляющих собой штрафную компенсацию, рассчитанную исходя из доходов ответчика от правонарушения. При определении суммы компенсации суд учёл умысел ответчика и неоднократность нарушения исключительного права на товарный знак [18].

Наконец, при невозможности расчёта суммы убытков суд определяет размер компенсации в зависимости от характера допущенного правонарушения. Анализ судебной практики КНР в указанной области показывает, что нарушение исключительного права характеризуют такие обстоятельства, как масштаб противоправного действия (объём выпуска контрафактных товаров с использованием товарного знака; нарушение деловой репутации правообладателя и т. д.). Данный критерий может определяться и спецификой объекта интеллектуальной собственности, право на который было нарушено. Так, суд взыскал по иску компании Commercial Press Co., Ltd. с ответчика значительную компенсацию в размере 3 миллиона юаней, в частности, с учётом того обстоятельства, что товарный знак «Словарь Синьхуа», права на который были нарушены, имел режим общеизвестного товарного знака [19].

При определении размера компенсации суды принимают во внимание и другие обстоятельства, например, недобросовестное поведение ответчика, представляющее собой акт недобросовестной конкуренции. Отметим, что в споре о нарушении прав на товарный знак и недобросовестной конкуренции между компаниями China Neighbor International Cultural Exchange Co., Ltd. и Ai Shang TV Media Co., Ltd. действия ответчика признаны судом добросовестными и требование истца о компенсации в размере 500 тысяч юаней было отклонено [20].

В России, как и в КНР, размер подлежащей взысканию компенсации должен быть судом обоснован. Критерии и обстоятельства, учитываемые при определении размера компенсации за нарушение исключительного права, были обобщены в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.04. 2019 № 10 «О применении части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации». Согласно п. 62 указанного документа по требованиям о взыскании компенсации в размере от десяти тысяч до пяти миллионов рублей суд определяет сумму компенсации исходя из представленных сторонами доказательств не выше заявленного истцом требования. При этом при определении размера компенсации суд учитывает, в частности, обстоятельства, связанные с объектом нарушенных прав (например, его известность публике), характер допущенного нарушения (например, размещён ли товарный знак на товаре самим правообладателем или третьими лицами без его согласия, осуществлено ли воспроизведение экземпляра самим правообладателем или третьими лицами и т. п.), срок незаконного использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, наличие и степень вины нарушителя (в том числе носило ли нарушение грубый характер, допускалось ли оно неоднократно), вероятные имущественные потери правообладателя и некоторые другие факторы [10, п. 62].

Анализ российской судебной практики последних лет показывает, что при определении размера компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак суды чаще всего ссылаются на характер правонарушения; соразмерность последствиям допущенного ответчиком нарушения; соответствие размера компенсации принципам разумности и справедливости [21]; вероятные убытки правообладателя; отсутствие ранее совершённых ответчиком нарушений исключительного права [22]; неоднократность нарушения исключительного права на товарный знак [23].

Резюмируя вышеизложенное, следует подчеркнуть, что взыскание компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак закреплено как в законодательстве России, так и в законодательстве КНР в качестве меры гражданско-правовой ответственности, обладающей рядом схожих характеристик. Так, выплата компенсации по законодательству обеих стран является способом защиты только исключительного права, а не иных интеллектуальных прав. В целом совпадают критерии определения размера компенсации, а также некоторые варианты её расчёта (определение размера компенсации с учётом кратной суммы лицензионных платежей за использование зарегистрированного товарного знака).

В то же время, имеются и определённые различия в правовом регулировании порядка выплаты компенсации, а также в особенностях применения данного способа защиты гражданских прав в судебной практике. К примеру, в российской правоприменительной практике существует определённый баланс между восстановительной и штрафной функцией рассматриваемой санкции, тогда как в КНР штрафная природа компенсации в определённых случаях выходит на первый план. Далее, в отличие от Закона КНР «О товарных знаках», в ГК РФ закреплено освобождение правообладателя от доказывания размера причинённых ему убытков (п. 3 ст. 1252 ГК РФ), что, безусловно, облегчает применение данного способа защиты. Положительным нововведением можно считать применение выплаты компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак независимо от вины нарушителя при осуществлении им предпринимательской деятельности (п. 3 ст. 1250 ГК РФ), тогда как в Китае невиновность нарушителя исключительного права освобождает его от ответственности (ст. 64 Закона КНР «О товарных знаках»).

Вместе с тем, в законодательстве КНР закреплены положения, представляющие, на наш взгляд, интерес для российских правоприменителей. Так, согласно ст. 63 Закона КНР «О товарных знаках» сумма компенсации должна включать обоснованные расходы, понесённые правообладателем для пресечения правонарушения. В свою очередь, в ст. 64 указанного закона достаточно чётко определены обстоятельства, которые могут и освободить нарушителя от ответственности, и повлиять на определение размера компенсации. В частности, если правообладатель не может предоставить доказательства использования товарного знака, то лицо, обвиняемое в нарушении исключительного права на товарный знак, осво-

бождается от ответственности. В то же время, в ГК РФ (ст. 1486) неиспользование товарного знака может привести к досрочному прекращению его правовой охраны, но как основание освобождения нарушителя от ответственности, в том числе при взыскании компенсации, в законе не закреплено.

Таким образом, полагаем, что и законодательство России, и законодательство Китая в области правового регулирования выплаты компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак должно совершенствоваться с учётом положительного опыта обеих стран.

Список литературы

1. Новосёлова, Л. А. Принцип справедливости и механизм компенсации как средство защиты исключительных прав // Вестник гражданского права. – 2017. – № 2. – С. 48–55.

2. По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края : постановление Конституционного Суда РФ от 13 декабря 2016 г. № 28-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 52 (ч. 5). – Ст. 7729.

3. По делу о проверке конституционности подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Пятнадцатого Арбитражного Апелляционного суда : постановление Конституционного Суда РФ от 24 июля 2020 г. № 40-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 32. – Ст. 5362.

4. Хохлов, В. А. Авторское право: законодательство, теория, практика / В. А. Хохлов. – Москва : Городец, 2008. – 286 с.

5. Сергеев, А. П. Правовая природа компенсации за нарушение исключительного авторского права // Гражданское законодательство : Статьи. Комментарии. Практика. Вып. 50 / под ред. А. Г. Диденко. – Алматы, 2017. – С. 68–79.

6. Компенсация за нарушение исключительных прав: вопросы квалификации // Закон. – 2016. – № 12. – С. 18–28.

7. Право интеллектуальной собственности. Т. 3 : Средства индивидуализации : учебник / под общ. ред. Л. А. Новосёловой. – Москва : Статут, 2018. – 432 с.

8. Закон о товарных знаках Китайской Народной Республики от 23 августа 1982 г., с поправками от 22 февраля 1993 г., 27 октября 2001 г., 30 августа 2013 г., 23 апреля 2019 г. – URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/579989> (дата обращения: 21.05.2021).

9. У Ханьдун. Презумпция ответственности за вину и определение размера компенсации в судебном разбирательстве о нарушении прав интеллектуальной собственности: с точки зрения верховенства бремени доказывания // Обзор законодательства. – 2014. – Вып. 5. – С. 130. – Кит.

10. О применении части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ (дата обращения: 21.05.2021).

11. Ян Цзяньлунь. Судебное применение возмещения убытков по делам о нарушении прав на товарные знаки на фоне нового Закона «О товарных знаках Китая» // Legal System Expo. – 2020. – Январь, ч. 2. – С. 148. – Кит.

12. Чжан Хун. Карательная компенсация за злонамеренное нарушение прав на товарный знак // Юридические и коммерческие исследования. – 2019. – Вып. 4. – С. 164. – Кит.

13. China Judgments Online. – URL: <https://wenshu.court.gov.cn/website/wenshu/181010CARHS5BS3C/index.html?> (дата обращения: 21.05.2021).

14. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 10 февраля 2021 г. N C01-51/2021 по делу № A05-6394/2020. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SIP;n=73109#09010569712438272> (дата обращения: 21.05.2021).

15. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 29 января 2021 г. по делу № A71-17369/2019. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.05.2021).

16. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 11 февраля 2021 г. по делу № A05-6698/2020. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.05.2021).

17. China Judgments Online. – URL: <https://wenshu.court.gov.cn/website/wenshu/181107ANFZ0BXS4/index.html?docId=70cdf2c8254e4d469304ab8e00c2f1e7> (дата обращения: 21.05.2021).

18. China Judgments Online. – URL: <https://wenshu.court.gov.cn/website/wenshu/181107ANFZ0BXS4/index.html?docId=15cc07a476ac4b47a5ffab0200c28c6c> (дата обращения: 21.05.2021).

19. China Judgments Online. – URL: <https://wenshu.court.gov.cn/website/wenshu/181107ANFZ0BXS4/index.html?docId=de9a1db504a34321a3a2a9bb0011552a> (дата обращения: 21.05.2021).

20. China Judgments Online. – URL: <https://wenshu.court.gov.cn/website/wenshu/181107ANFZ0BXS4/index.html?docId=0fd7ad3ce45a4628aabca857012742b5> (дата обращения: 21.05.2021).

21. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 октября 2020 г. № 13 АП-25959/2020 по делу А56-136561/2019. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.05.2021).

22. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 15 сентября 2020 г. по делу № А11-12111/2019. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.05.2021).

23. Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20 октября 2020 г. по делу № А05-6411/2020. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.05.2021).

References

1. Novoselova L.A. Printsip spravedlivosti i mekhanizm kompensatsii kak sredstvo zashchity isklyuchitel'nykh prav [The principle of justice and the mechanism of compensation as a means of protecting exclusive rights]. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2017, no. 2, pp. 48–55.
2. In the case of checking the constitutionality of subparagraph 1 of Article 1301, subparagraph 1 of Article 1311 and subparagraph 1 of paragraph 4 of Article 1515 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the requests of the Arbitration Court of the Altai Territory: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 13, 2016 No. 28-P. *Collected Legislation of the Russian Federation*, 2016, no. 52 (part 5), art. 7729. (In Russian).
3. In the case of checking the constitutionality of subparagraph 2 of paragraph 4 of Article 1515 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the request of the Fifteenth Arbitration Court of Appeal: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 24, 2020 No. 40-P. *Collected Legislation of the Russian Federation*, 2020, no. 32, art. 5362. (In Russian).
4. Khokhlov V. A. *Avtorskoe pravo: zakonodatel'stvo, teoriya, praktika* [Copyright: legislation, theory, practice]. Moscow: Gorodets Publ., 2008. 286 p.
5. Sergeev A. P. Pravovaya priroda kompensatsii za narushenie isklyuchitel'nogo avtorskogo prava [Legal nature of compensation for violation of exclusive copyright]. In: *Grazhdanskoe zakonodatel'stvo: Stat'i. Kommentarii. Praktika*. [Didenko A.G., ed. Civil legislation: Articles. Comments. Practice]. Iss. 50. Almaty, 2017, pp. 68–79.
6. Compensation for violation of exclusive rights: qualification issues. *Zakon*, 2016, no. 12, pp. 18–28. (In Russian).
7. Novoselova L. A., ed. *Pravo intellektual'noi sobstvennosti. T. 3 : Sredstva individualizatsii* [Intellectual property rights. Vol. 3: Means of individualization: textbook]. Moscow: Statute Publ., 2018. 432 p.
8. Law on Trademarks of the People's Republic of China of August 23, 1982, as amended on February 22, 1993, October 27, 2001, August 30, 2013, April 23, 2019 Available at: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/579989> (accessed 21 May 2021). (In Russian).
9. Wu Handong. Presumption of responsibility for guilt and determination of the amount of compensation in litigation on infringement of intellectual property rights: from the point of view of the supremacy of the burden of proof. *Review of legislation*, 2014, iss. 5, pp. 130. (In Chinese).
10. *On the application of part four of the Civil Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 23, 2019 No. 10*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ (accessed 21 May 2021). (In Russian).

11. Yang Jianlun. Judicial application of damages in cases of violation of rights to trademarks against the background of the new Law "On China Trademarks". *Legal System Expo*, 2020, January, part 2, pp. 148. (In Chinese).

12. Zhang Hong. Punitive compensation for malicious violation of trademark rights. *Legal and Commercial Research*, 2019, iss. 4, pp. 164. (In Chinese).

13. *China Judgments Online*. Available at: <https://wenshu.court.gov.cn/website/wenshu/181010CARHS5BS3C/index.html?> (accessed 21 May 2021).

14. *Ruling of the Intellectual Property Rights Court dated February 10, 2021 N C01-51/2021 in case No. A05-6394/2020*. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SIP;n=73109#09010569712438272> (accessed 21 May 2021). (In Russian).

15. *Ruling of the Intellectual Property Court dated January 29, 2021 in case No. A71-17369/2019*. Available at: <http://www.consultant.ru> (accessed 21 May 2021). (In Russian).

16. *Judgment of the Intellectual Property Court dated February 11, 2021 in case No. A05-6698/2020*. Available at: <http://www.consultant.ru> (accessed 21 May 2021).

17. *China Judgments Online*. Available at: <https://wenshu.court.gov.cn/website/wenshu/181107ANFZ0BXSK4/index.html?docId=70cdf2c8254e4d469304ab8e00c2f1e7> (accessed 21 May 2021).

18. *China Judgments Online*. Available at: <https://wenshu.court.gov.cn/website/wenshu/181107ANFZ0BXSK4/index.html?docId=15cc07a476ac4b47a5ffab0200c28c6c> (accessed 21 May 2021).

19. *China Judgments Online*. Available at: <https://wenshu.court.gov.cn/website/wenshu/181107ANFZ0BXSK4/index.html?docId=de9a1db504a34321a3a2a9bb0011552a> (accessed 21 May 2021).

20. *China Judgments Online*. Available at: <https://wenshu.court.gov.cn/website/wenshu/181107ANFZ0BXSK4/index.html?docId=0fd7ad3ce45a4628aabca857012742b5> (accessed 21 May 2021).

21. *Resolution of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal dated October 27, 2020 No. 13 AP-25959/2020 in case A56-136561/2019*. Available at: <http://www.consultant.ru> (accessed 21 May 2021). (In Russian).

22. *Resolution of the First Arbitration Court of Appeal dated September 15, 2020 in case No. A11-12111/2019*. Available at: <http://www.consultant.ru> (accessed 21 May 2021).

23. *Resolution of the Fourteenth Arbitration Court of Appeal dated October 20, 2020 in case No. A05-6411/2020*. Available at: <http://www.consultant.ru> (accessed 21 May 2021).

УДК 343.988:343.34:004.056

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/113-122>

Д. В. Жмуров¹, Байкальский государственный университет экономики и права,
г. Иркутск, Россия
E-mail: zdevraz@ya.ru

КИБЕРВИКТИМНОСТЬ КАК НОВАЯ КАТЕГОРИЯ ВИКТИМОЛОГИИ ПОСТМОДЕРНА

Аннотация. Статья посвящена новому явлению, определяемому как кибервиктимность. В работе выявлены её специфические характеристики, сформулирована дефиниция этого термина. Под кибервиктимностью предлагается понимать способность индивида быть жертвой компьютерных преступлений в силу субъективной или объективной уязвимости. Автор отмечает, что указанное явление выходит за пределы классической виктимологии и нуждается в серьёзном научном осмыслении. В настоящей статье дан краткий анализ некоторых проблем, имеющих в содержательном поле кибервиктимности, рассмотрен вопрос соотношения терминов «кибержертва» и «субъект кибервиктимизации», перечислены виды таких субъектов.

Ключевые слова: кибервиктимность, кибервиктимология, интернет-потерпевший, жертвы цифровых преступлений, кибержертва, субъект кибервиктимизации, цифровая криминология, пострадавший в интернет-среде, кибервиктимизация, факторы кибервиктимизации, криминология цифрового мира.

---

¹ Дмитрий Витальевич Жмуров, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета экономики и права, руководитель проекта «Национальная энциклопедическая служба России», г. Иркутск, Россия.

Для цитирования: Жмуров Д. В. Кибервиктимность как новая категория виктимологии постмодерна // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 2. С. 113–122. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/113-122>.

Dmitriy V. Zhmurov¹, Baikal State University, Irkutsk, Russia
E-mail: zdevraz@ya.ru

CYBER-VICTIMHOOD AS A NEW CATEGORY OF POSTMODERN VICTIMOLOGY

Abstract. The article is devoted to a new phenomenon, defined as cyber-victimhood. The paper reveals its specific characteristics and suggests a definition of this term. Cyber-victimhood is understood as the ability of an individual to be a victim of computer crimes due to subjective or objective vulnerability. The author notes that this phenomenon goes beyond classical victimology and needs serious scientific reflection. This article provides a brief analysis of the problems in the content field of cyber-victimhood, considers the question of the relationship between the terms «cyber-victim» and «subject of cyber-victimization», lists the types of such subjects.

Keywords: cyber-victimhood, cyber-victimology, internet victim, victims of digital crimes, cyber-victim, subject of cyber-victimization, digital criminology, victim in the internet environment, cyber-victimization, factors of cyber-victimization, criminology of the digital world.

Считается, что начало виктимологии положила публикация немецкого криминолога Г. Гентига «Замечания по интеракции между преступником и жертвой» (1941). Он писал о диалогической природе преступного поведения, где обе стороны – субъекты взаимодополняющего партнёрства, в котором проявляется «...негласное взаимопонимание преступника и жертвы... имеет место интеракция, взаимодействие и обмен элементами причинности». На тот момент казалось, что это действительно так.

Но время меняет наши представления об окружающем мире и процессах, происходящих в нём. Коренные перемены в миропонимании неизбежны, а слом и обновление научных парадигм человечество переживало уже не раз. Подобно тому как пространственно-временная теория Эйнштейна перевернула классические ньютоновские представления о природе, революционные перемены не обходят стороной и гуманитарные науки. Вероятно, что в современных условиях виктимологии

---

¹ *Dmitriy Vitalievich Zhmurov*, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Baikal State University of Economics and Law; Coordinator of Project «National Encyclopedic Service of Russia», Irkutsk, Russia.

For citing: Zhmurov D. V. Cyber-victimhood as a new category of postmodern victimology // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2021. No 2. P. 113–122. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/113-122>.

постмодерна мы подошли к пределу, выходящему за грани установленной Гентигом максимы. Киберпреступность и виртуализация отношений между жертвой и злоумышленником, появление опосредующих элементов в этой цепи взаимодействия, преступные покушения и взломы ИОТ, т. е. интернета вещей – всё это говорит об изменении базовых начал коммуникации между сторонами преступного акта. В некоторых случаях «классическая механика» виктимологии, описанная немецким учёным, не работает, поскольку интеракции в привычном смысле не происходит. Между современной и старой преступностью существует не только антагонизм, но и существенная разница в методах воздействия на потерпевших. Сегодня используются незнакомые ранее приёмы, принципиально новые подходы к поиску, отбору и контакту с потенциальными жертвами.

Постараемся подробно сформулировать упомянутые особенности современной виктимологии.

Во-первых, отмечаются существенные изменения в укладе взаимодействия сторон криминального акта. Они всё более выходят за пределы отношений «хищник – жертва». Одной из важных идей криминального причинения в киберпространстве становится «философия умиротворения» – отказ от прямого воздействия на потерпевшего, стремление максимально замаскировать свои действия, если это возможно. Часто жертвы даже не подозревают, что им причиняется урон. Это пример избегания открытой конфронтации и явной агрессии со стороны преступников новой формации. Подобная стратегия гарантирует им безопасность, исключает мотивацию возмездия у пострадавшей стороны. Если использовать биологическую терминологию, то здесь уместно сравнение не с хищничеством, а с комменсализмом, при котором один из партнёров (комменсал) возлагает на другого (хозяина) регуляцию своих отношений с внешней средой, извлекая из этого выгоду. Например, криптоджекинг¹, куки-стаффинг², трояны в сфере партнёрского интернет-маркетинга, бонус-хантинг³, компьютеры, вводимые в бот-нет⁴ – всё это не причиняет потерпевшим какого-либо ощутимого вреда, позволяя правонарушителям иметь доход. Иногда отношения сторон уголовного деликта напоминают симбио-

---

¹ *Криптоджекинг* – это когда компьютер или смартфон жертвы используются без её разрешения, причем не для кражи данных, а для того, чтобы киберпреступники могли «добывать» (майнить) криптовалюты без использования своих собственных ресурсов.

² *Куки-стаффинг* – мошеннический инструмент в сфере партнерского интернет-маркетинга, означающий перенаправление пользователя без его ведома по партнёрской ссылке какого-либо сайта и начисление комиссии перенаправившему лицу.

³ *Бонус-хантинг* – различные формы присвоения бонусов, кэшбэков, призовых баллов и проч.

⁴ *Бот-нет* (ботнет) – компьютерная сеть, состоящая из некоторого количества хостов с запущенными ботами – автономным программным обеспечением. Чаще всего бот в составе ботнета является программой, скрытно устанавливаемой на устройство жертвы и позволяющей злоумышленнику выполнять некие действия с использованием ресурсов заражённого компьютера. Обычно используются для нелегальной или неодобряемой деятельности – рассылки спама, перебора паролей на удалённой системе, атак на отказ в обслуживании (DoS- и DDoS-атаки).

тические, т. е. обоюдовыгодные: преступники взламывают платные программы и публикуют их с внедрённым вредоносным кодом. Этот софт скачивают пользователи, заведомо зная об опасности, но рассчитывая на минимальные негативные последствия или их отсутствие. Не будь такого «молчаливого соглашения», когда одни взламывают, а другие – пользуются, многие вирусы просто не смогли бы распространяться. Известны случаи, когда вредоносное ПО даже выполняет полезные функции (оптимизирует работу компьютера, блокирует рекламу, ищет вирусы, чистит диск и проч.). Например, один из видов фрода, т. н. мошеннические тулбары (toolbar) – это браузерные расширения в верхней строке с дополнительным функционалом (прогноз погоды, сведения о безопасности сайта, индикатор почтового ящика и т. д.). Поскольку тулбар имеет доступ к загружаемым веб-страницам, он может «вмешиваться» в их работу. Поэтому он вполне способен перенаправить посетителя на другой адрес – причём это будет тот же самый сайт, что и выбрал пользователь, только с партнёрской меткой от создателя тулбара или того, кто ему заплатил [7]. В конечном счёте мошенник получит вознаграждение за приведённого клиента, а потерпевший зайдет на нужный сайт и сделает необходимые покупки.

Во-вторых, наблюдается размывание некоторых ключевых понятий виктимологии, например, *субъекта индивидуальной виктимизации*, т. е. физического лица, непосредственной жертвы преступления. Дело в том, что среди тех, кого атакуют в сетевом пространстве, присутствуют как традиционные жертвы, подпадающие под это определение (люди, юридические лица, государства), так и не совсем классические фигуры (автономные бытовые приборы IoT, веб-ресурсы, информационные роботы, сетевое оборудование и серверы). Это наглядно продемонстрировал специалист компании Avast M. Хрон, взломавший в 2020 г. «умную» кофеварку, перенаправив мощности её процессора на добычу криптовалюты [5]. Конечно, с ортодоксальных позиций определить в этой ситуации жертву не трудно. Можно объявить ею собственника кофемашины. Хотя делать это желательно с пониманием того, что реального вреда ему причинено не было. Но как поступать с пострадавшими «неодушевленными системами», у которых нет хозяина и которые никому не принадлежат? Например, таков целый кластер интеллектуальных активов, самоорганизующихся структур, именуемых FLOSS, или FOSS (свободное программное обеспечение с открытыми исходными кодами). К нему относится ядро Linux, и оно «никому не принадлежит. Точнее, можно сказать, что оно принадлежит сообществу программистов. На бесплатной основе каждый желающий может вносить свои изменения, которые в дальнейшем принимаются сообществом» [9].

В-третьих, учёные-виктимологи приписывают контакту преступника и жертвы некоторую психологическую согласованность. Считается, что жертва выбирается «не случайно, а по точным критериям и характеристикам» [3]. Преступник и пострадавший психологически подходят друг другу, по выражению Г. Гентига, как

«замок и ключ». Киберпреступность своим существованием, напротив, ставит под сомнение данное положение. Во многом она основана на случайном, рандомизированном выборе жертв. Более того, никакого взаимодействия между акторами криминального процесса может и не быть, кроме опосредованного, косвенного контакта через установленную вредоносную программу. Приведённый выше пример про кофемашину также опровергает факт психологической соприкосновенности между IT-преступником и предметом его атаки.

В-четвёртых, классическая виктимология одной из важных переменных называет действие *виктимогенных личностных* и *виктимогенных ситуационных* факторов. Первое – это уязвимости индивида, второе – условия внешней среды, детерминирующие поведение потерпевшего. В обоих случаях жертва активна, именно она стимулирует преступное поведение своими уязвимостями, либо ситуационной деятельностью. В постмодернистской виктимологии детерминационные связи между преступником и жертвой усложняются и не исчерпываются причинностью или условиями взаимодействия этих сторон. Например, личностные и ситуационные факторы виктимности не будут иметь значения при совершении акта кибертерроризма, когда дестабилизируется система энергоснабжения. Эти действия, в свою очередь, могут привести к локдауну на критически важных узлах (транспорте, здравоохранении и проч.). А пострадавшие при этом люди (например, больные на операционном столе, пассажиры автоматических транспортных средств) абсолютно не будут демонстрировать ни личностных, ни ситуационных факторов виктимности.

В-пятых, отмечаются совершенно нетипические случаи возникновения виктимных сообществ, представляющих массовые объединения потенциальных жертв, каждая из которых надеется таковой не стать (*«эпименические улыбки»* или *«консорциумы жертв»*). Например, так происходит в хайп-проектах, которые фактически представляют собой финансовые пирамиды с тысячами участников. Каждый из них надеется заработать и не опоздать вывести средства до того, как всё окончательно рухнет. Часто организаторы этих пирамид даже не скрывают истинных целей проекта, а инвесторы – «потенциальные жертвы» понимают, что их доходы складываются из взносов вновь прибывших участников. Поэтому им ничего не остается, кроме того, как привлекать новичков. Получается так, что жертвы сами ищут новых жертв. Как только поток неофитов иссякнет, они станут фактическими потерпевшими, рассчитывая, конечно, что до этого не дойдет. Таких «союзов жертв», где каждый надеется не оказаться последним, в интернете предостаточно.

Всё сказанное свидетельствует о формировании обновленного виктимологического дискурса. Он не столь однозначен и зауряден, в отличие от классического варианта. В связи с этим представляется уместной одна аналогия. Если, по выражению немецкого философа Макса Хоркхаймера, двадцатый век подарил нам новый антро-

пологический тип человека, а именно *авторитарную личность*, можно утверждать, что двадцать первому веку мы обязаны появлением *личности виртуальной жертвы* и нового формирующего её типа виктимности. При этом наблюдается некоторое смещение смысловых акцентов: термины «пострадавший» и «потерпевший» частично утрачивают свою семантическую окраску. Они не всегда обозначают тот смысловой контекст, который изначально был заложен в них производящим словом, а именно лексами «страдать» и «терпеть». То есть кибержертва не всегда «страдающая» или «претерпевающая». Уже упоминалось, что в ряде случаев наносимый вред минимален, нераспознаваем, неочевиден даже для самого потерпевшего.

Кибервиктимность представляет малоисследованную научную категорию и несомненно вызывает интерес учёных. Её изучение всецело отвечает требованиям виктимной безопасности как системы обеспечения защищённости личности и общества [4], в данном контексте – речь о безопасности в кибернетическом пространстве.

Термин «кибервиктимность» учёными используется, хотя, к сожалению, авторы не всегда предлагают его определение (Е. А. Антонян, Е. Н. Клещина, 2019; Д. Е. Никешин, 2021). А. Р. Дроздикова-Зарипова, Н. Н. Калацкая и коллеги под кибервиктимностью понимают *«системное и динамичное свойство личности, проявляющееся в форме ее социального, биологического, психологического и морального деформационного отклонения, закрепленного в неосторожных, импульсивных, провоцирующих формах поведения, не соответствующего нормам безопасности и обуславливающего потенциальную или реальную предрасположенность субъекта становиться жертвой преступлений в глобальной сети Интернет»* [11]. В. А. Плешаков и Т. В. Склярова обозначают кибервиктимность как *вероятность человека стать жертвой киберсоциализации* [10]. С авторской точки зрения, кибервиктимность можно обозначить как *способность индивида быть жертвой компьютерных преступлений в силу субъективной или объективной уязвимости*. Индивид – в данном случае – толкуется максимально расширительно, как биологический, социальный, технический организм с присущей ему степенью автономизации.

Существует несколько подходов к рассмотрению виктимности, и они вполне применимы к её кибернетической форме. Немалая часть исследователей под виктимностью понимают системное *свойство, связанное с предрасположенностью становиться жертвой* (О. О. Андроникова, Т. В. Варчук, Д. В. Ривман, В. Я. Рыбальская, А. В. Туляков, Л. В. Франк). Другие рассматривают виктимность как *следствие социального воздействия* или дефицитарности механизма социогенеза (Г. М. Андреева, А. В. Мудрик, Е. В. Руденский, А. Б. Серых) [2].

Памятуя о сложности и многокомпонентности процессов виртуальной виктимизации, целесообразно ввести переменную *субъекта кибервиктимизации*. По своему содержанию этот термин несколько отличен от понятия кибержертвы. Последняя – это лицо, признанное потерпевшим от преступления в цифровой среде, а субъект ки-

бервиктимизации – это *актор виртуального пространства, которому причинен материальный, технический, организационный и иной ущерб*. К таким субъектам можно отнести: а) компьютеры, серверы и сетевое оборудование; б) веб-ресурсы; в) людей; г) банкоматы и pos-терминалы; д) мобильные устройства; е) ИОТ [1]. Специалисты по сетевой безопасности Positive Technologies указали на 15 наиболее часто встречающихся категорий субъектов кибервиктимизации в зависимости от принадлежности к той или иной сфере общественной жизни. Среди них:

- финансовая отрасль;
- государственные учреждения;
- медицинские учреждения;
- наука и образование;
- оборонные предприятия;
- промышленные компании;
- онлайн сервисы;
- сфера услуг;
- транспорт;
- IT-компании;
- торговля;
- частные лица;
- телекоммуникационные компании;
- блокчейн-проекты;
- другие сферы.

Если говорить об одушевлённых кибержертвах и их характеристиках, то, по данным исследований, чаще всего интернет-рискам подвергаются люди в возрасте 19–35 лет (миллениалы) – 88%, чуть меньше пользователи 36–50 лет (поколение X) – 84% и 51–73 года (бумеры) – 76%. Реже всего (73%) интернет-угрозам подвержены подростки до 18 лет (зумеры) [12]. Следовательно, виктимологическому риску подвержены более молодые слои населения в силу их большей приверженности к современным технологиям [8].

При этом отмечается, что респонденты в РФ традиционно сталкиваются с поведенческими рисками в сети – 61% против среднемирового показателя 45%. 44% опрошенных жителей России подверглись грубому обращению, 43% – онлайн-домогательствам, 29% – троллингу, 53% – навязчивому поведению с онлайн-мошенничеством и нежелательным контактам (44%) [12]. Вероятно, эти показатели являются весьма приблизительными, поскольку унифицированных критериев оценки кибервиктимности пока не выработано.

Таким образом, кибервиктимность представляет собой самостоятельную и немаловажную проблему. Она явно выходит за привычные виктимологические рам-

ки, предопределяя нетрадиционные подходы к оценке её моделей, процессу реализации и субъектам. В первую очередь это обусловлено новыми качествами среды, в которых происходит виктимизация. Её отличают:

- деперсонализация и депсихологизация криминально-виктимного взаимодействия;
- вероятность осуществления, не предопределённая антропологическим статусом (виктимностью могут обладать коллективные социальные субъекты, технически сложные и самоорганизующиеся системы, вычислительные машины и проч.);

- ранее не фиксируемые формы реализации, связанные с автоматизацией процессов виктимизации и рекрутинга потерпевших, использованием системных решений при воздействии на жертв и т.д.;

- ранее не регистрируемые масштабы. Число пострадавших от целевых атак уже достигает десятков миллионов человек за один эпизод (напр., хищение конфиденциальных данных компании Sony с семьюдесятью семью миллионами пострадавших). Высокий уровень виктимизации населения определяет негативные тенденции в обеспечении личной безопасности граждан, а также в социально-экономическом развитии общества в целом [6].

Виктимизация в интернет-среде вносит ценные поправки в традиционные представления об акте реализации виктимного потенциала. Она существенно дополняет сегмент классической виктимологии и является предметом дальнейшей научной дискуссии.

Список литературы

1. Актуальные киберугрозы: итоги 2019 года. – URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2019/> (дата обращения: 18.01.2021).
2. Андронникова, О. О. Модели девиктимизации человека с ролевой позицией жертвы в социокультурном пространстве // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1–2. – С. 216.
3. Ахмедшин, Р. Л. Юридическая психология : курс лекций / Р. Л. Ахмедшин ; М-во образования и науки Российской Федерации ; Томский гос. ун-т систем упр. и радиотехники, фак. дистанционного обучения. – Томск : Эль Контент, 2011. – 226 с.
4. Воронин, Ю. А. Виктимная безопасность: терминологическая интерпретация / Ю. А. Воронин, А. В. Майоров // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 1 (27). – С. 43–48.
5. Герасюкова М. Требовала выкуп, плевала кипятком: эксперт взломал кофемашину // Новая газета. – URL: https://www.gazeta.ru/tech/2020/09/28/1327_1413/hack_coffee_machine.shtml (дата обращения: 22.02.2021).
6. Защищенность граждан от преступных посягательств в современной России: основные тенденции и детерминанты / Е. В. Фролова, Н. В. Медведева, Л. В. Сеничева, В. В. Бондалетов. – DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(3).525–537 // Криминоло-

гический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – Т. 9, № 3. – С. 525–537.

7. Как заплатить за одного клиента 3 раза и даже не знать об этом: Практический кейс «Аудиомании». – URL: <https://habr.com/ru/company/audiomania/blog/370097/> (дата обращения: 11.03.2021).

8. Комаров, А. А. Исследование виктимологических рисков интернет-мошенничества в зависимости от возраста пользователей Глобальной сети // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2012. – № 1. – С. 65–68.

9. Обзор Линукс (Linux) – просто о сложном. – URL: <https://linux.ru/info/obzoros-linux.html> (дата обращения: 20.03.2021).

10. Плешаков, В. А. «Форс-мажорная киберпедагогика», или Чрезвычайные условия образования эпохи COVID-19 / В. А. Плешаков, Т. В. Склярлова // Homo Cyberus : электронный научно-публицистический журнал. – 2020. – № 1 (8). – URL: http://journal.homo-cyberus.ru/Pleshakov_VA_Sklyarova_TV_1_2020 (дата обращения: 20.03.2021).

11. Социально-психологические особенности студентов, склонных к виктимному поведению в интернет-пространстве / А. Ф. Дроздикова-Зарипова, Н. Н. Калацкая, Р. А. Валеева, Н. Ю. Костюнина, Г. Ф. Биктагирова // Современные наукоемкие технологии. – 2019. – № 12-1. – С. 159–166.

12. Microsoft: в 2019 году 79% россиян стали жертвами угроз в интернете. – URL: <https://takiedela.ru/news/2020/02/11/ugrozy-v-internete-2019/> (дата обращения: 17.01.2021).

References

1. *Actual cyber threats: results of 2019*. Available at: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2019/> (accessed 18 January 2021).

2. Andronnikova O. O. Modeli deviktimizatsii cheloveka s rolevoi pozitsiei zhertvy v sotsiokul'turnom prostranstve [Models of human devictimization with the role position of the victim in the socio-cultural space]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2015, no. 1–2, pp. 216.

3. Akhmedshin R. L. *Yuridicheskaya psikhologiya: kurs lektsii* [Legal psychology: a course of lectures]. Tomsk: El Content Publ., 2011. 226 p.

4. Voronin Yu. A., Mayorov A. V. Viktimnaya bezopasnost': terminologicheskaya interpretatsiya [Victim security: terminological interpretation]. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*, 2014, no. 1 (27), pp. 43–48.

5. Gerasyukova M. Trebovala vykup, plevala kipyatkom: ekspert vzlomal kofemashinu [She demanded a ransom, spat boiling water: an expert broke into a coffee machine]. *Novaya Gazeta*. Available at: https://www.gazeta.ru/tech/2020/09/28/13271413/hack_coffee_machine.shtml (accessed 22 February 2021).

6. Frolova E. V., Medvedeva N. V., Senicheva L. V., Bondaletov. V. V. *Zashhishhennost' grazhdan ot prestupnyh posjagatel'stv v sovremennoj Rossii: osnovnye tendencii i determinanty* [Protection of citizens from criminal encroachments in modern Russia: main trends and determinants]. *Kriminologicheskii zhurnal Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*, 2015, vol. 9, no. 3, pp. 525–537. DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(3).525–537.

7. *How to pay for one client 3 times and not even know about it: Practical case "Audiomania"*. Available at: <https://habr.com/ru/company/audiomania/blog/370097/> (accessed 11 March 2021). (In Russian).

8. Komarov A. A. *Issledovanie viktimologicheskikh riskov internet-moshennichestva v zavisimosti ot vozrasta pol'zovatelej Global'noj seti* [Research of victimological risks of Internet fraud depending on the age of users of the Global Network]. *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta jekonomiki i prava*, 2012, no. 1, pp. 65–68.

9 *Linux Review – just about the complex*. Available at: <https://linux.ru/info/obzor-os-linux.html> (accessed 20.03.2021). (In Russian).

10. Pleshakov V. A., Slyarova T. V. «Fors-mazhornaja kiberpedagogika», ili Chrezvychajnye uslovija obrazovanija jepohi COVID-19 ["Force majeure cyber pedagogy", or Extraordinary conditions for the formation of the era of COVID-19]. *Homo Cyberus*, 2020, no. 1 (8). Available at: http://journal.homocyberus.ru/Pleshakov_VA_Sklyarova_TV_1_2020 (accessed 20.03.2021).

11. Drozdikova-Zaripova A. F., Kalatskaya N. N., Valeeva R. A., Kostyunina N. Yu., Biktagirova G. F. *Social'no-psihologicheskie osobennosti studentov, sklonnyh k viktimnomu povedeniju v internet-prostranstve* [Socio-psychological characteristics of students prone to victim behavior in the Internet space]. *Sovremennye naukoemkie tehnologii*, 2019, no. 12-1, pp. 159–166.

12. *Microsoft: in 2019, 79% of Russians fell victim to online threats*. Available at: <https://takiedela.ru/news/2020/02/11/ugrozy-v-internete-2019/> (accessed 17 January 2021).

УДК 341.48:343.533.6

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/123-138>

А. В. Даниловская¹. Хабаровский государственный университет экономики и права, г. Хабаровск, Россия

E-mail: d_a_v@list.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ КОНКУРЕНЦИИ

Аннотация. Вопросы охраны конкуренции и борьбы с наиболее распространёнными и опасными правонарушениями, совершаемыми против неё и в её сфере, широко обсуждаются мировым сообществом на площадках таких международных организаций, как ООН, ВТО, ЕАЭС, БРИКС. Однако каких-либо специальных международных конвенций, направленных непосредственно на защиту конкуренции, объединяющих на этой основе государства, являясь для них обязательными, в мире не существует. В то же время, в мире действует ряд международных актов, которые устанавливают ориентиры политики защиты конкуренции. Отдельные их положения, касающиеся вопросов уголовной ответственности за недобросовестную конкуренцию, определяют как её основания, так и санкции. Международное право устанавливает требования особой защиты от недобросовестной конкуренции с нарушением прав на объекты интеллектуальной собственности. При этом уголовная ответственность за антиконкурентные соглашения и иные виды антиконкурентной практики имеет исключительно рекомендательный для стран характер. Помимо традиционных антиконкурентных нарушений, ряд международных организаций указывает и на опасность сговоров на торгах и неисполнения требований антимонопольных органов, а также препятствования их деятельности. В числе рекомендуемых санкций – как за случаи грубого и намеренного серьёзного нарушения закона, так и за неисполнение правоприменительного постановления не только штраф, но и лишение свободы для физических лиц. В связи с особенностями внутригосударственных законов, приоритетом защиты национальных интересов, на практике возникает множество проблем во взаимодействии государств при рассле-

---

¹ Анна Владимировна Даниловская, кандидат юридических наук, доцент юридического факультета Хабаровского государственного университета экономики и права, г. Хабаровск, докторант Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Даниловская А. В. Международные основы уголовно-правовой охраны конкуренции // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 2. С. 123–138. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/123-138>.

довании антиконкурентных нарушений, в том числе влекущих уголовную ответственность, в частности, картелей. Однако, несмотря на это, страны демонстрируют намерение достичь консенсуса по наиболее сложным вопросам взаимодействия, а уже выработанные международными организациями предложения способствуют формированию внутригосударственных принципов защиты конкуренции, включая её уголовно-правовые аспекты.

Ключевые слова: международные конвенции, картель, сговор на торгах, антиконкурентные практики, злоупотребление доминирующим положением, недобросовестная конкуренция, уголовная ответственность, уголовно-правовая охрана конкуренции, ВТО, ООН, ОЭСР, СНГ, ЕАЭС, БРИКС.

A. V. Danilovskaia¹, Khabarovsk State University of Economics and Law,
Khabarovsk, Russia
E-mail: d_a_v@list.ru

INTERNATIONAL FOUNDATIONS OF THE CRIMINAL LAW PROTECTION OF COMPETITION

Abstract. The issues of protecting competition and combating the most common and dangerous offenses committed against it and in its sphere are widely discussed by the world community at the sites of such international organizations as the UN, WTO, EAEU, BRICS. However, there are no special international conventions aimed directly at protecting competition that would unite the states on this basis, being binding on them. At the same time, there are a number of international acts in the world that establish guidelines for competition protection policy. Some of their provisions concerning the issues of criminal liability for unfair competition determine both its grounds and sanctions. International law establishes requirements for special protection in relation to unfair competition with violation of rights to intellectual property. At the same time, criminal liability for anticompetitive agreements and other types of anticompetitive practices is exclusively advisory for countries. In addition to traditional anti-competitive violations, a number of international organizations also point to the danger of collusion in tenders and non-compliance with the requirements of antimonopoly authorities, as well as obstruction of their activities. Among the recommended sanctions, both for cases of gross and intentional serious violation of the law, and for failure to comply with

---

¹ *Anna Vladimirovna Danilovskaya*, Candidate of Law, Associate professor of the Faculty of Law, Khabarovsk State University of Economics and Law, Khabarovsk, doctoral student at the Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Danilovskaya A. V. International foundations of the criminal law protection of competition // PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law. 2021. No 2. P. 123–138. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/123-138>.

law enforcement order, not only a fine, but also imprisonment for individuals is suggested. Due to the peculiarities of domestic laws, the priority of protecting national interests, in practice, many problems arise in the interaction of states in the investigation of anticompetitive violations, including those that entail criminal liability, in particular, cartels. However, despite this, the countries demonstrate their intention to reach a consensus on the most complex issues of interaction, and the proposals already developed by international organizations contribute to the formation of domestic principles for the protection of competition, including its legal aspects.

Keywords: international conventions, cartel, bid rigging, anticompetitive practices, abuse of dominant position, unfair competition, criminal liability, criminal protection of competition, WTO, UN, ICN, OECD, CIS, EAEU, BRICS.

Международные акты, являясь в силу Конституции РФ составной частью правовой системы Российской Федерации, способны оказать существенное влияние на развитие внутригосударственных основ охраны конкуренции, включая их уголовно-правовые аспекты. Первым таким документом следует признать Парижскую конвенцию по охране промышленной собственности 1883 г., которая содержит общий запрет на недобросовестную конкуренцию и предусматривает не только её понятие и отдельные формы, но также обязывает страны-участницы конвенции обеспечить эффективную защиту от неё (ст. 10-bis).

Самые распространенные формы недобросовестной конкуренции связаны с неправомерным использованием объектов интеллектуальной собственности. Их международно-правовая защита основана на многочисленных международных конвенциях, но именно правовые акты ВТО призваны обеспечить их соблюдение и защиту при использовании объектов интеллектуальной собственности в сфере торговли и производстве. Большинство соглашений ВТО были приняты в результате переговоров Уругвайского раунда в период 1986–1994 г. В их числе Соглашение по торговле услугами (ГАТС) и Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), подписанные 15.04.1994 г.

Соглашение ТРИПС содержит достаточно определённые уголовно-правовые механизмы защиты интеллектуальных прав в международной торговле. В частности, согласно ст. 61 в странах-участницах конвенции уголовно-правовые меры должны применяться при умышленном подделывании товарных знаков, пиратстве в сфере авторского права в коммерческих масштабах, а также в иных случаях, если деяние совершено преднамеренно и в коммерческих масштабах. При этом в качестве средств правовой защиты участники конвенции должны предусматривать тюремное заключение и / или денежные штрафы, достаточные для обеспечения сдерживания в соответствии с уровнем наказаний, применяемых за

преступления соответствующей тяжести, а также арест, конфискацию и уничтожение контрафактных товаров и любых материалов.

Вопросам политики защиты конкуренции, а также её влияния на международную торговлю посвящены п. 23–25 Декларации министров, принятой ВТО 14.11.2001 г. в г. Доха. В частности, стороны договорились о разработке положений о жёстких картелях. Однако специального документа о защите конкуренции в рамках ВТО пока не принято, хотя отдельные правила о конкуренции и внедряются в значимые международные акты ВТО, начиная еще с 1946 г. [1, с. 371–372].

Предпринимаются попытки решить проблемы охраны конкуренции на основе унифицированных правил и в рамках ООН. Так, в 1980 г. Конференцией ООН по ограничительной деловой практике, действующей под эгидой Конференции ООН по торговле и развитию – ЮНКТАД, принята резолюция, утвердившая Комплекс многосторонних согласованных принципов справедливости и Правила контроля ограничительной деловой практики (далее – Резолюция, Перечень правил ООН по вопросам конкуренции). Данным документом введено понятие ограничительной деловой практики, которой признано поведение предприятия, во-первых, представляющее собой злоупотребление доминирующим положением, ограничивающее доступ к рынкам или иным образом излишне сдерживающее конкуренцию, имеющее или способное оказать неблагоприятное воздействие на международную торговлю, и, во-вторых, посредством формальных, неформальных, письменных или устных соглашений имеющее аналогичное влияние. Закреплённые в Резолюции виды противоправных актов поведения нашли своё отражение в Типовом законе о конкуренции 2000 г. Основными среди них являются:

1. Ограничительные соглашения или договорённости между конкурирующими фирмами независимо от того, являются ли такие соглашения письменными или устными, официальными или неофициальными, если они представляют собой:

1) соглашения, устанавливающие цены или иные условия продажи, в том числе в международной торговле;

2) участие в торгах по тайному сговору;

3) соглашения о разделе рынков или покупателей;

4) ограничение производства или продажи, в том числе путем установления квот;

5) сговор об отказе от осуществления закупок;

6) сговор об отказе от осуществления поставок;

7) коллективный отказ в присоединении к договоренности или ассоциации, имеющей решающее значение для конкуренции.

2. Действия или поведение, представляющие собой злоупотребление доминирующим положением на рынке, в случаях:

1) когда предприятие, действуя либо самостоятельно, либо совместно с несколькими другими предприятиями, обладает возможностью контролировать соответствующий рынок конкретного товара;

2) когда такие действия или поведение доминирующего предприятия ограничивают доступ к соответствующему рынку или иным образом неправомерно сдерживают конкуренцию, что оказывает или может оказать отрицательное влияние на торговлю или экономическое развитие.

Перечень правил ООН по вопросам конкуренции предусматривает основания для введения санкций и применения средств правовой защиты, среди них таковыми являются:

- 1) нарушения положений закона;
- 2) невыполнение решений или постановлений административного (антимонопольного) органа или соответствующего судебного органа;
- 3) непредоставление требуемой информации или документации в пределах установленного срока;
- 4) предоставление информации или выступление с заявлениями, которые являются ложными или вводящими в заблуждение.

Одним из видов санкций, рекомендованных для реагирования на случаи грубого и намеренного серьезного нарушения закона или правоприменительного постановления физическим лицом, названо лишение свободы.

Таким образом, принятая в 1980 г. Резолюция о Перечне правил ООН по вопросам конкуренции, будучи единственным универсальным международным актом в сфере политики защиты конкуренции, определяет общие критерии охранительных мер и призвана обеспечить взаимодействие между антимонопольными и иными органами всех стран-участниц ООН в сфере реализации международных правил конкуренции и её охраны. Однако она оказалась невоспринятой многими странами из-за попыток придать данному документу обязательный характер. Несмотря на это работа по принятию международного соглашения о конкуренции предпринимается теперь в рамках ВТО, что, однако, также вызывает возражения со стороны её отдельных членов [2].

Другой основой для формирования как международной, так и внутригосударственной политики защиты конкуренции является Организация экономического сотрудничества и развития – ОЭСР. Несмотря на то, что Россия не является её членом, она активно взаимодействует с этой международной организацией. ОЭСР рассматривает самые разные вопросы, связанные с охраной конкуренции, исследуя, в частности, возможности применения правовых средств защиты конкуренции на основе принципов международного права, но с учётом особенностей национальных законодательств и юрисдикций. В рамках ОЭСР приняты рекомендательные акты, ориентированные на оказание помощи странам в противодействии картелям, сговорам на торгах, злоупотреблению доминирующим положением, коррупции. Особое внимание организация уделяет опасности жёстких картелей. По этому поводу в 1998 г. приняты Рекомендации, адресованные членам ОЭСР, направленные на эф-

эффективное и рациональное противодействие картелям, включая жёсткие запреты, санкции не только за участие в картелях, но и за противодействие антимонопольным органам в их расследованиях в форме непредоставления требуемой информации. Приводится в Рекомендациях и довольно широкое понятие жёсткого картеля, к которым отнесены не только антиконкурентные соглашения, но и согласованная антиконкурентная практика.

Согласно Докладу о практике применения странами ОЭСР указанных Рекомендаций [3] политика введения высоких штрафов за картель является неотъемлемой частью успешной антикартельной программы, многие страны предусматривают их в своём законодательстве. Но всё же эти меры не являются достаточными для эффективного противодействия картелям. Поэтому странам рекомендовано устанавливать уголовную ответственность физических лиц за участие в картелях, проводить соответствующую работу среди правоприменителей, убеждая их в необходимости применения уголовно-правовых санкций в борьбе с картелями, налаживать взаимодействие между антимонопольными и правоохранительными органами. Помимо этого в Докладе указано на необходимость совершенствовать программы смягчения ответственности за картель, используя наилучшие практики [3, с. 39–40].

Учитывая распространённость сговоров на торгах и их опасность для экономик, в 2009 г., а затем в 2012 г. ОЭСР разработала Руководство по борьбе с фальсификациями заявок в сфере государственных закупок, призывая страны пересмотреть внутреннее законодательство, регулирующее закупки, а также правоприменение в этой сфере, с целью уменьшения рисков возникновения сговоров.

Однако следует отметить, что риторика ОЭСР относительно уголовной ответственности за картели меняется. В связи с проблемой доказывания картелей в уголовном процессе, а также некоторыми иными факторами, в т.ч. социального, этического характера, в ОЭСР признаётся недоказанность эффективности и целесообразности уголовной репрессии за картели, за исключением примера США. При этом в качестве причин декриминализации картелей в отдельных странах называются отсутствие знаний о законодательстве, предусматривающем уголовную ответственность за картели, более высокие стандарты доказывания в уголовном процессе, чем в гражданском, исключительный характер уголовной ответственности как меры за опасные преступления, к которым картель не относится, отсутствие вклада в общественное благосостояние со стороны осуждённых лиц и др. [4].

Важное прикладное значение имеет деятельность другого международного объединения – Международной конкурентной сети, члены которой являются представителями национальных антимонопольных органов. МКС занимается исключительно вопросами обеспечения соблюдения законов конкуренции, не руководствуясь при этом каким-либо правилами и не принимая обязательных или рекомендательных актов. Применять или не применять разработанные рабочими группами

МКС руководства или лучшие практики в той или сфере конкуренции является внутренним и добровольным делом национальных антимонопольных органов [5].

Не существует правил международного характера, направленных на защиту конкуренции, и в БРИКС. Тем не менее, признавая значимость конкуренции и необходимость решения проблем в её сфере, странами-участницами этой международной организации принимаются различного рода документы, проводятся мероприятия, направленные на сотрудничество по вопросам конкурентной политики. Таковыми являются, например, Стратегия экономического партнёрства БРИКС 2015 г. (п. II.1), Совместное заявление руководителей конкурентных ведомств стран БРИКС 2015 г., Уфимская декларация (п. 25). С 2009 г. странами БРИКС регулярно проводятся Конференции по конкуренции под эгидой БРИКС, на которых обсуждаются вопросы политики защиты конкуренции и правоприменения в этой сфере, вырабатываются согласованные подходы к их решению.

Большое значение для развития внутренней политики защиты конкуренции в целом и уголовно-правовых норм за нарушение национального законодательства о защите конкуренции в частности имели и имеют международные соглашения, заключенные в рамках СНГ. Начало сотрудничеству в этой сфере было положено подписанием 12.03.1993 г. «Соглашения о согласовании антимонопольной политики», а затем сменившим его в 2000 г. «Договором о проведении согласованной антимонопольной политики». Указанные документы хотя и предусматривали некоторые материально-правовые нормы, но в основном были направлены на обозначение общих аспектов взаимодействия государств-участниц СНГ по вопросам совместной антимонопольной политики. Более детальное содержание антимонопольной политики стран СНГ было отражено в других документах – Рекомендательном законодательном акте «О защите экономической конкуренции», принятом Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ 17.02.1996 г., и схожем по структуре и содержанию с российским ФЗ от 26.07.2006 г. «О защите конкуренции» Модельном законе «О конкуренции», Утверждённом Решением Высшего Евразийского экономического совета от 24 октября 2013 г. Законодательным актом о защите экономической конкуренции странам СНГ (далее – Закон) было рекомендовано предусмотреть в своих национальных законах уголовную ответственность для должностных лиц органов исполнительной власти и местного самоуправления или хозяйствующих субъектов за ряд нарушений требований антимонопольного законодательства. В частности, основаниями уголовной ответственности предлагалось признать неоднократное совершение следующих действий: 1) осуществление регистрации хозяйствующих субъектов или их объединений без согласия органа по защите конкуренции при осуществлении им функций государственного контроля за созданием, реорганизацией, ликвидацией хозяйствующих субъектов и их объединений, а также непредоставление в срок по требованию органа по защите конку-

ренции документов либо иной информации, необходимой для осуществления его деятельности в случаях, предусмотренных данным Законом (п. 3 ст. 20 Закона); 2) непредоставление органу по защите конкуренции ходатайств и заявлений, необходимых для осуществления им функций государственного контроля за созданием, реорганизацией, ликвидацией хозяйствующих субъектов и их объединений, а также для осуществления контроля за экономической концентрацией (п. 4 ст. 20 Закона).

Одновременно с указанным законодательным актом был принят Модельный Уголовный кодекс для стран-участниц СНГ, который содержит ряд уголовно-правовых норм, предусматривающих традиционные составы преступлений, совершаемых против добросовестной конкуренции. В частности, речь идет о ст. ст. 265 «Монополистические действия и ограничение конкуренции», 266 «Злостное нарушение порядка проведения публичных торгов или аукционов», 267 «Незаконное использование товарного знака», 268 «Заведомо ложная реклама», 269 «Незаконное получение информации, составляющей коммерческую или банковскую тайну», 270 «Разглашение коммерческой или банковской тайны», 254 «Воспрепятствование законной предпринимательской деятельности», ст. 161 «Нарушение авторских, смежных права и прав патентообладателей».

Следующим уровнем развития международных основ защиты конкуренции на территории бывшего СССР стал Таможенный союз, а затем – Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Первоначально одной из правовых основ Единого экономического пространства, определяющего правила для конкуренции, стало Соглашение о принципах и правилах конкуренции 2010 г., позднее – отдельный раздел XVIII Договора о Евразийском экономическом союзе, подписанного в 2014 г. Следует отметить, что содержание договорно-правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства было оптимизировано и приведено в соответствие с правилами ВТО [6].

Принцип эффективности санкций за совершение антиконкурентных действий, предусмотренный Соглашением о принципах и правилах конкуренции, ориентировал участников данного договора предусмотреть в своём законодательстве санкции в отношении как хозяйствующих субъектов, так и должностных лиц органов власти. При этом самые высокие размеры штрафов предполагались за нарушения, предусматривающие наибольшую угрозу для конкуренции. К последним, в частности, были отнесены антиконкурентные соглашения и злоупотребление доминирующим положением.

Об уголовной ответственности за антиконкурентные нарушения в рамках Единого экономического пространства впервые было сказано в проекте Модельного закона «О конкуренции» для стран Единого экономического пространства. В нём наряду с аналогичной нормой о штрафных санкциях Соглашения о принципах и правилах конкуренции содержалось общее установление возможности закрепления

законодательством государств за нарушение законодательства о конкуренции помимо административной также и уголовной ответственности для физических и должностных лиц. Однако в дальнейшем это положение было изменено, и уже в окончательном тексте Модельного закона «О конкуренции» предусматривались подробные основания уголовной ответственности. К ним, в частности, отнесены:

1) заключение хозяйствующими субъектами, являющимися конкурентами, ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля), а равно участие в таком соглашении,

2) неоднократное злоупотребление доминирующим положением, выразившееся в установлении и (или) поддержании монопольно высокой или монопольно низкой цены товара, необоснованном отказе или уклонении от заключения договора, ограничении доступа на рынок.

Договор о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор) также предусматривает правила для конкуренции хозяйствующих субъектов и ее защиты. Особо в нем оговариваются запреты на соглашения между органами государственной власти, органами местного самоуправления, иными осуществляющими их функции органами или организациями или между ними и хозяйствующими субъектами, если такие соглашения приводят или могут привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции, за исключением случаев, предусмотренных Договором и (или) другими международными договорами государств-членов, а также запреты на предоставление государственных или муниципальных преференций, за исключением случаев, предусмотренных в законодательстве государств-членов и с учётом особенностей, предусмотренных Договором и (или) другими международными договорами государств-членов.

В Приложении 19 к Договору содержатся основания ответственности и размеры штрафов, налагаемых Евразийской экономической комиссией. Так, штрафами облагается следующее поведение хозяйствующих субъектов:

- 1) недобросовестная конкуренция,
- 2) заключение недопустимого антиконкурентного соглашения и участие в нём,
- 3) злоупотребление доминирующим положением,
- 4) координация экономической деятельности,
- 5) непредоставление, несвоевременное предоставление сведений в Евразийскую экономическую комиссию либо предоставление заведомо недостоверных сведений.

В Договоре повторяется правило о наиболее жёстких мерах ответственности за антиконкурентные соглашения и злоупотребление доминирующим положением. Следует отметить, что при этом, в отличие от предыдущих документов, в которых рассматриваемое правило касалось только картелей, в Договоре речь идёт в целом о соглашениях, ограничивающих конкуренцию.

Согласно разделу IV Приложения 19, размеры штрафных санкций за недопустимые антиконкурентные соглашения и злоупотребление доминирующим положением, во-первых, исчисляются по единым правилам, во-вторых, имеют одинаковые размеры. То есть правовыми актами ЕАЭС признан одинаково опасный для конкуренции характер как недопустимых соглашений, так и злоупотреблений доминирующим положением. Такую ситуацию следует признать логичной, т.к. по своей сути антиконкурентное соглашение хозяйствующих субъектов – это форма запрещённой формы доминирования на рынке, характеризующаяся множественностью участников. Из данного вывода следует, что виды и меры ответственности, установленные внутренним законодательством за одинаково общественно опасные виды деяний, не должны быть принципиально разными.

Международные акты, принятые в рамках СНГ и ЕАЭС, имеют региональный характер и предопределены одинаковыми историческими и экономическими аспектами развития стран – их участниц, вследствие чего наблюдаются не только единообразие формирования современной системы права, но и общность подходов к определению направлений антимонопольной политики, а также стремление стран к объединению усилий по их реализации. Таким образом, наличие общих интересов, исходящих из исторически сложившихся предпосылок, может лечь в основу развития эффективных международно-правовых основ противодействия посягательствам на конкуренцию.

В научной литературе отмечается важность общности интересов, являющейся одним из главных факторов международного сотрудничества как по вопросам антимонопольной политики [7, с. 14], так и уголовного права [8, с. 13]. Именно этот принцип лежит в основе образования различного рода международных, межправительственных и межведомственных контактов.

Из анализа теории и практики международного взаимодействия по вопросам защиты конкуренции следует, что оно проявляется на двух уровнях – 1) в рамках соответствующих организаций универсального и специального характера деятельности и 2) в двусторонних – межправительственных и межведомственных – соглашениях государств. Принцип общности интересов имеет место на любом из указанных уровней, но представляется, что наиболее эффективным он может быть при реализации двусторонних соглашений межправительственного характера.

Другим важнейшим принципом взаимодействия антимонопольных и правоохранительных органов разных стран является так называемый принцип вежливости, проявляющийся через ограничение экстерриториальности действия национального антимонопольного закона и не всегда соблюдаемый странами при расследовании международных картелей. Так, на практике имеют место случаи, когда антимонопольный режим одной страны не учитывает национальные особенности антимонопольного законодательства и экономического развития другой страны и

применяет свои правила в отношении сделок, заключённых за её пределами и не оказывающих какого-либо влияния на её рынок [9, 10]. Такого рода ситуации порождают вмешательство в суверенитет другого государства и, как следствие, конфликт и излишнюю напряженность межгосударственных отношений.

Между тем на 2020 г. Федеральная Антимонопольная Служба (ФАС) России подписала 24 меморандума о взаимопонимании или о сотрудничестве в сфере конкурентной (антимонопольной) политики, 14 соглашений о сотрудничестве в указанной сфере [11]. Однако проведённое интервьюирование представителей ФАС показало, что на практике достичь взаимопонимания по вопросам защиты конкуренции бывает непросто или невозможно, во-первых, из-за отсутствия универсального подхода к запретам тех или иных нарушений антимонопольного законодательства, в основном, в отношении понятия «картель», которое неодинаково трактуется в разных странах, являясь при этом основным нарушением международного характера, требующего взаимодействия, как минимум, двух стран; во-вторых, в связи с особенностью субъекта – участника международного картеля, которым нередко являются хозяйствующие субъекты, имеющие большое экономическое, порой стратегическое значение для государств, в которых они были учреждены, и привлечение которых к ответственности другой страной, в силу этого обстоятельства, исключено. Такие ситуации ведут к тому, что договоренности исполняются весьма поверхностно, ограничиваясь проведением совместных встреч, конференций, или не реализуются вовсе.

Двусторонние соглашения о сотрудничестве в области обеспечения соблюдения законодательства о конкуренции пока остаются наиболее распространённой формой межгосударственного взаимодействия. Основное в таких договорах – обмен информацией, что, однако, не может в полной мере удовлетворить потребности антимонопольных и правоохранительных органов в расследовании соответствующих дел [12, с. 52–56].

Для решения указанных проблем ФАС России разработала текст Конвенции по борьбе картелями, сферой применения которой рассматриваются рамки ЕАЭС – именно здесь ожидается наибольший эффект от взаимодействия [13, с. 38–41]. Между тем международный акт универсального характера действия мог бы охватить собой гораздо большее количество участников, находящихся на разных этапах экономического развития, устранив имеющиеся проблемы с расследованием соответствующих дел, в то время как от сложившейся практики страдают развивающиеся страны – лишь немногим из них удастся активно бороться с международными картелями [14].

Выявленная асимметрия вызвана целым рядом причин, которые связаны с отсутствием полноценного взаимодействия между странами при выявлении международного картеля [15]. Так, публичные сообщения органов развитых стран о рас-

следовании ими международных картелей могут не содержать значимой для других стран информации, в силу чего последние вынуждены самостоятельно проводить расследования на предмет установления влияния международного картеля на их рынки. Помимо этого, у стран возникают и другие проблемы, которые в отсутствие универсальных правил взаимодействия существенно затрудняют им весь процесс расследования. Отчасти проблема связана с особенностями внутреннего законодательства, не предусматривающего основы взаимодействия не только с иностранными органами при выявлении и расследовании дел о картелях, но и между национальными антимонопольными и правоохранительными органами. Так, даже в рамках ЕАЭС такие правила предусмотрены лишь законами Республики Беларусь (ст.17 Закона от 12.12.2013 г. № 94-ФЗ «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции») и Казахстана (ст. 90-5 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан от 29.10.2015 г. №375-V ЗРК). Помимо этого национальные законы могут содержать ограничения применения правил взаимодействия или такие его положения, которые станут обязательными для другой страны. Например, согласно Закону США о международном антитрестовском правоприменении 1994 г. помощь иностранному государству может быть оказана лишь при условии, что иностранный антимонопольный закон, применяемый иностранным антимонопольным органом, является уголовным [16].

В отсутствие специальных международных актов по борьбе с противодействиями конкуренции рассматривался вопрос о возможности применения к делам, возбужденным по признакам картеля с участием иностранных хозяйствующих субъектов, международных конвенций по борьбе с трансграничными правонарушениями, в частности, Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 12.12.2000 г. Но применение к криминальным международным картелям указанного документа оказалось затруднительным в связи с различием тех или иных аспектов внутренней уголовной и конкурентной политики в сфере охраны конкуренции, а также наличием национальных стратегических интересов государства, связанных с деятельностью хозяйствующего субъекта-нарушителя. Практически нерешаемая проблема возникает при разной оценке картелей внутренним законодательством стран – слишком узкому понятию картеля в одной стране противостоит широкое в другой; отсутствие в стране уголовной ответственности за картель делает невозможным применение указанной конвенции к случаю участия в международном картеле хозяйствующего субъекта этой страны.

Тем не менее существует положительный опыт противодействия тем или иным преступлениям в сфере экономической деятельности [17, с. 20], в том числе свидетельствующий о том, что ради общей цели пресечения противоправных, общественно-опасных деяний государства способны достичь консенсуса по многим спорным моментам соглашения.

Таким образом, международные основы противодействия недобросовестной конкуренции представляют устоявшиеся и признанные государствами правила, включая уголовно-правовые, в то время как антимонопольное законодательство и его применение остаются довольно сложной темой для обсуждения на международном уровне, несмотря на внешне активные процессы, направленные на их форсирование. Попытки вывести на аналогичный уровень взаимодействие государств в связи с расследованием картелей пока ограничиваются межведомственными и межправительственными соглашениями об обмене информацией, хотя много внимания уделяется и работе над универсальными критериями защиты конкуренции, включая её уголовно-правовые аспекты. Представляется, что в основе достижения договоренности о едином понимании картеля, принципах взаимодействия между странами в лице антимонопольных и правоохранительных органов, исключающих влияние законодательства одной страны на правопорядок другой страны, а также беспрепятственный обмен информацией, должны быть общность интересов и действительная воля всех участников данного процесса.

Список литературы

1. Русин, К. ВТО как координатор в противодействии недобросовестной межстрановой конкуренции // *Экономические науки*. – 2009. – № 8 (57). – С. 368–372.
2. Переориентация глобальной торговли на благо людей. Перевод на русский язык Центра «Эко-Согласие» // *Глобализация, ВТО и ННГ: расширение диалога для устойчивого развития*. – URL: <http://trade.ecoaccord.org/mgt/> (дата обращения: 02.08.2020).
3. Hard Core Cartels: Third report on the implementation of the 1998 Council Recommendation 2005 // *ОЭСР : офиц. сайт*. – Р. 39–40. – URL: <http://www.oecd.org/daf/competition/cartels/35863307.pdf> (дата обращения: 7.08.2020).
4. Global Forum on Competition: sanctions in antitrust cases. DAF/COMP/GF (2016)6. Р. 31–32 // *ОЭСР : офиц. сайт*. – URL: [https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/GF\(2016\)6/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/GF(2016)6/en/pdf) (дата обращения: 7.08.2020).
5. What is the ICN? // *ICN*. – URL: <https://www.internationalcompetitionnetwork.org/about/> (дата обращения: 8.08.2020).
6. Конкурентное право в Евразийском экономическом союзе : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / под общ. ред. М. А. Кусаинова, А. М. Джумабаевой, А. Г. Сушкевича, В. В. Савченко. – Москва, 2018. – 256 с.
7. Рокоссовская, В. В. Развитие международно-правового сотрудничества в области конкуренции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Рокоссовская. – Москва, 2004. – 17 с.
8. Спиридонов, А. П. Уголовное право Российской Федерации и правовая глобализация: влияние и соотношение : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. П. Спиридонов. – Санкт-Петербург, 2006. – 48 с.

9. Zelger, B. EU Competition law and extraterritorial jurisdiction – a critical analysis of the ECJ's judgement in Intel // *European Competition Journal*. – URL: <https://doi.org/10.1080/17441056.2020.1840844> (дата обращения: 01.11.2020).

10. Choi, J. H., Park J. Y., Lee C. Cartels 2019: South Korea. *Global Practice Guides* // J. H. Choi, J. Y. Park, C. Lee. – URL: <https://practiceguides.chambers.com/practice-guides/comparison/414/2796-2852/5677-5685-5686-5687-5688-5689> (дата обращения: 25.12.2020).

11. Соглашения о сотрудничестве: перечень документов // ФАС России : офиц. сайт. – URL: fas.gov.ru (дата обращения: 29.07.2020).

12. Кониева Ф. И. Практика расследования международных картелей: проблемы и пути решения // *Российское конкурентное право и экономика*. – 2017. – № 1 (9). – С. 52–56.

13. Максимов, С. В. О перспективах принятия Конвенции Евразийского Экономического Союза о борьбе с картелями // *Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА)*. – 2017. – № 9. – С. 38–41.

14. Трансграничная антиконкурентная практика: проблемы развивающихся стран и стран с переходной экономикой : записка секретариата ЮНКТАД от 12.04.2012 г. – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ciclpd16_ru.pdf (дата обращения: 04.10.2020).

15. Международное сотрудничество в соответствии с разделом F Комплекса согласованных на многосторонней основе справедливых принципов и правил для контроля за ограничительной деловой практикой: принятие руководящих принципов и процедур : записка секретариата ЮНКТАД, подготовленная в рамках Восьмой Конференция ООН по рассмотрению всех аспектов Комплекса согласованных на многосторонней основе справедливых принципов и правил для контроля за ограничительной деловой практикой, проведенной в Женеве 19–23 октября 2020 г. – URL: https://unctad.org/system/files/officialdocument/tdrbpconf5d1_ru.pdf (дата обращения: 04.10.2020).

16. International antitrust enforcement assistance // US Department of Justice : offic. site. – URL: <https://uscode.house.gov/view.xhtml?req=granuleid%3AUSC-prelim-title15-chapter88&edition=prelim> (дата обращения: 10.10.2020).

17. Тенишев, А. П. Правовые инструментари для противодействия международным картелям / А. П. Тенишев, М. А. Хамуков // *Российское конкурентное право и экономика*. – 2016. – № 2 (6). – С. 18–21.

References

1. Rusin K. WTO kak koordinator v protivodeistvii nedobrosovestnoi mezhstranovoi konkurentsii [WTO as a coordinator in countering unfair intercountry competition]. *Ekonomicheskie nauki*, 2009 no. 8 (57), pp. 371–372.

2. Reorienting global trade for the benefit of people. Translation into Russian by the Eco-Accord Center. *Globalization, WTO and NIS: Expanding Dialogue for Sustainable Development*. Available at: <http://trade.ecoaccord.org/mgt/> (accessed 02 August 2020). (In Russian).

3. Hard Core Cartels: Third report on the implementation of the 1998 Council Recommendation 2005. *OECD website*. Available at: <http://www.oecd.org/daf/competition/cartels/35863307.pdf> (accessed 07 August 2020).

4. Global Forum on Competition: sanctions in antitrust cases. DAF/COMP/GF (2016) 6. *OECD website*. Available at: [https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/GF\(2016\)6/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/GF(2016)6/en/pdf) (accessed 07 August 2020).

5. What is the ICN? *Website of the International Competition Network (ICN)*. Available at: <https://www.internationalcompetitionnetwork.org/about/> (accessed 08 August 2020).

6. Kusainov M. A., Dzhumabaev A. M., Sushkevich A. G., Savchenko V. V. (general eds.). *Konkurentnoe pravo v Evraziiskom ekonomicheskom soyuze : uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii* [Competition law in the Eurasian Economic Union: a textbook for students of higher educational institutions]. Moscow, 2018. 256 p.

7. Rokossovskaya V. V. *Razvitie mezhdunarodno-pravovogo sotrudnichestva v oblasti konkurentsii* [International legal cooperation in the field of competition]. Cand. Dis. (Legal. Sci). Synopsis. Moscow, 2004. 17 p.

8. Spiridonov A. P. *Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii i pravovaya globalizatsiya: vliyanie i sootnoshenie* [Criminal law of the Russian Federation and legal globalization: influence and correlation]. St. Petersburg, 2006. 48 p.

9. Zelger B. EU Competition law and extraterritorial jurisdiction – a critical analysis of the ECJ's judgment in Intel. *European Competition Journal*. Available at: <https://doi.org/10.1080/17441056.2020.1840844> (accessed 01 November 2020).

10. Choi J. H., Park J. Y., Lee C. *Cartels 2019: South Korea. Global Practice Guides*. Available at: <https://practiceguides.chambers.com/practiceguides/comparison/414/2796-2852/5677-5685-5686-5687-5688-5689> (accessed 25 December 2020).

11. Cooperation agreements: list of documents. *FAS Russia*. Available at: fas.gov.ru (accessed 29 July 2020). (In Russian).

12. Konieva F. I. *Praktika rassledovaniya mezhdunarodnykh kartelei: problemy i puti resheniya* [Practice of investigation of international cartels: problems and solutions]. *Rossiiskoe konkurentnoe pravo i ekonomika*, 2017, no. 1 (9), pp. 52–56.

13. Maksimov S. V. *O perspektivakh prinyatiya Konventsii Evraziiskogo Ekonomicheskogo Soyuzo o bor'be s kartelyami* [On the prospects for the adoption of the Convention of the Eurasian Economic Union on the fight against cartels]. *Vestnik Universiteta im. O. E. Kutafina (MGYuA)*, 2017, no. 9, pp. 38–41.

14. *Cross-border anti-competitive practices: problems of developing countries and countries with economies in transition: note by the UNCTAD secretariat dated*

12.04.2012. Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/ciclp_d16_ru.pdf (accessed 04 October 2020). (In Russian).

15. *International cooperation in accordance with section F of the Multilaterally Agreed Equitable Principles and Rules for the Control of Restrictive Business Practices: Adoption of guidelines and procedures: note by the UNCTAD secretariat prepared in the framework of the Eighth United Nations Conference to Review All Aspects of the Multilaterally Agreed Set fair principles and rules for the control of restrictive business practices held in Geneva on 19–23.10.2020.* Available at: https://unctad.org/system/files/official-document/tdrbpconf5d1_ru.pdf (accessed 04 October 2020).

16. *International antitrust enforcement assistance. Official website of the US Department of Justice.* Available at: <https://uscode.house.gov/view.xhtml?req=granuleid%3AUSC-prelim-title15-chapter88&edition=prelim> (accessed 10 October 2020).

17. Tenishev A. P., Khamukov M. A. Pravovye instrumentarii dlya protivodeistviya mezhdunarodnym kartelyam [Legal instruments for counteracting international cartels]. *Rossiiskoe konkurentnoe pravo i ekonomika*, 2016, no. 2 (6), pp. 18–21.

УДК 343.77(470)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/133-148>

Ю. В. Надточий¹, Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия
E-mail: crimlaw@rambler.ru

М. Сиссоко², Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия
E-mail: sissoko.m@dvfu.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В представленной научной работе нашему пристальному вниманию подверглись преступления в сфере экологической безопасности, включённые законодателем в главу 26 Уголовного кодекса Российской Федерации «Экологические преступления». Нами проанализированы все изменения диспозиций норм рассматриваемой главы, внесённые законодателем с момента принятия действующего уголовного закона РФ по настоящее время и связанные с процессами криминализации и декриминализации. Проведённое исследование позволило наглядно продемонстрировать работу законодателя на протяжении всего периода действия УК РФ 1996 г., а именно, его представления о преступном и уголовно наказуемом в этой сфере на различных этапах развития общества, а также выявить основные тенденции уголовной политики в сфере экологической безопасности. Кроме того, проведённый анализ позволил сделать вывод о том, что на сегодняшний день в рассматриваемой сфере наблюдается значительный перевес криминализационных процессов над декриминализационными, законодатель, с одной стороны, пытается учесть различные обстоятельства, способствующие совершению экологических преступлений, добавляет новые конструктивные признаки, обладающие, по его мнению, достаточной общественной опасностью, исправляет ошибки, но делает это непо-

---

¹ Юлия Викторовна Надточий, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия.

² Муктар Сиссоко, аспирант кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия.

Для цитирования: Надточий Ю. В., Сиссоко М. Современные тенденции уголовно-правовой политики в сфере экологической безопасности: проблемы криминализации и декриминализации // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. №. 2. С. 133–148. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/133-148>.

следовательно, хаотично, бессистемно, в результате чего уголовно-правовая охрана окружающей среды оказывается малоэффективной.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, криминализация, декриминализация, экологическая безопасность, экологические преступления, охрана окружающей среды, природная среда, уголовный кодекс, изменения законодательства, преступность, наказуемость, общественная опасность.

Yu. V. Nadtochiy¹, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: crimlaw@rambler.ru

Muktar Sissoko², Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: sissoko.m@dvfu.ru

CURRENT TRENDS IN CRIMINAL LAW POLICY IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL SAFETY: PROBLEMS OF CRIMINALIZATION AND DECRIMINALIZATION

Abstract. In the presented scientific work, our close attention was paid to crimes in the field of environmental safety, included by the legislator into chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation "Environmental crimes". We have analyzed all the changes in the dispositions of the norms of the chapter under consideration, introduced by the legislator since the adoption of the current criminal law of the Russian Federation to the present time and related to the processes of criminalization and decriminalization. The study made it possible to clearly demonstrate the work of the legislator throughout the entire period of the Criminal Code of the Russian Federation in 1996, namely, their ideas about the criminal and the criminally punishable in this area at various stages of the development of society, as well as to identify the main trends in the criminal policy in the field of environmental safety. In addition, the analysis made it possible to conclude that today in this area there is a significant preponderance of criminalization processes over decriminalization; the legislator, on the one hand, tries to take into account various circumstances that contribute to the commission of environmental crimes, adds new constructive features that in their opinion have sufficient public danger, corrects mistakes, but does it inconsistently, chaotically, haphazardly, resulting in the inefficient criminal law protection of the environment.

---

¹ *Yulia Viktorovna Nadtochiy*, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

² *Muktar Sissoko*, PhD Student of the Department of Criminal Law and Criminology, Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

For citing: Nadtochiy, Yu. V., Sissoko Muktar. Modern trends in Criminal Law Policy in the field of environmental safety: Problems of criminalization and decriminalization // PACIFIC RIM: Economics, Politics, law. 2021. № 2. 2021. №. 2. P. 133–148. DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2021-2/133-148>.

Keywords: criminal law policy, criminalization, decriminalization, environmental safety, environmental crimes, environmental protection, natural environment, criminal code, changes in legislation, crime, punishability, social danger.

Современные тенденции российской экологической преступности настолько неблагоприятны, что многие отечественные криминологи вполне резонно утверждают, что это создаёт угрозу экологической безопасности как части национальной безопасности. В частности, в Стратегии национальной безопасности РФ, принятой Указом Президента РФ 31 декабря 2015 г. [3], сказано, что национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией РФ и законодательством РФ, и в том числе экологическую.

Как известно, преступность и наказуемость деяния определяется Уголовным законом. Принимая решение о криминализации, законодатель стремится учесть происходящие в российском обществе социальные, политические, экономические преобразования, новые тенденции преступности, возросшую общественную опасность отдельных видов преступного поведения. Именно на этих критериях и должно основываться формирование уголовно-правового запрета.

Однако современное состояние уголовно-правовой политики России, как небезосновательно отмечается в научной литературе, характеризуется бессистемностью, наличием отдельных идей в развитии стратегии и тактики борьбы с преступностью, спонтанно возникающих директив, которые исходят от властных структур и весьма противоречиво и непоследовательно реализуются в действительности, деструкцией уголовного закона, которые стали результатом бесконечной череды изменений и дополнений, внесённых законодателем в Уголовный кодекс РФ. Особенно наглядны изъяны уголовно-правовой политики именно в сфере законотворчества. Так, по справедливому мнению большинства отечественных правоведов, в современной российской уголовно-правовой политике обнаруживаются, мягко говоря, симптомы кризиса. Она на глазах регрессирует и находится сейчас в фазе застоя [1; 2]. Всё изложенное безусловно касается и политики в сфере экологической безопасности.

С тем, чтобы убедиться, что это действительно так, проанализируем процессы криминализации и декриминализации экологических преступлений, систематизированных законодателем с принятием УК РФ 1996 г. и закреплённых в гл. 26 «Экологические преступления» Особенной части УК РФ, произошедшие за всё время действия уголовного закона.

В первую очередь стоит сказать, что в целом, как показало наше исследование, акты криминализации экологических преступлений явно преобладают над актами декриминализации (всего 19 первых и лишь 3 вторых).

Что же касается отдельных составов преступлений, то следует отметить, что криминализационные процессы не коснулись целого ряда составов экологических преступлений, среди которых так называемые общие экологические преступления, т.е. посягающие на окружающую среду в целом (ст.ст. 246–248 УК РФ) и некоторые преступления, посягающие на отдельные компоненты природной среды, это ст.ст. 250, 254, 259, 262 УК РФ. В период действия УК РФ изменения вносились лишь в санкции обозначенных норм и касались уже процессов пенализации и депенализации, т.е. законодатель посчитал, что в этой сфере изначально учтены и зафиксированы все общественно опасные формы поведения и на протяжении всего прошедшего времени всё стабильно и не требует доработки. При этом напомним, что два состава преступления из этой группы (ст.ст. 248, 259 УК РФ) не применяются на практике, представляется, что об этом стоит задуматься.

Теперь остановимся на тех составах, которые подверглись изменениям. Начнём с трёх актов декриминализации в рамках рассматриваемой главы. Два из них произошли в далёком 1998 г. [4] и связаны с уточнением законодателем формы вины в составах ст. 249 и ч. 2 ст. 251 УК РФ, а именно указанием на неосторожную её форму. Таким образом произошла декриминализация умышленного причинения вреда обозначенным в статье объектам. И последний, третий акт декриминализации связан с общим вектором уголовной политики и исключением в 2003 г. из уголовного закона такого признака, как «неоднократность» [5], что коснулось и ст. 260 УК РФ («Незаконная рубка лесных насаждений»).

Теперь разберёмся с тем, что же и как было криминализовано в рамках рассматриваемой главы УК РФ.

Первый такой акт мы видим в 2001 г., когда в ч. 2 ст. 260 УК РФ в качестве квалифицирующего признака была добавлена группа лиц, а также появилась новая ч. 3, содержащая особо квалифицирующие признаки, в частности: особо крупный размер, группа лиц по предварительному сговору и организованная группа [6], т.е. тут произошла не только криминализация, но и дифференциация ответственности по степени общественной опасности. При этом отметим, что в других, так называемых «браконьерских» составах (ст.ст. 256, 258 УК РФ) признаки группы лиц по предварительному сговору и организованной группы содержались уже в первоначальной редакции УК РФ, простой же группы лиц там нет и по сей день, нет этого признака и ни в одном другом составе экологических преступлений, т.е. уже здесь наглядно виден непоследовательный и разрозненный подход законодателя к формированию признаков составов экологических преступлений.

Далее обратим внимание на 2006 г. и 2007 г. В эти годы произошли весьма положительные изменения целого ряда норм гл 26 УК РФ, связанные с унификацией терминологии, используемой законодателем в УК и соответствующих Федеральных законах, к которым нас отсылают бланкетные диспозиции (ст.ст. 252, 253, 257,

260, 261 УК РФ), тем самым в части составов расширился круг уголовно-наказуемых деяний, в других – произошли лишь технические изменения.

Отдельно хочется отметить ст. 256 УК РФ («Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов»), где в рассматриваемый период (2007 г.) в п. «г» ч. 1 такой признак, как совершение указанного преступления на территории «заповедника и заказника», был заменён на термин «особо охраняемые природные территории» [7], тем самым расширилась сфера применения данной нормы. При этом обратим внимание, что точно такой же признак присутствовал и в п. «г» ч. 1 ст. 258 УК РФ («Незаконная охота»), однако в 2007 г. законодатель оставил этот состав без внимания и исправил свою оплошность лишь в 2009 г.

Далее, в 2008 г. пересмотрены размеры ущерба по ст. 260 УК РФ [8], они уменьшились в два раза, а именно: значительным стал признаваться и признаётся по сей день ущерб, причинённый лесным насаждениям или не отнесённым к лесным насаждениям деревьям, кустарникам и лианам, исчисленный по утверждённым Правительством Российской Федерации таксам, превышающий пять тысяч рублей (вместо десяти), крупным размером – пятьдесят тысяч рублей (вместо ста), особо крупным размером – сто пятьдесят тысяч рублей (вместо двухсот).

Стоит также отметить, что примерно в этот период, в 2010 г., было принято Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (статьи 253, 256 УК РФ)», а в 2012 г. – новое Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования».

Отметим, что самые большие изменения произошли в сфере охраны редких, исчезающих организмов за счёт криминализация в 2013 г. нового состава преступления ст. 258.1 УК РФ «Незаконные добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесённым в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации» [9], необходимость введения которого назревала давно, так как до этого времени существовал пробел в охране редких животных и водных биологических ресурсов. В действующем УК РФ не было не только отдельной уголовно-правовой нормы, посвящённой охране «краснокнижных», но и в рамках имеющихся на то время составов экологических преступлений существовал только п. «в» ч. 1 ст. 258 УК РФ, предусматривающий ответственность за незаконную охоту в отношении птиц и зверей, охота на которых полностью запрещена. Применительно же к водным биологическим ресурсам даже подобного пункта в ст. 256 УК РФ не значилось, не говоря уже об ответственности за незаконный оборот таких организмов.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 258.1 УК РФ, предстала рядом незаконных альтернативных действий, среди которых добыча, содержание, приобретение, хранение, перевозка, пересылка и продажа особо ценных диких животных, т.е. законодатель криминализовал не только добычу, а попытался охватить все возможные варианты действий с обозначенными редкими животными. Таким образом, мы видим, что криминализации подвергся достаточно широкий круг деяний, связанных с охраной редких, особо ценных животных и водных биологических ресурсов, что объективно обусловлено целым рядом причин. Во-первых, необходимостью установления особых мер охраны в отношении столь редких и находящихся под угрозой исчезновения животных и других организмов. Во-вторых, потребностью в устранении имеющихся пробелов в уголовном законодательстве, когда за совершение определенных видов незаконных действий с указанными представителями животного мира вообще не предусматривалось уголовной ответственности.

После включения этого состава в главу 26 УК РФ законодатель продолжил его совершенствовать. Так, в 2017 г. был криминализован признак «публичности», а именно: совершение указанных преступлений с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»). В 2018 г. в нём появилась новая часть 1.1, в рамках которой криминализованы приобретение и продажа редких животных, являющихся предметом данного состава преступления, с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». А в 2019 г. наконец добавлена в качестве особо квалифицирующего признака группа лиц по предварительному сговору, до 2019 г. это являлось серьёзным пробелом в уголовно-правовой охране редких, особо ценных животных.

Вернёмся теперь к 2016 г., в котором мы можем наблюдать значительные изменения в ст. 256 УК РФ «Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов». Здесь произошла дифференциация ответственности по тому же принципу, что и в ст. 260 УК РФ в 2008 г., т.е. помимо крупного ущерба, предусмотренного в ч. 2, появился и особо крупный ущерб в ч. 3 рассматриваемого состава преступления. Кроме того, впервые было сформулировано примечание к данной норме, содержащее разъяснения всех видов ущерба [10]. В результате этих изменений появились, наконец, чёткие критерии отграничения уголовно-наказуемого деяния, составляющего крупный ущерб от административно наказуемого, – без признаков такового. Итак, на сегодняшний день крупным признаётся ущерб, причинённый водным биологическим ресурсам, исчисленный по утвержденным Правительством РФ таксам, превышающий 100 тыс. руб., а особо крупным – ущерб, превышающий 250 тыс. руб., соответственно, если в результате совершенного деяния причиняется ущерб, составляющий менее 100 тыс. руб. и отсутствуют иные признаки, преду-

смотренные п.п. «б–г» ч. 1 ст. 256 УК РФ, то такие деяния не являются преступными и уголовно наказуемыми и рассматриваются в рамках административной ответственности согласно КОАП РФ.

И здесь сразу отметим, что опять незамеченной осталась ст. 258 УК РФ «Незаконная охота», имеющая схожую конструкцию с оценочным признаком крупного ущерба и, соответственно, аналогичные проблемы. Соответствующие изменения в неё были внесены лишь спустя почти два года, в 2018 г. Как мы успели убедиться, данная статья выступает в роли «догоняющей»; чем провинились звери и птицы, являющиеся предметом ст. 258 УК РФ, – остаётся загадкой.

Отдельного внимания заслуживает ст. 253 УК РФ («Нарушение законодательства Российской Федерации о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне Российской Федерации»), а именно её ч. 2. Поясним, что основную проблему в применении данного состава преступления вызывал термин «разработка», трактовка которого была не ясна и, несмотря на то, что в Федеральном законодательстве он трактовался и трактуется лишь применительно к неживым (минеральным) ресурсам, в судебной практике он толковался широко, в том числе как добыча живых ресурсов, что приводило к неверному применению уголовного закона, ошибкам в судебной практике и вызывало бурные дискуссии. И здесь можно «поаплодировать» законодателю за то, что он, наконец, отреагировал на многочисленные рекомендации специалистов (и наши в том числе) и на законодательном уровне решил этот вопрос, устранив имеющуюся пробельность путём внесения в 2018 г. изменений в диспозицию ч. 2 ст. 253 УК РФ, дополнив её помимо уже имеющихся «исследования, поиска, разведки, разработки» новым термином – «добыча (вылов)» [11], расширив тем самым сферу применения данного состава и, одновременно, сузив её по ст. 256 УК РФ, исключив из неё добычу водных биологических ресурсов континентального шельфа РФ и исключительной экономической зоны РФ и решив тем самым проблему конкуренции обозначенных норм.

Кроме того, в этом же году ст. 253 УК была дополнена ч. 3, содержащей квалифицирующие признаки, такие как совершение рассматриваемого преступления лицом с использованием своего служебного положения либо группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, т.е. такими же, как и в иных «браконьерских» составах.

И последние, самые свежие изменения коснулись в 2019 г. ст. 255 УК РФ («Нарушение правил охраны и использования недр»), которая до тех пор оставалась неизменной. Законодатель добавил в неё ч.ч. 2 и 3 [12], криминализовав самовольную добычу янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней в случаях совершения таких деяний лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, предусмотренное статьёй 7.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, либо совершённые в крупном размере.

Проведённое нами исследование показало отсутствие некоего единого вектора, а именно чёткой, последовательной линии в осуществлении уголовной политики в этой сфере. Все изменения, вносимые в рассматриваемую главу УК РФ, являются точечными, хаотичными, не согласованными между собой, т.е. отсутствует системность в законотворческой деятельности, что безусловно сказывается на качестве как самого уголовного закона, так и на уголовно-правовой охране окружающей среды в целом.

Чтобы законодательство в сфере охраны животного мира было эффективным, необходимо, чтобы вносимые изменения были научно обоснованными и непротиворечивыми. Ведь в качестве одного из критериев эффективности уголовно-правовой нормы выступает соблюдение принципа системности права, которая, помимо прочего, означает внутреннее единство, цельность и непротиворечивость уголовного законодательства.

К сожалению, то, что мы наблюдаем, сегодня никак не согласуется с обозначенным принципом. Думается, для того, чтобы уголовно-правовая охрана животных велась максимально эффективно, необходима более тщательная законодательная работа в этом направлении.

Список литературы

1. Коробеев, А. И. Уголовная политика современной России: состояние и перспективы // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3 (35). – С. 247–250.

2. Современные проблемы уголовной политики : материалы V Международной научно-практической конференции (3 октября 2014 г.). – Краснодар, 2014. – 373 с.

3. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/61a97f7ab0f2f3757fe034d11011c763bc2e593f/ (дата обращения: 31.05.2021).

4. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 25 июня 1998 г. № 92-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19123/ (дата обращения: 31.05.2021).

5. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 08 декабря 2003 г. № 162-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45408/ (дата обращения: 31.05.2021).

6. О внесении изменений и дополнения в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : Федеральный закон от 29 декабря 2001 г. № 192-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34679/ (дата обращения: 31.05.2021).

7. О внесении изменений в Федеральный закон «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 06 декабря 2007 г. № 333-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73168/ (дата обращения: 31.05.2021).

8. О внесении изменений и дополнений в статью 260 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 8.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : Федеральный закон от 22 июля 2008 г. № 145-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_78523/ (дата обращения: 31.05.2021).

9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 02 июля 2013 г. № 150-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148462/ (дата обращения: 31.05.2021).

10. О внесении изменения в статью 256 Уголовного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 03 июля 2016 г. № 330-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200703/ (дата обращения: 31.05.2021).

11. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 27 июня 2018 г. № 157-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_301061/ (дата обращения: 31.05.2021).

12. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 500-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_341814/ (дата обращения: 31.05.2021).

References

1. Korobeev A.I. Ugolovnaya politika sovremennoi Rossii: sostoyanie i perspektivy [Criminal policy of modern Russia: status and prospects]. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, 2016, no. 3 (35), pp. 247–250.

2. *Sovremennye problemy ugolovnoi politiki: materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (3 oktyabrya 2014 g.)* [Modern problems of criminal policy: Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference (October 3, 2014) in 3 vols]. Krasnodar, 2014. 373 p.

3. *On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 No. 683*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/61a97f7ab0f2f3757fe034d11011c763bc2e593f/ (accessed 31 May 2021). (In Russian).

4. *On amendments and additions to the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of June 25, 1998 No. 92-FZ*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19123/ (accessed 31 May 2021). (In Russian).

5. *On amendments and additions to the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of December 08, 2003 No. 162-FZ.* Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45408/ (accessed 31 May 2021). (In Russian).

6. *On amendments and additions to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the RSFSR: Federal Law of December 29, 2001 No. 192-FZ.* Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34679/ (accessed 31 May 2021). (In Russian).

7. *On amendments to the Federal Law «On Fisheries and the Conservation of Aquatic Biological Resources» and certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of December 06, 2007. No. 333-FZ.* Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73168/ (accessed 31 May 2021). (In Russian).

8. *On amendments and additions to Article 260 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 8.28 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: Federal Law of July 22, 2008 No. 145-FZ.* Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_78523/ (accessed 31 May 2021). (In Russian).

9. *On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of July 02, 2013 No. 150-FZ.* Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148462/ (accessed 31 May 2021). (In Russian).

10. *On amendments to Article 256 of the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of 03 July 2016 No. 330-FZ.* Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200703/ (accessed 31 May 2021). (In Russian).

11. *On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of June 27, 2018 No. 157-FZ.* Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_301061/ (accessed 31 May 2021). (In Russian).

12. *On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law of December 27, 2019 No. 500-FZ.* Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_341814/ (accessed 31 May 2021). (In Russian).

Научное издание

**АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН:
экономика, политика, право**

Научный журнал

2021

№ 2

Главный редактор

А. И. Коробеев

Заместители главного редактора

В. В. Гаврилов, Н. В. Кузнецова, А. Ю. Мамычев

Ответственный секретарь

В. В. Короченцев

Председатель редакционного совета

С. Д. Князев

Редакционный совет

П. Я. Бакланов, В. Г. Белкин, Д. Вандерхзвааг, А. Я. Капустин,
А. С. Кошель, В. И. Курилов, Ли Ик Хён, Пак Ноенг, И. В. Панова,
И. И. Рогов, С. В. Севастьянов, О. Н. Третьяк, Фу Куенчен, Хуан Даосю

Редакционная коллегия

К. В. Арановский, Л. Ю. Вотинцева, Е. П. Жариков,
Н. Н. Коротких, В. А. Номоконов, С. К. Песцов

Редактор *Т. Л. Федотова*

Перевод на английский язык *Н. В. Бетанкурт*

Редактор References *Т. В. Поликарпова*

Компьютерная верстка *С. А. Прудкогляд*

Дата подписания в печать 20.06.2021.
Дата выхода в свет 25.06.2021.
Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 12,42.
Тираж 500 экз. Заказ 152.
Цена свободная.

Издатель:
Дальневосточный федеральный университет
690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, кампус ДВФУ

Отпечатано в типографии Издательства
Дальневосточного федерального университета
690091, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10

Index - 83612

ISSN 1813-3274

9 771813 327004 >